
САРАТОВСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

САРАТОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ

АССОЦИАЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ
ВУЗОВ
(г. МОСКВА)

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ

*Академический и вузовский
юридический научный журнал*

*Территория распространения:
Российская Федерация, страны СНГ*

*Журнал включен ВАК Минобрнауки России
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук*

2 (59) • 2015

САРАТОВ • МОСКВА

Редакционная коллегия:

А.В. Малько (главный редактор), д.ю.н., профессор; В.В. Ныркoв (зам. главного редактора), к.ю.н., доцент; О.Л. Солдаткина (ответственный секретарь), к.ю.н.; В.А. Абалдуев, к.ю.н., доцент; С.Ф. Афанасьев, д.ю.н., профессор; Е.В. Вавилин, д.ю.н., профессор; С.В. Ворошилова, д.ю.н., доцент; Н.А. Власенко, д.ю.н., профессор; О.С. Вырлеева-Балаева, к.ю.н.; А.В. Голикова, к.ю.н., доцент; М.В. Данилов, к.п.н., доцент; А.Н. Иванов, к.ю.н., доцент; К.Е. Игнатенкова, к.ю.н.; Н.В. Исаков, д.ю.н., профессор; Е.В. Кобзева, к.ю.н., доцент; Н.Н. Ковалева, д.ю.н., доцент; А.В. Колесников, к.ю.н., доцент; Е.В. Колесников, д.ю.н., профессор; Г.Н. Комкова, д.ю.н., профессор; И.Н. Коновалов, д.и.н., профессор; Д.А. Липинский, д.ю.н., профессор; В.А. Пономаренков, к.ю.н., доцент; В.В. Попов, д.ю.н., доцент; В.А. Рудковский, д.ю.н., профессор; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; А.Ю. Соколов, д.ю.н., доцент; В.В. Субочев, д.ю.н., доцент; Н.С. Судоргин, к.ю.н., доцент; Н.И. Сухова, к.ю.н., доцент; Л.А. Тимофеев, д.ю.н., профессор; В.Д. Холоденко, к.ю.н., доцент; Е.Ю. Чмыхало, к.ю.н., доцент; Р.З. Юсупов, к.ю.н., доцент.

Редакционный совет:

Н.И. Матузов (председатель), д.ю.н., профессор; С.А. Белоусов, к.ю.н., доцент; А.И. Демидов, д.ф.н., профессор; И.А. Иванников, д.ю.н., профессор; С.А. Комаров, д.ю.н., профессор; А.Г. Лисицын-Светланов, д.ю.н., профессор, академик РАН; Н.И. Михайлов, д.ю.н., профессор; С.Б. Суоров, д.с.н., профессор; С.Н. Туманов, к.ю.н., доцент; Ю.Л. Шульженко, д.ю.н., профессор; Р.С. Байниязов, д.ю.н., профессор; Ю.А. Волошин, д.ю.н., профессор (Украина); Г.А. Василевич, д.ю.н., профессор (Республика Беларусь); Г. Робберс, доктор наук, профессор (Германия); Я. Зелински, доктор наук, профессор (Польша); С. Лю, д.ю.н., профессор (Китай).

Editorial board:

A.V. Malko (editor-in-chief), Doctor of Law, Professor; V.V. Nyrkov (deputy of editor-in-chief), Candidate of Law, Associate Professor; O.L. Soldatkina (executive secretary), Candidate of Law; V.A. Abalduev, Candidate of Law, Associate Professor; S.F. Afanasiev, Doctor of Law, Professor; E.V. Vavilin, Doctor of Law, Professor; N.A. Vlasenko, Doctor of Law, Professor; S.V. Voroshilova, Doctor of Law, Associate Professor; O.S. Vyrleeva-Balaeva, Candidate of Law, Associate Professor; A.V. Golikova, Candidate of Law, Associate Professor; M.V. Danilov, Candidate of Political Science, Associate Professor; A.N. Ivanov, Candidate of Law, Associate Professor; K.E. Ignatenkova, Candidate of Law, N.V. Isakov, Doctor of Law, Professor; E.V. Kobzeva, Candidate of Law, Associate Professor; N.N. Kovaleva, Doctor of Law, Associate Professor; A.V. Kolesnikov, Candidate of Law, Associate Professor; E.V. Kolesnikov, Doctor of Law, Professor; G.N. Komkova, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; I.N. Konovalov, Doctor of History, Professor; D.A. Lipinskiy, Doctor of Law, Professor; V.A. Ponomarenkov, Candidate of Law, Associate Professor; V.V. Popov, Doctor of Law, Associate Professor; V.A. Rudkovskiy, Doctor of Law, Associate Professor; A.Y. Salomatin, Doctor of Law, Doctor of History, Professor; A.Ju. Sokolov, Doctor of Law, Associate Professor; V.V. Subochev, Doctor of Law, Associate Professor; N.S. Sudorogin, Candidate of Law, Associate Professor; N.I. Sukhova, Candidate of Law, Associate Professor; L.A. Timofeev, Doctor of Law, Professor; V.D. Holodenko, Candidate of Law, Associate Professor; E.Y. Chmyhalo, Candidate of Law, Associate Professor; R.Z. Yusupov, Candidate of Law, Associate Professor.

Editorial council:

N.I. Matuzov (chief), Doctor of Law, Professor; S.A. Belousov, Candidate of Law, Associate Professor; A.I. Demidov, Doctor of Philosophy, Professor; I.A. Ivannikov, Doctor of Law, Professor; S.A. Komarov, Doctor of Law, Professor; A.G. Lisitsin-Svetlanov, Doctor of Law, Professor; N.A. Mihajlov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Starilov, Doctor of Law, Professor; S.B. Surovov, Doctor of Sociology, Professor; S.N. Tumanov, Candidate of Law, Associate Professor; Ju.L. Shul'zhenko, Doctor of Law, Professor; R.S. Bayniyazov, Doctor of Law, Professor; Y.A. Volishin, Doctor of Law, Professor (Ukraine); G.A. Vasilevich, Doctor of Law, Professor (The Republic of Belarus); G. Robbers, DR, Professor (Germany); J. Zielinski, Dr hab, Professor (Poland); S. Lyu, Doctor of Law, Professor (China).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

- Малько А.В. (г. Саратов), Мазуренко А.П. (г. Пятигорск), Нырков В.В. (г. Саратов)*
К вопросу о концепции правотворческой политики
в современной России 8
- Белоусов С.А. (г. Саратов)*
Юридическая инфляция
как форма проявления законодательного дисбаланса 16
- Лядацева-Ильичева М.Н. (г. Саратов)*
К вопросу о политическом аспекте проблем гражданского права
в России в период русской революции 1917 года 22
- Соболева Ю.В. (г. Саратов)*
Субъекты административного права: подходы к классификации 29
- Соколов А.Ю., Исаков А.Р. (г. Саратов)*
Система критериев оценки качества государственных услуг 36

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (ФИЛИАЛ В Г. ПЯТИГОРСКЕ)

- Дьяченко О.В., Мещеряков А.В.*
Советская правовая политика в сфере гражданства
в период становления его как института:
краткий историко-правовой экскурс 43
- Вильгоненко И.М., Слепенко Ю.Н., Анучкина А.Д., Белокопытова Н.Ю.*
Условия привлечения к ответственности лиц,
ответственных за вред,
причиненный несовершеннолетними 47
- Амиянц К.А., Захарян О.А., Чемеринский К.В.*
Уголовно-правовая политика: понятие и содержание 53

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

- Аверин А.В.*
О зависимости правоприменительной практики
от «околоправовых» факторов 59
- Кудрявцев А.В., Кудрявцева Н.Е.*
Некоторые аспекты оперативно-розыскного
и криминалистического обеспечения расследования преступлений,
совершенных в уголовно-исполнительной системе 68
- Ашин А.А.*
Ресоциализация осужденных к лишению свободы
в условиях современной России 74
-

<i>Рузевич О.Р., Симагина Н.А.</i>	Психологические аспекты ресоциализации осужденных в местах лишения свободы	79
<i>Зин Н.В.</i>	Институт присяжных заседателей в истории дореволюционной России	84
<i>Колесов Н.Б.</i>	«Эффект маятника» в истории развития стран Западной Европы	88
<i>Наумов А.М.</i>	К вопросу о теоретико-практических взглядах М.А. Чельцова на уголовное преследование	92
<i>Лачина Е.А., Лачин А.А.</i>	К вопросу о понятии права на судебную защиту	96
<i>Чирикун В.А., Гроза Ю.А.</i>	Место суверенитета в системе государственных ценностей	100

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
НОВОРОССИЙСКИЙ ФИЛИАЛ МОСКОВСКОГО ГУМАНИТАРНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА**

<i>Пономарева М.Ю.</i>	Финансово-правовые основы реализации местного самоуправления	105
<i>Куткович Т.А.</i>	Проблемы правового регулирования приема в образовательные организации высшего образования в Российской Федерации	110
<i>Грузинская Е.И., Тахтенкова А.О.</i>	Хищение имущества, находящегося при труп: вопросы квалификации	116

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Минаев К.А. (г. Саратов)</i>	Место и роль легализации ограничений прав и свобод человека и гражданина в правовой жизни общества	122
<i>Агаренков С.В. (г. Саратов)</i>	Анализ развития отечественного лесного законодательства в эпоху индустриализации и коллективизации	126
<i>Макаров Д.Ю. (г. Саратов)</i>	Криминологическая обусловленность уголовно-правовой охраны прав граждан, связанных с получением вознаграждения за труд	131

МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА

**Обзор методологического семинара в форме круглого стола,
г. Саратов, 4 марта 2014 г.**

<i>Шепелёв А.Н.</i>	Теория юридического языка	137
---------------------	-------------------------------------	-----

<i>Ирошников Д.В.</i>	К вопросу о проблемах теории юридического языка	144
<i>Уздимаева Н.И.</i>	Язык права и особенности правовых текстов	145
<i>Сулейманов Б.Б.</i>	Теория юридического языка (некоторые размышления)	147
<i>Пономаренков В.А.</i>	Социально-факторная основа исследования «юридического языка»	148
<i>Елистратова В.В.</i>	К вопросу о специфике юридического языка	150
<i>Лебедева Е.Н.</i>	Юридический язык в системе категорий стимулирования	151

CONTENT

LEGAL AND POLITICAL LIFE OF SOCIETY

<i>Malko A.V. (Saratov), Mazurenko A.P. (Pyatigorsk), Nyrkov V.V. (Saratov)</i>	On the concept of the law-making policy in modern Russia	8
<i>Belousov S.A. (Saratov)</i>	Legal inflation as a form of manifestation legislative imbalance	16
<i>Lyadascheva-Ilicheva M.N. (Saratov)</i>	On the political aspect of the problems of civil law in Russia during the Russian Revolution of 1917	22
<i>Soboleva Yu.V. (Saratov)</i>	Subjects of administrative law: approaches to classification	29
<i>Sokolov A.Yu., Isakov A.R. (Saratov)</i>	The system of criteria for evaluating the quality of public services	36

PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION – NORTH-CAUCASIAN FEDERAL UNIVERSITY (PYATIGORSK BRANCH)

<i>Dyachenko O.V., Mescheryakov A.V.</i>	Soviet legal policy in the area of citizenship during the formation of his as an institution: a brief history of legal excursus	43
<i>Vilhonenco I.M., Slepencok Y. N., Anuchkina A.D., Belokopytova N.Y.</i>	Terms of bringing to justice those responsible for damage caused by minors	47
<i>Amiyants K.A., Zakharyan O.A., Chemerinsky K.V.</i>	Criminal law policy: concept and content	53

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS OF
THE RUSSIAN FEDERATION –
VLADIMIR BRANCH OF THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF
NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
LAW FACULTY**

Averin A.V.
About the dependence of law enforcement practice
on the “supposed law” factors 59

Kudryavtsev A.V., Kudryavtseva N.E.
Some aspects of operational-investigative
and forensic software investigate crimes committed
in the penal system 68

Ashin A.A.
Resocialization of persons sentenced to deprivation of liberty
in the conditions modern Russia 74

Ruzevich O.R., Simagina N.A.
Psychological aspects of resocialization of convicts in prisons 79

Zin N.V.
Institute of jurors in the history of pre-revolutionary Russia 84

Kolesov N.B.
«Effect of a pendulum» in the history of development of countries
of Western Europe 88

Naumov A.M.
To the question of theoretical and practical views of M.A. Cheltsov
of criminal prosecution 92

Lachina E.A., Lachin A.A.
Revisiting the concept of access to courts 96

Chirikin V.A., Groza Y.A.
The inviolability of state sovereignty as the basis for world order 100

**PRESENTATION OF HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION –
NOVOROSSIYSK BRANCH OF MOSCOW INSTITUTE OF
HUMANITARIAN AND ECONOMIC SCIENCES**

Ponomareva M.U.
Financial and legal basis of the implementation of local self-government 105

Kutkovich T.A.
Problems of legal regulation of admission to educational institutions
of higher education in the Russian Federation 110

Gryzinskaya E.I., Tahtenkova A.O.
Theft of property located at the corpse: qualification questions 116

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Minaev K.A. (Saratov)
Place and role of legalization
of restrictions of the human rights
and freedoms of in legal life of society 122

<i>Agarenkov S.V. (Saratov)</i>	
The analysis of development of the domestic forest legislation during at the period of industrialization and collectivization	126
<i>Makarov D.Yu. (Saratov)</i>	
Criminological characteristic of criminal legal protection of the rights of citizens connected with receiving salary for work	131

ROUND TABLE DISCUSSION'S MATERIALS

**The review of a methodological seminar in the form of a round table,
Saratov, on March 4, 2014**

<i>Shepelyov A.N.</i>	
The theory of legal language	137
<i>Iroshnikov D.V.</i>	
On the question of the legal problems of the theory of language	144
<i>Uzdimaeva N.I.</i>	
Language rights and especially the legal texts	145
<i>Suleymanov B.B.</i>	
The theory of legal language (some thoughts)	147
<i>Ponomarenkov V.A.</i>	
Socio-factor research base «legal language»	148
<i>Elistratova V.V.</i>	
To a question of specifics of legal language	150
<i>Lebedeva E.N.</i>	
Legal language in the categories of incentives	151

• ПРАВОВАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА •

А.В. Малько,
доктор юридических наук, профессор,
директор Саратовского филиала
Института государства и права РАН

A.V. Malko,
Doctor of Law, Professor,
Director,
Saratov Branch of the Institute of State
and Law
igp@sgap.ru

А.П. Мазуренко,
доктор юридических наук, профессор,
декан Пятигорского филиала
Северо-Кавказского федерального
университета

A.P. Mazurenko,
Doctor of Law, Professor,
Dean,
Pyatigorsk branch of the North Caucasus
Federal University
decanpetrovich@mail.ru

В.В. Нырков,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель директора по науке,
Саратовский филиал Института
государства и права РАН

V.V. Nyrkov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Deputy Director for Science,
Saratov Branch of the Institute of State
and Law
igp@sgap.ru

К вопросу о концепции правотворческой политики в современной России

Аннотация: в статье обращается внимание на проблему разработки концепции правотворческой политики как доктринального документа, содержащего стратегию развития правотворческой деятельности и системы российского законодательства. Отмечается низкое качество правотворческой работы в современной России, ее значительное отставание от экономических, социальных, политических и иных потребностей общества. Отстаивается необходимость соответствующего системного реагирования на отмеченные недостатки правотворческой практики в виде надлежащей правотворческой политики, которая должна отличаться именно системным характером, соединяющим многие инструменты правотворческого процесса во взаимосвязанный механизм. Предлагается разработка и введение в научный оборот нового понятия «концептуальные основы правотворческой политики». Документальным воплощением указанных основ является проект Концепции правотворческой политики Российской Федерации. Основной задачей данной Концепции должно выступать отражение современного состояния правотворчества и системы права в России, направлений и перспективных стратегических ориентиров модернизации отечественного законодательства, а также путей повышения эффективности правотворческой политики на обозримую перспективу. Под Концепцией правотворческой политики предлагается понимать политико-правовой документ доктринально-прикладного характера, содержащий систему теоретических положений, отражающих научно обоснованные взгляды на сущность, цели, принципы, приоритеты, механизм формирования и реализации правотворческой политики, а также комплекс практических мер по повышению ее эффективности в условиях современной России. Выделяются наиболее существенные признаки правотворческой политики, дается ее авторское определение. В структуре правотворческой политики рассматриваются такие ее элементы, как стратегия и тактика, планирование и прогнозирование, мониторинг и юридическая техника, научное обоснование и учет общественного мнения, экспертное и методическое обеспечение и т. д.

Ключевые слова: правотворческая политика, концепция правотворческой политики, правовая политика, стратегия и тактика правотворческой деятельности.

On the concept of the law-making policy in modern Russia

Abstract: *the article draws attention to the problem of development of the concept of legislative policy as doctrinal document containing the strategy for the development of legislative activity and system of the Russian legislation. Low quality of legislative work in contemporary Russia, it is a significant lag between the economic, social, political and other needs of society. Asserted the necessity of the appropriate system response to the deficiencies noted legislative practice in the form of appropriate legislative policy, which should be different it is systemic in nature, connecting many of the tools the law-making process in an interconnected mechanism. Proposed development and introduction into scientific use the new notion of "conceptual foundations of legislative policy." Documentary embodiment of the basics is the draft concept of the law-making policy of the Russian Federation. The main objective of this Concept should be a reflection of the current state of the law making and the legal system in Russia, trends and future strategic objectives of the modernization of the domestic legislation, as well as ways to improve the effectiveness of law-making policy for the foreseeable future. Under the Concept of law-making policy is proposed to understand the political-legal document doctrinal and applied nature, containing a system of theoretical principles that reflect scientifically based views on the nature, objectives, principles, priorities, mechanisms of formation and implementation of legislative policy, as well as a set of practical measures to improve its effectiveness in conditions of modern Russia. Stand out the most essential characteristics of law-making policy, given its author's definition. In the structure of legislative policy focuses on such elements as strategy and tactics, planning and forecasting, monitoring and legal techniques, scientific study and public consultation, expert and methodological support, etc.*

Keywords: *legislative policy, the concept of law-making policy, legal policy, strategy and tactics of legislative activity.*

Как известно, отличительной чертой развития российского общества в постсоветский период стали масштабные преобразования во всех его сферах, вызвавшие новые тенденции, политико-правовые процессы, вследствие чего юридическая наука проявила заметный интерес к их исследованию. В частности, в эти годы началась интенсивная разработка проблем правовой политики как нового и сложного по своей природе и структуре политико-правового феномена [1–6]. Обратим внимание, что именно в данный период пришло осознание того, что правовая политика, при всем многообразии характеристик и определений, понимается и воспринимается в обществе, прежде всего, как политика правотворческая [2, с. 180].

Два десятилетия отечественных реформ сопровождаются коренными изменениями в праве. Практически заново сформированы все основные отрасли российского законодательства. На значительно более высокий уровень возведена роль закона как главного средства регулирования общественных отношений. Свое важное место в механизме государства заняла представительная власть. Правотворчество в стране развивается невиданными темпами. Так, если за 70 лет существования СССР было издано порядка 80 актов союзного законодательства, то сегодня только на уровне федерального парламента принимается до 350 законов в год. Однако, несмотря на эти весьма позитивные перемены, все явственнее стали заявлять о себе те проблемы отечественного правотворчества, которые настоятельно требуют его системной модернизации, выработки научно обоснованной стратегии и тактики в правотворческой сфере, использования новых инструментов для устранения многочисленных недостатков правотворческой деятельности.

По оценкам специалистов, сегодня каждый седьмой закон содержит серьезные ошибки. Типичность таких правотворческих ошибок, как бессистемность правовых актов, их внутренняя противоречивость и излишняя численность, обилие в законодательстве декларативных норм, не снабженных механизмом реализации, а также повторяемость подобных ошибок на протяжении многих лет говорят об их системном характере. Кроме того, субъекты правотворчества так и не могут в полной мере синхронизировать федеральный, региональный и муниципальный уровни правотворческого процесса.

До сих пор не утвердился системный, взвешенный подход к вопросам юридической стратегии и тактики, не стали нормой при проведении правовой реформы опора на научный анализ и прогноз, учет общественного мнения и квалифицированная оценка возможных последствий принимаемых решений. Законодательство во многом не успевает своевременно и адекватно регулировать уже фактически сложившиеся общественные отношения, стимулировать развитие новых, необходимых социальных связей. Недооценивается значение плановых начал в правотворчестве.

Все это говорит о пока еще низком качестве правотворческой работы, ее значительном отставании от экономических, социальных, политических и иных потребностей общества, о большом количестве правотворческих ошибок и иных просчетов в правовом регулировании. Справиться с названными проблемами одноразовыми, эпизодическими действиями невозможно. Требуется соответствующее системное реагирование — *правотворческая политика*, которая отличается именно системным характером, соединяющим многие инструменты правотворческого процесса во взаимосвязанный механизм.

На наш взгляд, правотворческая политика есть путь к усовершенствованию и обновлению правотворчества, повышению его эффективности. Подобный вид политики требуется для выстраивания непротиворечивого, внутренне единого, согласованного, последовательного правотворческого процесса, для внесения в него системности и юридической точности. В данном контексте весьма наглядно проявляется необходимость изучения особенностей, выявления сущности и разработки концептуальных основ правотворческой политики как важного фактора модернизации правотворчества в Российской Федерации.

Следует активизировать научную разработку наиболее общих идей и подходов к пониманию целей и задач правотворческой политики, которые должны лежать в основе такой концептуализации. Этого настоятельно требует негативная ситуация, сложившаяся в сфере отечественного правотворчества, которая только усугубляется из-за отсутствия скоординированной позиции властных структур, науки и субъектов гражданского общества в отношении путей дальнейшего развития отечественной системы права. Такая концепция «должна характеризовать степень отражения в законодательстве (правотворческой политики) происходящих в обществе процессов и точность проецирования данных процессов на будущее» [2, с. 201].

Как отмечают Т.Я. Хабриева и Ю.А. Тихомиров, «в развитии законодательства отчетливо выявились трудности, одна из причин которых — недостаточное использование научных основ правотворчества... Сказанное объ-

ясняет необходимость подготовки научных концепций развития российского законодательства» [7, с. 6]. Полностью соглашаясь с приведенным мнением, хотелось бы отметить, что концептуализация развития законодательства все же является частью более широкого процесса — концептуализации правотворческой политики. На этапе модернизации России все больше становится очевидным, что законодательство не может развиваться вне четкой и обоснованной концептуальной основы. На подобные вызовы времени ученые-юристы отвечают уже не один год, предлагая свои научные наработки в форме концепций.

Так, выдержали не одно издание «Концепции развития российского законодательства» [2, 9], подготовленные сотрудниками Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. В феврале 2011 г. творческий коллектив института представил в Совете Федерации очередную редакцию Концепций, отражающую потребности модернизации российского законодательства на современном этапе. Учеными Института государства и права РАН была предложена общественности концепция стабильности закона, выраженная в форме монографического исследования [8]. Разработку подобных доктринальных документов можно только приветствовать. На наш взгляд, обеспечение концептуализации теоретических взглядов и практических подходов в области нормативно-правового регулирования является одной из первоочередных задач современной юридической науки. Продукт, который она призвана давать, должен быть выражен в более концентрированной, аргументированной, системной, целостной форме — в форме концепций. Особенно это касается крупных научных проблем, наиболее злободневных, востребованных как наукой, так и практикой. К числу таких проблем, несомненно, относится проблема формирования и реализации современной российской правотворческой политики как действенного фактора модернизации отечественного правотворчества.

Необходимо признать, что процесс формирования концептуальных основ правотворческой политики имеет свои сложности. Во-первых, сегодня происходит бурное развитие отраслевых юридических наук, результаты которого не до конца обобщены и теоретически осмыслены. Во-вторых, изменения ценностной системы общества, повышение требований к качественной характеристике правотворческой политики определяют ее «неполноценность» в условиях новых реалий. Все это вызывает необходимость переосмыслить место и роль такой политики в обществе и определить современные требования к ее формированию. В связи с этим разработка и введение в научный оборот нового понятия «концептуальные основы правотворческой политики» предполагает, с одной стороны, формализацию новых сведений и фактов о предмете исследования, обоснование ее уникальности в отношении иных правовых феноменов, а с другой — необходимость прибегнуть к созданию абстракции-идеи, которая, при определенных условиях, обретает свое объективирование, получает статус научного понятия.

Документальным воплощением указанных основ выступает проект Концепции правотворческой политики Российской Федерации, полный текст которого впервые опубликован в 2011 г. [9]. Ее основная задача

заключается в отражении современного состояния правотворчества и системы права в России, направлений и перспективных стратегических ориентиров модернизации отечественного законодательства, а также путей повышения эффективности правотворческой политики на обозримую перспективу.

При этом нельзя забывать, что современная российская правовая система все еще является системой переходного периода, поскольку находится под воздействием продолжающейся правовой реформы, бесконечных изменений действующего законодательства, порождающих его нестабильность. Неотъемлемыми элементами концепции правотворческой политики должны стать представления о ее стратегических ориентирах и наиболее актуальных ближайших задачах, о необходимых принципах и формах реализации, о мерах, направленных на ее совершенствование.

Указанная задача достаточно интенсивно решается сегодня, в частности, на базе Научно-образовательного центра правотворческой политики современной России, созданного Саратовским филиалом Института государства и права РАН и Северо-Кавказским филиалом Московского гуманитарно-экономического института, основным направлением деятельности которого выступают научные исследования федеральных, региональных и муниципальных проблем правотворческой политики. В рамках названной структуры организован процесс фундаментальных и прикладных научных исследований правотворческой политики. Различным аспектам названной проблематики был посвящен ряд конференций, «круглых столов», по итогам которых изданы сборники научных статей, готовятся монографии [10, 11], учебные издания [12, 13], выпускается ежегодник «Правотворческая политика». Одной из целей деятельности Центра является всесторонняя апробация проекта Концепции правотворческой политики.

Под такой Концепцией предлагается понимать политико-правовой документ доктринально-прикладного характера, содержащий систему теоретических положений, отражающих научно обоснованные взгляды на сущность, цели, принципы, приоритеты, механизм формирования и реализации правотворческой политики, а также комплекс практических мер по повышению эффективности правотворческой деятельности в условиях современной России. Иными словами, данная концепция включает в себя не только совокупность наиболее общих идей, подходов к пониманию правотворческой политики, но и предлагает пути усовершенствования как системы права в целом, так и правотворческой деятельности в отдельности. Но этим ее содержание не ограничивается. На наш взгляд, у нее более широкое назначение.

Разработка проекта Концепции правотворческой политики обусловлена необходимостью модернизации правотворческой деятельности, создания необходимых условий для оптимизации современного федерального и регионального законодательства, муниципальных правовых массивов, обеспечения единства и целостности правового пространства, укрепления взаимодействия органов публичной власти и институтов гражданского общества в правотворческом процессе, содействия выработке общности принципиальных правовых позиций всех субъектов правотворческой политики, повышения степени целесообразности и эффективности нормативно-правового воздействия на различные сферы социальной жизни.

В данном смысле концептуализация правотворческой политики имеет более глубокое социальное звучание, более объемный и одновременно более обобщенный охват юридического материала. Получается, что такая концептуализация, будучи связана с развитием системы права, выходит на более высокий уровень абстрагирования, «интересуясь» не только законодательством, но и иными формами политико-правовой практики, оказывающими существенное влияние на развитие правовой жизни современного российского общества. Поэтому при конструировании концепции правотворческой политики одинаково нежелательны как чрезмерный отрыв от объективной реальности, так и попытки свести ее к совокупности сугубо теоретизированных положений. В первом случае такая концепция станет утопией, во втором — не более чем комментарием сложившейся правотворческой практики.

Несмотря на то что правовая политика является основой формирования политики правотворческой, последняя имеет самостоятельный характер. Определяющим аргументом подобного статуса правотворческой политики служит то, что, во-первых, она формируется и реализуется в наиболее важной юридической сфере — правотворческой, устанавливая при этом ее нормативно-концептуальные основы. Во-вторых, такая политика оказывает мощное воздействие на неюридические сферы общества (экономическую, социальную, культурную и др.), где с помощью присущих ей средств и методов способствует решению важнейших государственных задач.

Проведенный анализ показывает, что правотворческая политика — явление сложное и неоднозначное. Основанная на правотворческой деятельности, она направлена на совершенствование правотворческого процесса и всестороннее упорядочение системы права. Залогом ее действенности выступает то, что она использует инструменты правовой политики, составной частью которой является. В то же время самостоятельность правотворческой политики подтверждается наличием признаков, отличающих ее от других видов правовой политики (правоприменительной, правоинтерпретационной и т. д.). К числу таких признаков можно отнести следующие:

- выступает как единый политико-правовой фактор правотворческой деятельности, основывается на ней и непосредственно воздействует на нее;
- является важнейшей разновидностью правовой политики Российского государства;
- характеризуется многосубъектностью: в ее выстраивании и осуществлении принимают участие все без исключения субъекты права законодательной инициативы, работники аппаратов представительных и исполнительных органов власти, различные институты гражданского общества, представители научных организаций, эксперты, лоббисты, граждане и т. д.;
- заключается в стремлении к созданию взаимосогласованной, беспробельной и целостной системы права;
- является одновременно стратегией и тактикой в сфере правотворчества;
- использует инструменты прогнозирования и планирования, обеспечивающие ее последовательность и предсказуемость;
- носит системный характер: объединяет многие инструменты правотворческого процесса во взаимосвязанный механизм.

Основываясь на сказанном выше, можно предложить следующее понимание сущности правотворческой политики. С одной стороны, *правотворческая политика представляет собой комплекс концептуальных идей, программ, планов, направленных на модернизацию правотворчества, повышение его эффективности в целях создания непротиворечивой и целостной системы права*, а с другой — *является особой разновидностью правовой политики, выражающейся в научно обоснованной, последовательной и системной деятельности государственных структур и субъектов гражданского общества по формированию и реализации стратегии и тактики правотворчества*.

Предложенное определение отражает идеальную модель рассматриваемого феномена, включающую его *статическую* (идеи) и *динамическую* (деятельность) составляющие, и, вместе с тем, не позволяет забывать о многочисленных проблемах правотворческой политики, которые возникают в процессе ее реального осуществления, что, в свою очередь, требует соответствующих усилий со стороны научного сообщества по их дальнейшей теоретической разработке. Речь идет о таких ее элементах, как стратегия и тактика, планирование и прогнозирование, мониторинг и правотворческая техника, научное обоснование и учет общественного мнения, экспертное и методическое обеспечение и т. д.

Только в рамках целостной правотворческой политики все эти элементы упорядочиваются, приводятся в соответствующую систему, в которой каждый из них занимает свое место и играет свою роль. Именно соединение данных разрозненных инструментов и установление между ними необходимых системных связей позволяет повысить их эффективность, делает оптимизирующее воздействие на правотворчество более заметным и результативным. В этом одно из важнейших преимуществ подобного вида политики.

Таким образом, в нынешних условиях очевидна проблема совершенствования правотворческой политики, что, в свою очередь, требует полномасштабного и комплексного изучения данного института: исторических закономерностей его развития и концептуальных основ формирования, а также выработки научно обоснованных рекомендаций по практическому использованию накопленных знаний в целях модернизации правотворчества в современной России.

Список литературы:

1. Алексеев, С.С. Основы правовой политики в России : курс лекций / С.С. Алексеев. — М.: БЕК, 1995. — 320 с.
 2. Российская правовая политика : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М.: Норма, 2003. — 528 с.
 3. Исаков, Н.В. Правовая политика России: теоретические аспекты / Н.В. Исаков; под ред. А.В. Малько. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003. — 294 с.
 4. Правовая политика России: теория и практика / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М.: Проспект, 2006. — 752 с.
 5. Рудковский, В.А. Правовая политика и осуществление права / В.А. Рудковский; под ред. Н.Н. Вопленко. — Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2009. — 336 с.
 6. Малько, А.В. Теория правовой политики / А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2012. — 328 с.
-

7. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. — М.: ИД «Городец», 2004. — 848 с. (Автор предисл. — Т.Я. Хабриева).

8. Концепция стабильности закона / отв. ред. В.П. Казимирчук. — М.: Проспект, 2000. — 176 с.

9. Малько, А.В. Концепция правотворческой политики в Российской Федерации (проект) / А.В. Малько, А.П. Мазуренко. — М.: МГЭИ, 2011. — 34 с.

10. Малько, А.В. Правотворческая политика России: история и современность / А.В. Малько, А.П. Мазуренко. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 256 с.

11. Исаков, Н.В. Правотворческая политика органов исполнительной власти / Н.В. Исаков, В.Р. Калайчев, А.П. Мазуренко. — Пятигорск: РИА-КМВ, 2014. — 228 с.

12. Российская правотворческая политика : учебное пособие / под ред. А.В. Малько, А.П. Мазуренко. — Саратов; Пятигорск : РИА КМВ, 2012. — 275 с.

13. Правотворческая политика в современной России : курс лекций / под ред. А.В. Малько. — Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. — 344 с.

References:

1. Alekseev, S.S. Osnovy pravovoj politiki v Rossii : kurs lekcij / S.S. Alekseev. — М.: БЕК, 1995. — 320 с.

2. Rossijskaja pravovaja politika : kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. — М.: Norma, 2003. — 528 с.

3. Isakov, N.V. Pravovaja politika Rossii: teoreticheskie aspekty / N.V. Isakov; pod red. A.V. Mal'ko. — Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 2003. — 294 с.

4. Pravovaja politika Rossii: teorija i praktika / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. — М.: Prospekt, 2006. — 752 с.

5. Rudkovskij, V.A. Pravovaja politika i osushhestvlenie prava / V.A. Rudkovskij; pod red. N.N. Voplenko. — Volgograd : Volgogradskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2009. — 336 с.

6. Mal'ko, A.V. Teorija pravovoj politiki / A.V. Mal'ko. — М.: Jurlitinform, 2012. — 328 с.

7. Konceptii razvitija rossijskogo zakonodatel'stva / pod red. T.Ja. Habrievoj, Ju.A. Tihomirova, Ju.P. Orlovskogo. — М.: ID «Gorodec», 2004. — 848 с. (Avtor predisl. — T.Ja. Habrieva).

8. Konceptija stabil'nosti zakona / отв. ред. V.P. Kazimirchuk. — М.: Prospekt, 2000. — 176 с.

9. Mal'ko, A.V. Konceptija pravotvorcheskoj politiki v Rossijskoj Federacii (proekt) / A.V. Mal'ko, A.P. Mazurenko. — М.: MGJeI, 2011. — 34 с.

10. Mal'ko, A.V. Pravotvorcheskaja politika Rossii: istorija i sovremennost' / A.V. Mal'ko, A.P. Mazurenko. — М.: Jurlitinform, 2013. — 256 с.

11. Isakov, N.V. Pravotvorcheskaja politika organov ispolnitel'noj vlasti / N.V. Isakov, V.R. Kalajchev, A.P. Mazurenko. — Pjatigorsk: RIA-KMV, 2014. — 228 с.

12. Rossijskaja pravotvorcheskaja politika : uchebnoe posobie / pod red. A.V. Mal'ko, A.P. Mazurenko. — Saratov; Pjatigorsk : RIA KMV, 2012. — 275 с.

13. Pravotvorcheskaja politika v sovremennoj Rossii : kurs lekcij / pod red. A.V. Mal'ko. — Saratov: Izd-vo FGBOU VPO «Saratovskaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija», 2013. — 344 с.

С.А. Белоусов,
кандидат юридических наук, доцент,
проректор по науке,
Саратовская государственная
юридическая академия

S.A. Belousov,
Candidate of Laws, Associate Professor,
Vice-rector on science of Saratov State
Law Academy
sbelousov@sgap.ru

Юридическая инфляция как форма проявления законодательного дисбаланса

Аннотация: статья посвящена анализу одной из форм законодательного дисбаланса, подразделяемого в зависимости от плотности правового регулирования на положительный и отрицательный. Рассматривается положительная форма проявления дисбаланса в законодательстве на примере Российской Федерации. Акцентируется внимание на актуальности изучения проблемы разбалансированности нормативного правового материала, ее недостаточной разработанности в отечественной юриспруденции. Раскрываются такие виды юридической инфляции, как излишняя множественность нормативных правовых актов, регулирующих конкретную, подчас очень узкую, область общественных отношений посредством чрезмерной специализации законодательства; коллизии в содержании отдельного нормативного правового акта между его нормами, возникающие в силу избыточности или неточности юридической регламентации общественных отношений; наличие нормативного правовых предписаний, направленных на юридическое упорядочение социальных связей, объективно не требующих правового воздействия. Отмечается нецелесообразность отождествления дефектов законодательства в виде коллизий, нетребуемой и избыточной нормативно-правовой регламентации общественных отношений с самим понятием законодательного дисбаланса. Обосновывается позиция, согласно которой категория законодательного дисбаланса отражает в динамике состояние неравновесия, диспропорции и иных нарушений внутрисистемных связей законодательства, а понятие дефект нормативно-правовой базы призвано показать в теории статику деформационных явлений, выступающих в качестве своеобразного следствия законодательного дисбаланса как динамического процесса. В заключение автором предлагается собственная дефиниция юридической инфляции как одной из форм проявления законодательного дисбаланса.

Ключевые слова: законодательный дисбаланс, юридическая инфляция, плотность правового регулирования, коллизии и избыточность нормативно-правовой материи.

Legal inflation as a form of manifestation legislative imbalance

Abstract: the article is devoted to the analysis of one of the forms of legislative imbalance which according to density of legal regulation is divided into positive and negative. The positive manifestation of imbalance in the legislation of the Russian Federation. Focuses on the relevance of studying the problem of imbalance of regulatory material, its lack of readiness in domestic jurisprudence. Revealed the following types of legal inflation, as: excessive multiplicity of normative legal acts regulating specific, sometimes very narrow, the area of social relations through excessive specialization of law; conflict in the contents of a separate legal act among its provisions, arising from redundancy or inaccuracies of legal regulation of social relations; the existence of regulatory requirements aimed at ensuring the legal ordering of social relations, objectively, does not require legal action. It is noted that the unreasonableness of the identification of the defects of the legislation in the form of collisions, unrequested and excessive legal regulation of social relations that characterize the concept of legislative imbalance. Locates the position according to which category of legislative imbalance reflects the dynamics in the state of disequilibrium, imbalance and other violations of intersystem communications law, and the notion of a defect of the regulatory framework is intended to show in the theory of static deformation phenomena in it, which act as a kind of corollary of the legislative imbalance as a dynamic process. In conclusion, the author offers his own legal definition of inflation as a form of existence of legislative imbalance.

Keywords: legislative imbalance, legal inflation, the density of legal regulation, conflict and redundancy legal matter.

В юридической литературе в качестве одной из важнейших задач стратегического развития российской правовой системы обоснованно определяется обеспечение системной модернизации законодательства, посредством которого предполагается сформировать внутренне согласованную нормативно-правовую материю, создать условия для синхронной трансформации элементов государственно-правовой надстройки, а также поддерживать баланс в структуре законодательства [1, с. 63]. В последнее время анализ состояния российского законодательства достаточно часто сопровождается использованием терминов «несогласованность», «диспропорция», «противоречивость», «несистемность», «неполнота», «дефектность», «кризис» и т. п. Подобная терминологическая практика описания состояния нормативно-правовой базы свидетельствует о наличии наряду с позитивными тенденциями и негативных моментов в процессе развития системы российского законодательства, что актуализирует вопросы теоретического исследования состояния ее разбалансированности, различных форм и видов проявления дисбаланса в ней или в отдельных ее подсистемах и элементах.

Нередко законодательный дисбаланс проявляется в несоразмерности плотности правового регулирования на различных участках общественных отношений. Взяв за отправную точку плотность, т. е. критерий дифференциации, можно отметить, что законодательный дисбаланс бывает как положительным, так и отрицательным. Исходя из аксиомы (содержащей, правда, определенную тавтологию, без которой, однако, обойтись не представляется возможным) «всякое общественное отношение, подлежащее правовому регулированию, должно быть правом урегулировано», законодательный дисбаланс предстает в двух своих противоположных разновидностях — пробелы в законодательстве (*отрицательная форма проявления законодательного дисбаланса*) и юридическая инфляция, или избыточное нормативно-правовое урегулирование (*положительная форма проявления законодательного дисбаланса*).

Каждая из обозначенных форм разбалансированности системы нормативных правовых актов обладает собственной спецификой, требует как отдельного исследования, так и совместного рассмотрения во взаимной связи и взаимопереходах. В настоящей статье представляется актуальным и в научно-теоретическом плане значимым обращение внимания читателя именно на проблему «положительной» формы проявления законодательного дисбаланса. Термин «положительный» применительно к дисбалансу мы используем с определенной долей условности. Акцент в данном случае следует делать не на некоем «положительном» эффекте или значении от наличия в системе законодательства феномена избыточности нормативно-правовой регламентации общественных отношений, а на противопоставлении двух форм нарушения плотности нормативно-правовой материи, которые имеют преимущественно негативное влияние на сбалансированность и системность законодательства.

Что касается юридической инфляции, то в самом факте принятия большого количества нормативных правовых актов в целях подробного регулирования самых разнообразных общественных отношений, включая все

их возможные аспекты, казалось бы, нет ничего плохого. Тем не менее мы говорим о юридической инфляции, рассматриваемой в качестве формы проявления законодательного дисбаланса, как о негативном явлении. В связи с этим необходимо разграничивать две характеристики нормативно-правового материала — должного уровня детализацию и специализацию нормативных правовых предписаний и излишне подробную правовую регламентацию общественных отношений, а также и вовсе объективно излишнее их юридическое оформление. В последнем случае как раз и следует вести речь о юридической инфляции как о следствии нарушения в несоразмерности плотности нормативно-правовой материи объективным потребностям в юридической регламентации социальных связей.

Одним из проявлений юридической инфляции выступает принятие большого количества «пустых», декларативных и фактически недействующих нормативных правовых актов. Данная тенденция отличала в определенный период времени недавней российской истории работу союзного парламента, главной характеристикой которой и в прессе, и в научной литературе считают «бум», «каскад», «девятый вал» законотворчества с преобладанием «мертворожденных» и полузабытых впоследствии законов [2, с. 190]. В период с начала перестройки было принято большое количество бесполезных, нереальных законов, в то время как многие сферы жизни российского социума, объективно требующие правового урегулирования, не получили такового ни в требуемом количестве, ни в должном качестве. В.В. Путин в своем первом обращении к Федеральному Собранию РФ в 2000 г. признавал существование озвученной проблемы: «Мы принимаем многочисленные законы, заранее зная, что они не обеспечены реальным финансированием», называя подобную практику «государственной ложью» [3].

Не случайно рассматриваемая форма законодательного дисбаланса названа нами юридической инфляцией. Главное в понятии инфляции — юридической или же любой другой — обесценивание, вызванное переполнением чем-либо сферы, в этом не нуждающейся. Касательно законодательства, принятие нормативных правовых актов, заведомо невыполнимых, в частности, не с расчетом на реальное воздействие на общественные отношения, а в целях снятия социального напряжения, с неизбежностью ведет к обесцениванию права в глазах населения, распространению и усугублению правового нигилизма. Между тем, по словам бывшего Председателя Санкт-Петербургского городского суда В. Полуднякова, «законы, не подкрепленные материально, сначала вызывают ожидание, потом разочарование, затем злость к власти» [4, с. 6]. Н.И. Матузов вполне уместно цитирует древнее изречение: «В наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов» [2, с. 198].

Юридическая инфляция может проявляться в создании множественности нормативных правовых актов, регулирующих конкретную, подчас очень узкую, область общественных отношений. Негативная оценка данной формы проявления законодательного дисбаланса связана с тем фактом, что подобная практика нарушает принцип экономии правовых средств в законотворческом процессе. В ряде случаев нет необходимости принимать отдельный закон, чтобы урегулировать те или иные отношения, можно

ограничиться внесением изменений в уже принятые нормативные правовые акты, предотвращая тем самым опасность возникновения законодательных «заторов». Вышеупомянутому принципу противоречит также практика подробного толкования в нормативных правовых актах общеизвестных понятий и терминов, не нуждающихся в подробном разъяснении [5, с. 20–21].

В результате юридической инфляции происходит «перегруженность» законодательства различными терминами, что дает возможность говорить о существовании и структурного дисбаланса в содержании нормативных правовых актов. В качестве примера можно привести ст. 268 Арбитражного процессуального кодекса РФ «Пределы рассмотрения дела арбитражным судом апелляционной инстанции», в ч. 1 которой содержится следующее положение: «При рассмотрении дела в порядке апелляционного производства арбитражный суд по имеющимся и дополнительно представленным доказательствам повторно рассматривает дело». Далее, в ч. 2 данной статьи отмечается, что «дополнительные доказательства принимаются арбитражным судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, в том числе в случае, если судом первой инстанции было отклонено ходатайство об истребовании доказательств и суд признает эти причины уважительными».

Рассматривая данную норму с точки зрения соответствия правилам и требованиям юридической техники, можно констатировать, что она достаточно «громоздка» и излишне усложнена, поскольку содержит несколько обязательных элементов оценочного характера, но не приравнивает друг к другу понятия «причины, не зависящие» и «уважительные причины» [6]. В данном случае можно говорить о дисбалансе на уровне законодательной терминологии.

Юридическая инфляция также может принимать одну из следующих двух негативных форм: либо существование нескольких норм, регулирующих один и тот же вопрос, приводит к прямому противоречию между ними (т. е. коллизии), либо право «вторгается» в сферу, ему не подвластную и не нуждающуюся в правовом регулировании. И первое и второе крайне нежелательно для правового регулирования.

Общераспространенной трактовкой является то, что смысловое ядро феномена юридической коллизии заключается в понятии «противоречие» [7, с. 68]. Н.И. Матузов добавляет в своей дефиниции термин «расхождение» [8, с. 253], Н.А. Власенко использует дополнительно также понятие «различие» [9, с. 23], с ним солидарен и И.Н. Сенякин [10, с. 165]. Вопрос только в том, противоречие (различие, расхождение) между чем именно можно считать юридической коллизией?

Чаще всего юридическая коллизия представляет собой противоречие между двумя или более нормами права (комплексами норм). Однако Н.И. Матузов опять-таки предлагает расширенную трактовку содержания рассматриваемого понятия, включая в содержание юридической коллизии помимо противоречий между нормами права также противоречия, которые возникают в процессе правоприменения и осуществления своих полномочий государственными органами и должностными лицами [2, с. 203]. Р.А. Гончаров рассматривает юридические коллизии как формальные

противоречия (различия) между двумя и более правовыми явлениями в рамках объективного права (между структурными элементами норм права, между нормативными правовыми актами и иными источниками права, актами толкования, а также между элементами национальной правовой системы и различными международными правовыми системами) [11, с. 7–8].

Опасность юридической инфляции с рассматриваемой позиции обусловлена тем, что большое количество уже принятых декларативных норм, их противоречивость дают возможность для произвола и произвольного выбора, недопустимого в такой сфере, как закон. Об этом говорил еще в 2001 г. Президент Российской Федерации: «Мы практически стоим у опасного рубежа, когда судья или иной правоприменитель может по своему собственному усмотрению выбирать норму, которая кажется ему наиболее приемлемой» [12].

Основное условие преодоления рассматриваемой формы законодательного дисбаланса заключается в том, что при внесении изменений в действующие, но устаревшие правовые нормы и принятии новых законодатель должен пытаться найти баланс не за счет отступления от требований точного соответствия их наличествующим общественным отношениям, а посредством оперативного внесения дополнительных изменений в правовые акты, не соответствующие сложившейся обстановке и противоречащие обновленным правовым актам.

С учетом изложенного, представляется обоснованным выделение следующих разновидностей феномена правовой инфляции в законодательстве:

- излишняя множественность нормативных правовых актов, регулирующих конкретную, подчас очень узкую, область общественных отношений посредством чрезмерной специализации законодательства;

- коллизии в содержании отдельного нормативного правового акта между его нормами в силу избыточности или неточности юридической регламентации общественных отношений;

- наличие нормативно-правовых предписаний, направленных на юридическое упорядочение социальных связей, объективно не требующих правового воздействия.

Указанные три основных вида юридической инфляции и выступают реальной, осязаемой формой проявления «позитивного» законодательного дисбаланса. Однако вряд ли уместно отождествлять такие дефекты законодательства, как коллизии, нетребуемая и избыточная нормативно-правовая регламентация общественных отношений, с самим понятием законодательного дисбаланса. В качестве гипотетического утверждения можем предположить, что законодательный дисбаланс представляет собой динамическую характеристику нормативно-правовой материи, отражающую в динамике состояние рассогласования, нарушения пропорции, деформации функциональных, предметных и иных связей ее элементов и подсистем. Отдельные же дефекты законодательства в статике (коллизии, избыточность нормативно-правовых предписаний и др.) характеризуют уровень его разбалансированности, являются по своей природе следствием дисбаланса в его системе, служат предупреждающим сигналом для исследователей и юристов-практиков о наличии законодательного дисбаланса. Однако причинно-следственная связь в данном случае имеет двусторонний, разнонаправленный характер. В свою

очередь, накапливаемые в системе нормативных правовых актов дефекты по цепной реакции могут вывести проблему разбалансированности законодательства на более сложный уровень, трансформируя дисбаланс, например, из внутриотраслевого в межотраслевой.

Приведенный краткий анализ вопроса о юридической инфляции как форме проявления законодательного дисбаланса свидетельствует, на наш взгляд, о необходимости более пристального внимания к нему со стороны исследователей. На настоящий момент в юридической литературе мы можем обнаружить лишь отдельные высказывания или небольшие зарисовки к проблеме [13, с. 11–16]. Она же не столь проста, особенно ввиду неослабевающей интенсивности темпа трансформации российского законодательства, его неадекватного уровня системности в отдельных частях и подсистемах, и может быть решена лишь благодаря ряду комплексных специальных исследований.

Подводя итог, позволим себе предложить на суд читателя определение юридической инфляции для продолжения в будущем целенаправленного изучения отражаемого в нем феномена. Юридическая инфляция есть одна из форм проявления законодательного дисбаланса в отношении несоразмерности плотности правового регулирования в различных областях социальной сферы, включающая в себя такие дефекты законодательства, как коллизии, избыточность нормативно-правовых предписаний, излишнюю множественность нормативно-правовых актов, чрезмерную их специализацию.

Список литературы:

1. Рахманина, Т.Н. Концепции развития российского законодательства / Т.Н. Рахманина, Е.А. Юртаева; под ред. Т.Я. Хабриевой и Ю.А. Тихомирова. — М.: Эксмо, 2010. — 736 с.
 2. Матузов, Н.И. Актуальные проблемы теории права / Н.И. Матузов. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004. — 512 с.
 3. Ежегодное послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 г. // Российская газета. — 2000. — 11 июля.
 4. Полудняков, В. Кладбище мертвых законов // Российская газета. — 2002. — 22 нояб.
 5. Буяков, А.Ю. Юридические коллизии и способы их устранения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1999. — 30 с.
 6. Серегина, Н. Дисбаланс терминологии // Новая адвокатская газета. — 2011. — № 3. — URL: <http://www.advgazeta.ru/rubrics/12/611> (дата обращения: 12.01.2015).
 7. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. — М.: Проспект, 2009. — 703 с.
 8. Матузов, Н.И. Юридические коллизии и способы их разрешения // Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — М.: Юрист, 2001. — 776 с.
 9. Власенко, Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / Н.А. Власенко; науч. ред. А.Ф. Черданцев. — Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. — 99 с.
 10. Сенякин, И.Н. Конкуренция и коллизия норм права: соотношение и взаимосвязь // Законодательный дисбаланс / под ред. Н.И. Сенякина. — Саратов: Изд-во СГЮА, 2013. — 720 с.
 11. Гончаров, Р.А. Механизм разрешения юридических коллизий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Р.А. Гончаров. — Тамбов, 2006. — 24 с.
-

12. Не будет ни революций, ни контрреволюций : послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. — 2001. — 4 апр.

13. Жавнер, Д.С. Правовая инфляция: новый подход к проблеме / Д.С. Жавнер, В.А. Рыбаков // Научная дискуссия: вопросы юриспруденции : сборник статей по материалам XX международной заочной научно-практической конференции. — 2013. — № 12. — С. 11–16.

References:

1. Rahmanina, T.N. Konceptii razvitija rossijskogo zakonodatel'stva / T.N. Rahmanina, E.A. Jurtaeva; pod red. T.Ja. Habrievoj i Ju.A. Tihomirova. — M.: Jeksmo, 2010. — 736 s.

2. Matuzov, N.I. Aktual'nye problemy teorii prava / N.I. Matuzov. — Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akademii prava, 2004. — 512 s.

3. Ezhegodnoe poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju RF ot 8 ijulja 2000 g. // Rossijskaja gazeta. — 2000. — 11 ijulja.

4. Poludnjakov, V. Kladbishhe mertvyh zakonov // Rossijskaja gazeta. — 2002. — 22 nojab.

5. Bujakov, A.Ju. Juridicheskie kollizii i sposoby ih ustraneniya : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. — Saratov, 1999. — 30 s.

6. Seregina, N. Disbalans terminologii // Novaja advokatskaja gazeta. — 2011. — № 3. — URL: <http://www.advgazeta.ru/rubrics/12/611> (data obrashhenija: 12.01.2015).

7. Bol'shoj juridicheskij slovar' / pod red. A.V. Mal'ko. — M.: Prospekt, 2009. — 703 s.

8. Matuzov, N.I. Juridicheskie kollizii i sposoby ih razresheniya // Teorija gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. — M.: Jurist, 2001. — 776 s.

9. Vlasenk o, N.A. Kollizionnye normy v sovetskom prave / N.A. Vlasenko; nauch. red. A.F. Cherdancev. — Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1984. — 99 s.

10. Senjakin, I.N. Konkurencija i kollizija norm prava: sootnoshenie i vzaimosvjaz' // Zakonodatel'nyj disbalans / pod red. N.I. Senjakina. — Saratov: Izd-vo SGJuA, 2013. — 720 s.

11. Goncharov, R.A. Mehanizm razresheniya juridicheskikh kollizij : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. / R.A. Goncharov. — Tambov, 2006. — 24 s.

12. Не будет ни революций, ни контрреволюций : послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. — 2001. — 4 апр.

13. Zhavner, D.S. Pravovaja infljacija: novyj podhod k probleme / D.S. Zhavner, V.A. Rybakov // Nauchnaja diskussija : voprosy jurisprudencii: sbornik statej po materialam XX mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — 2013. — № 12. — S. 11–16.

М.Н. Лядашева-Ильичева,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра истории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия

M.N. Lyadascheva-Ilicheva,
Candidate of Law, Associate Professor,
the chair of State and Law History
Saratov State Law Academy
ljad-il@yandex.

К вопросу о политическом аспекте проблем гражданского права в России в период русской революции 1917 года

Аннотация: статья посвящена проблемам гражданского права в России в марте — октябре 1917 г. Вопрос об изменениях в гражданском праве рассматривается автором на основе научных публикаций и воспоминаний юристов, изданных в ходе русской революции 1917 г. Политический

аспект позволяет исследовать динамику изменений гражданского права в условиях переходного периода в развитии государства и права.

Актуальность и степень научной новизны заключается в самой постановке вопроса и определяется неизученностью динамики и процесса изменений гражданского права в ходе русской революции 1917 г. в специально-юридической и в историко-правовой литературе.

Особый интерес представляет постановка вопроса о применении политического аспекта в историко-правовых исследованиях гражданского права как отрасли права, что, по мнению автора, предполагает их изучение в рамках изменения формы государства, соотношения публичного и частного интереса в процессе законодательного регулирования общественных отношений, а также изменения основных принципов действующего права и законодательства, влиявших на институты гражданского права в ходе формирования и развития системы права. Делается вывод о том, что в комплексных историко-правовых исследованиях политический аспект следует применять в сочетании с формальной и содержательной стороной права.

Ключевые слова: революция и право, русская революция, временное правительство, учредительное собрание, соотношение публичного и частного права, публичный и частный интерес, история гражданского права.

On the political aspect of the problems of civil law in Russia during the Russian Revolution of 1917

Abstract: the article is devoted to the problems of civil law in Russia during March – October 1917. The problem of changes in the civil law considered by the author on the basis of scientific publications and memories lawyers issued during the Russian Revolution of 1917 the political aspect allows us to study the dynamics of changes in civil rights during the transition period in the development of the state and law.

The urgency and degree of scientific novelty lies in the very formulation of the problem and determined by the lack of scientific works studying the dynamics of the process of the modification of civil rights during the Russian Revolution of 1917 in a juridical and historical literature.

The question of the application of the political aspect of the historical and legal study of civil law as a branch of law is of particular interest. That, according to the author, suggests their study within the changes in the shape of the state, the ratio of public and private interest in the legal regulation of social relations, as well as changes in the basic principles of current legislation affecting the institution of civil law in the formation and development of the legal system. It is concluded that the complex historical and legal studies, political aspect should be used in conjunction with the study of the formal and content part of legislation.

Keywords: Revolution and Law, Russian revolution, the interim government, constituent assembly, the ratio of public and private law, public and private interest, the history of civil law.

Формирование и развитие гражданского права (законов, обычного права и судебной практики в их соотношении) в России исторически связано с динамикой и законодательным регулированием экономических, социальных и политических процессов в рамках предпринимавшихся попыток модернизации (коренных реформ), сменявшихся постепенными преобразованиями переходных периодов формирования и развития государства и права. Особый интерес к источникам (формам) гражданского права в России, а также проблемам гражданского права в марте – октябре 1917 г. вызван отсутствием соответствующих историко-правовых исследований, в том числе с учетом политического аспекта в изучении правовой проблематики.

В советской и современной историко-правовой и специально-юридической литературе данный вопрос в комплексных монографических работах лишь затрагивается, а соответственно, по-прежнему требует историко-правового и историко-теоретического осмысления.

В рамках комплексного историко-правового исследования гражданского права как отрасли права политический аспект следует применять в сочетании с формальной и содержательной стороной права.

Дневники и воспоминания очевидцев и участников русской революции 1917 г. свидетельствуют о степени актуальности и научной новизны, соответствующих историко-правовых исследований. В них, в частности, подчеркивалось, что революция сокрушительным натиском сломала старый уклад политической жизни в России [1, с. 616] и предопределила динамику развития действующего права [2, с. 227–228].

К.В. Сивков писал, что Государственная дума требовала от правительства перемены всего порядка управления (коренных реформ), но правительство молчало и в результате было свергнуто [3, с. 16].

По свидетельству М. Шульгина, в условиях революции было широко распространено мнение о том, что различные части действующего законодательства устарели. Особенно это касалось оценки межевого законодательства, имевшего своим предметом юридическое обособление поземельных владений, т. е. установление и укрепление поземельных границ, а равно определение местоположения и состав поземельных владений. Свод законов межевых ч. 2 т. X Свода законов Российской империи состоял из законодательных актов по генеральному и специальному межеванию, принятых в разные исторические эпохи [4, с. 155–156].

А. Рапопорт отмечал, что изменения коснулись вещного права, договорного права, аграрного вопроса, что повлияло на многие институты гражданского права, в том числе на порядок заключения сделок с недвижимостью и способы отчуждения земель (Свод законов гражданских: ч. 1 Т. X Свода законов Российской империи) [5, с. 526–527, 535–536].

Н. Вавин подчеркивал, что в России рухнула исторически сложившаяся государственная власть, а вместе с ней и режим политического угнетения. 3 марта 1917 г. Временное правительство провозгласило необходимость отмены всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений, что призвано было породить личность в сфере ее политических прав и в области гражданского правопорядка [6, с. 582].

Старый режим, по мнению А. Вормса, не успел исказить «здоровые основные начала гражданского права» воспринятые в древнерусском и византийском праве, обычном праве и западноевропейском законодательстве. С его точки зрения, перед законодателем в качестве первоочередных задач в сфере регулирования гражданских правоотношений были определены: 1) потребность в устранении ограничения прав; 2) реформа отдельных институтов гражданского права; 3) коренной пересмотр проекта Гражданского уложения; 4) реформа торгового права [7, с. 229–231].

Рассуждая об идее свободы в праве, И. Евстихийев писал, что в России свершилось падение старого строя, при котором все публичные права принадлежали власти, а обязанности были возложены на подданных. Свобода должна найти свое реальное воплощение в системе законченных и формирующихся правоотношений. Гражданская свобода — это область частного права, а личные права — область публичного права [8, с. 259–261].

В новых условиях Всероссийский союз юристов, по мнению И. Покровского, в центре своего внимания сознательно ставил не частное, а общее, не классовое, а общегосударственное. Союз юристов не желал служить *bellum omnium contra omnes* (войне всех против всех), а стремился способствовать тому, что Гуго Гроций определил как *appetitus societatis...* (стремление к общению с себе подобными). Юристы призваны были стать естественными архитекторами нового порядка, активно участвовать в правотворчестве. В условиях переходного периода юристы, прежде всего, должны были возродить и воспитать в обществе уважение к идее права. В связи с тем, что общество длительное время существовало в условиях бесправия и произвола, право воспринималось им как навязанное извне. В период революции в народных массах была распространена идея об отсутствии границ для осуществления собственных интересов и пожеланий, т. к., в сущности, никакого закона и права нет. В условиях революции произвол самодержавия и его агентов заменялся произволом отдельных лиц или даже групп, а значит, сама идея права была в опасности.

И. Покровский приходит к выводу, что истинная свобода может быть только в праве — при условии его строгого соблюдения. Юрист должен напомнить обществу, что не сила и произвол, а право и справедливость должны царить в мире, что есть право в государстве, что есть право над целым международным общением [9, с. 387–388].

В. Устинов писал, что в условиях революции в России воплощается принцип народного суверенитета. Революция не упразднила господствующего правового строя. Все законы и после революции остаются в силе до их отмены компетентной властью, за исключением законов конституционных, которые теряют юридическую силу в процессе разрушения государственного строя [10, с. 228–229]. Учредительное собрание призвано выработать новые Основные законы, но не призвано было решать «текущие законодательные дела». Основные государственные законы Российской империи 1906 г. перестали действовать, т. к. противоречили началу народного верховенства и были пронизаны «монархическим принципом», идеей верховенства монарха над народом, а также являлись продуктом единоличной власти монарха, жалованной (октроированной) конституцией. Новая конституция, с его точки зрения, должна была закрепить «слова о свободе, равенстве и братстве». Учредительное собрание призвано было привлечь всех русских граждан к воплощению идеи общего блага и общей свободы [11, с. 411–415].

М.Н. Гернет писал, что в условиях старого государственного строя не было ни свободы, ни равенства. Новый государственный строй требовал их в виде фундамента. Речь идет о равенстве различных групп населения перед законом, равносильном понятию «равноправие» [12, с. 4].

Рассуждая о революции и праве, И. Евтихийев писал, что все так же мирно и спокойно покоятся у юристов на полках тома Свода законов. Однако революция пробила в них огромную брешь, размеры которой трудно определить. Революция сокрушила старый уклад политической жизни, в корне изменила

не только форму государственного быта, но, прежде всего, коснулась норм публичного права, противоречивших ее духу (идеям, принципам) и смыслу изменений. Образовался громадный пробел в публично-правовых нормах, а также в области законодательного регулирования гражданско-правовых отношений.

И. Евтихийев подчеркивал, что развитие гражданского права нельзя рассматривать вне связи с общегосударственным порядком страны. В условиях революции наблюдалось нарастающее значение идеи общественного служения и подчинения частных интересов социальному целому, что способствует трансформации публичного и гражданского права. Соответственно обширные социальные задачи русской революции должны отразиться на изменении содержания норм действующего частного права. Например, существенные изменения произошли в области законодательного регулирования труда и капитала. Новые нормативные акты изменили соответствующие разделы т. X Свода законов Российской империи. В условиях переходного момента в качестве насущной задачи Временного правительства И. Евтихийев называл создание ряда законов, которые заполнили бы пробелы в законодательстве, возникшие вследствие смены старого режима новым политическим укладом. Необходимо было придерживаться «расширительного и распространительного толкования норм права, как уцелевших в условиях революции, так и стоящих с ним в противоречии» [1, с. 616].

Е.Н. Ефимов отмечал, что революция рассеяла сумерки нашего «призрачного конституционализма» и открыла перед русской государственностью широкий путь свободного развития. Какие бы формы она ни приняла, направление его развития будет воплощением начал демократии, что требует от народа развития чувства права и гражданственности. Этому должно способствовать изучение основных правовых принципов. Изменения нашего государственного и правового уклада, переоценка ценностей еще отчетливее подчеркнуло незыблемость действующих принципов [13, с. 2].

По мнению М.М. Винавера, в условиях государственного переворота сенатские решения свидетельствуют о существенных отступлениях от действующих норм права. Были расшатаны устои гражданской жизни, потеряли свои ясные очертания сами нормы права, поэтому «писатель не стал анализировать, а читатель не стал интересоваться» данной правовой проблематикой. Общество в условиях революции испытывало потребность в листовках, а не в сборниках научных статей. Революция отодвинула решение вопроса о применении права. Новое право бросило вызов правосудию, земельной собственности, а также разрушило право залогодержателя, право ипотечных банков, право всех, кто участвовал в капиталах банков, личное долговое право кредиторов, т. к. они лишались единственного объекта взыскания — земли [14, с. 130–135].

В своих воспоминаниях А. Билимович писал, что еще до февральской революции хозяйственная жизнь России находилась в состоянии упадка после Первой мировой войны. События после февраля 1917 г. лишь усугубили ситуацию, открыли путь зависти, корысти и жестокости. В октябре 1917 г.

наступил новый этап обвала хозяйственной жизни страны. Анархия взяла верх и в области права [15, с. 3–5].

В условиях русской революции в науке происходит осознание того, что закон — всего лишь план желательного правового строя, а история права есть история переворотов в праве [16, с. 339–340].

Приведенные высказывания о революционных изменениях, происходивших в Российском государстве и праве, подчеркивали особую значимость политического аспекта в правовой проблематике.

В юридической литературе о формировании и развитии советского гражданского права господствовала точка зрения о перерастании с апреля по октябрь 1917 г. буржуазно-демократической революции в социалистическую [17, с. 27], что повлияло на методологию соответствующих исследований.

В современной исторической литературе принято писать о русской революции 1917 г. И все же именно революционные события в октябре 1917 г., устранившие двоевластие в России и передавшие власть Советам, свидетельствуют о начале нового самостоятельного этапа в развитии Российского государства и права.

Список литературы:

1. Евтихийев, И. Революция и право // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 20 дек. — С. 616–617.
 2. Акт об отречении Государя Императора Николая II от престола Государства Российского в пользу Великого князя Михаила Александровича от 2 марта 1917 г. // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 19 марта.
 3. Сивков, К.В. Как старое правительство довело Россию до революции // Свободный народ. № 2 / под ред. К.Н. Ефремова и др. — М.: Задруга, 1917. — 20 с.
 4. Шульгин, М. Попытка обновления межевого законодательства // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — № 7. — 12 февр. — С. 155–158.
 5. Рапопорт, А. Законопроект о запрещении земельных сделок // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 29 июля. — С. 526–527.
 6. Вавин, Н. Революция и сила гражданских законов. Доклад, прочитанный на совещании юридических организаций, состоявшемся в Москве 20–26 июля 1917 г. // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 8 окт. — С. 579–582.
 7. Вормс, А. Государственный переворот и гражданское право // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 19 марта. — С. 229–231.
 8. Евстихийев, И. Свобода и ее воплощение в праве // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 22 марта. — С. 259–261.
 9. Покровский, И. Всероссийский союз юристов. Речь, произнесенная на открытом совещании Всероссийского союза юристов в Москве в создании Судебных установлений от 30 апреля 1917 г. // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 10 мая. — С. 387–388.
-

10. Устинов, В. Новый государственный строй // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 19 марта. — С. 228–229.

11. Устинов, В. Задачи учредительного собрания // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 18 мая. — С. 411–415.

12. Гернет, М.Н. Равенство / М.Н. Гернет. — М.: Издание Д.Я. Маковского, 1917. — 32 с.

13. Ефимов, Е.Н. Курс законоведения. Ч. 1. Элементарные понятия о государстве и праве. 2-е изд. / Е.Н. Ефимов. — М.: Задруга, 1917. — 128 с.

14. Винавер, М.М. Гражданская хроника // Вестник гражданского права, издаваемый М.М. Винавером. — Пг., 1917. — № 3/5. — С. 130–135.

15. Билимович, А. Революция, большевики и хозяйство России / А. Билимович. — Ростов н/Д, 1919. — 28 с.

16. Вишняк, М. Революция и народная воля // Вестник права. Орган адвокатуры, нотариата, суда. Еженедельный журнал, издаваемый в Москве. — 1917. — 27 апр. — С. 339–340.

17. Новицкий, И.Б. История советского гражданского права. Курс советского гражданского права / И.Б. Новицкий. — М.: Юридическая литература, 1957. — 323 с.

References:

1. Evtihiev, I. Revoljucija i pravo // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — 20 dek. — S. 616–617.

2. Akt ob otrechenii Gosudarja Imperatora Nikolaja II ot prestola Gosudarstva Rossijskogo v pol'zu Velikogo knjazja Mihaila Aleksandrovicha ot 2 marta 1917 g. // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — № 10–11. — 19 marta.

3. Sivkov, K.V. Kak staroe pravitel'stvo dovelo Rossiju do revoljucii // Svobodnyj narod. № 2 / pod red. K.N. Efremova i dr. — М.: Zadruga, 1917. — 20 s.

4. Shul'gin, M. Popytka obnovlenija mezhevogo zakonodatel'stva // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — № 7. — 12 fevr. — S. 155–158.

5. Rapoport, A. Zakonoproekt o zapreshhenii zemel'nyh sdelok // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — 29 ijulja. — S. 526–527.

6. Vavin, N. Revoljucija i sila grazhdanskih zakonov. Doklad, pročitannyj na soveshhanii juridicheskikh organizacij, sostojavshemsja v Moskve 20–26 ijulja 1917 g. // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — 8 okt. — S. 579–582.

7. Vorms, A. Gosudarstvennyj perevorot i grazhdanskoe pravo // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — 19 marta. — S. 229–231.

8. Evtihiev, I. Svoboda i ee voploshhenie v prave // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — № 12. — 22 marta. — S. 259–261.

9. Pokrovskij, I. Vserossijskij sojuz juristov. Rech', proiznesennaja na otkrytom soveshhanii Vserossijskogo sojuza juristov v Moskve v sozdanii Sudebnyh ustanovlenij ot 30 aprelja 1917 g. // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — 10 maja. — S. 387–388.

10. Ustinov, V. Novyj gosudarstvennyj stroj // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — 19 marta. — S. 228–229.

-
11. Ustinov, V. Zadachi uchreditel'nogo sobranija // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — № 20. — 18 maja. — S. 411–415.
12. Gernet, M.N. Ravenstvo / M.N. Gernet. — M.: Izdanie D.Ja. Makovskago, 1917. — 32 s.
13. Efimov, E.N. Kurs zakonovedenija. Ch. 1. Jelementarnye ponjatija o gosudarstve i prave. 2-e izd. / E.N. Efimov. — M.: Zadruga, 1917. — 128 s.
14. Vinaver, M.M. Grazhdanskaja hronika // Vestnik grazhdanskogo prava, izdavaemyj M.M. Vinaverom. — Pg., 1917. — S. 130–135.
15. Bilimovich, A. Revoljucija, bol'sheviki i hozjajstvo Rossii / A. Bilimovich. — Rostov n/D, 1919. — 28 s.
16. Vishhnjak, M. Revoljucija i narodnaja volja // Vestnik prava. Organ advokatury, notariata, suda. Ezhenedel'nyj zhurnal, izdavaemyj v Moskve. — 1917. — 27 apr. — S. 339–340.
17. Novickij, I.B. Istorija sovetskogo grazhdanskogo prava. Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava / I.B. Novickij. — M.: Juridicheskaja literatura, 1957. — 323 s.

Ю.В. Соболева,
докторант,
кафедра административного и
муниципального права,
Саратовская государственная
юридическая академия

Yu.V. Soboleva,
Candidate of Law, Associate Professor
Department of Administrative and
Municipal Law,
Saratov State Law Academy
admpravo@sgap.ru

Субъекты административного права: подходы к классификации

***Аннотация:** исследование вопроса о субъектном составе отрасли является одним из важнейших в науке административного права. От решения данной проблемы зависит эффективность норм отрасли в регулировании соответствующих правоотношений. Появление новых субъектов в связи с изменениями законодательства требует изучения их административно-правового статуса и определения места в общей системе субъектов отрасли. Этим обуславливается актуальность статьи. Цель статьи — проанализировать подходы к классификации субъектов административного права. При достижении поставленной цели были использованы общенаучные методы — диалектический, методы анализа, синтеза; в работе также были применены и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой. Автором исследованы различные подходы ученых в области административного права к классификации субъектов данной отрасли. В результате автор делает вывод о том, что наиболее полным структурированием субъектной системы административного права будет выделение трех групп субъектов. Таким образом, в систему субъектов отрасли предлагается включить: 1) индивидуальные субъекты; 2) организации; 3) социальные общности. В статье подчеркивается, что особое место в системе субъектов административного права занимают организации. При наделении властными полномочиями они, а также их должностные лица являются тем видом субъектов, без которых административно-правовые отношения возникнуть не могут. Автором исследуются различные подходы к определению понятия организация и выделению их признаков. На основе данного анализа сделан вывод об основных признаках «организации». В статье также дается авторское определение понятия организации как субъекта административного права.*

***Ключевые слова:** виды субъектов административного права, физические лица, организации, юридические лица, социальные общности.*

Subjects of administrative law: approaches to classification

***Abstract:** research of a question of subject structure of branch is one of the most important in science of administrative law. Efficiency of norms of branch in regulation of the corresponding legal relationship depends on the solution of this problem. Emergence of new subjects in connection with changes of the legislation demands studying of their administrative legal status and definition of a place in the general system of subjects of branch. It also caused relevance of article. Article purpose — to analyse approaches to classification of subjects of administrative law. At achievement of a goal general scientific methods, such as dialectic, and also methods of the analysis, synthesis were used. Also in work also chastnonauchny methods were applied: legallistic, comparative and legal. The author investigated various approaches of scientists in the field of administrative law to classification of subjects of this branch. As a result the author draws a conclusion that allocation of three groups of subjects will be the fullest structuring subject system of administrative law. Thus, it is offered to include in system of subjects of branch: 1) individual subjects; 2) organizations; 3) social communities. In article it is emphasized that the special place in system of subjects of administrative law is taken by the organizations. At investment with powers of authority, they, and also their officials, are that type of subjects without whom administrative legal relations can't arise. The author investigates various approaches to definition of concept the organization and to allocation of their signs. On the basis of this analysis the conclusion is drawn on the main signs of the organization. In article author's definition of concept of the organization as subject of administrative law is also given.*

***Keywords:** types of subjects of administrative law, private persons, organizations, legal entities, social communities.*

Субъектный состав различных отраслей российского права постоянно меняется, что обусловлено принятием новых нормативных актов, регулирующих процессы, происходящие в обществе и государстве. Отрасль административного права не является исключением. В связи с изменениями в законодательстве появляются новые субъекты данной отрасли, особенности административно-правового статуса которых требуют изучения. К таким субъектам можно отнести, например, иностранных агентов, публично-правовые компании, публичные акционерные общества и другие организации, чье место должно быть определено в субъектном составе отрасли.

Если говорить о субъектах права в целом, то они традиционно подразделяются на две группы. Еще А.В. Мицкевич указывал, что «при классификации субъектов... права первоначальным всегда является деление субъектов на две основные группы: 1. Граждане (физические лица). 2. Разнообразные организации» [1, с. 33].

Однако не все ученые разделяли данное мнение. Так, С.С. Алексеев считал, что субъектов права целесообразно подразделить на «три основные группы: а) индивидуальные субъекты; б) коллективные субъекты; в) общественные образования» [2, с. 147]. При этом последняя группа субъектов объединяет государство, административно-территориальные единицы, избирательные округа и других подобных субъектов, применительно к которым «слово “организация” употребляется в ином смысле, нежели применительно к коллективам граждан (общественным организациям) и даже к организационно-обособленным подразделениям государства (государственным организациям)» [2, с. 149].

Что касается деления субъектов административного права на виды, то точка зрения С.С. Алексеева схожа с точкой зрения Ц.А. Ямпольской, которая выделяла три группы субъектов административного права: «I. Органы государства и их агенты. II. Общественные организации и их органы. III. Советские граждане» [3, с. 10].

Смысл данных классификаций заключается в том, что в отдельную группу, наряду с индивидуальными субъектами и организациями, выделялись субъекты, наделенные властными полномочиями. Данные идеи получили современное развитие, подтверждая расхожее понятие о том, что все новое — это хорошо забытое старое. Речь идет о разработке в научной литературе такого понятия, как «юридическое лицо публичного права» [4]. Так, В.Е. Чиркин к основным видам субъектов права относит: 1) индивида (человека и гражданина); 2) юридическое лицо частного права, которое не является и по закону не может быть субъектом публично-правовых отношений властного характера (оно — объект воздействия публичной власти); 3) юридическое лицо публичного права. Последние могут быть участниками некоторых частноправовых отношений, неосновных для них, но тех и в том объеме, которые разрешены законом [5, с. 42–43]. Юридическое лицо публичного права — это признанное публичной властью в этом качестве материальное и публично-правовое некоммерческое образование, выступающее в правоотношениях в различных организационно-правовых формах в целях общего блага путем законного применения публичной власти, сотрудничества с ней, давления на нее, имеющее название, другие идентифицирующие признаки, обладающее имуществом, имеющее права и обязанности и несущее ответственность за свои правовые акты и действия [5, с. 94]. И, таким образом, В.Е. Чиркин выделяет пять родов юридических лиц публичного права: 1) государство и государственные образования (субъекты федерации и территориальные автономии); 2) территориальные публичные коллективы разного уровня; 3) органы публичной власти; 4) учреждения публичной власти; 5) некоммерческие организации общественного характера (исключая религиозные) [6, с. 102].

Представляется, что данная классификация субъектов права с выделением юридических лиц частного и публичного права небесспорна. Несомненно, такие субъекты права, как государство, субъекты федерации, муниципальные образования имеют особый статус, что необходимо выделять в классификации. Например, целесообразно выделить три группы субъектов права: индивиды (физические лица), организации и социальные общности; к последним, по мнению А.В. Стерлигова, следует отнести народ, нацию, население определенного региона или населенного пункта, трудовой коллектив [7, с. 35].

Спорным в теории юридических лиц частного и публичного права является положение о том, что юридическое лицо частного права не является и по закону не может быть субъектом публично-правовых отношений властного характера, а выступает только объектом воздействия публичной власти. Так, например, юридическое лицо получает лицензию, подает

сведения в Федеральную налоговую службу, подлежит административной ответственности и т. д. И во всех этих правоотношениях выступает их субъектом, а не объектом. Кроме того, из данной классификации выпадает ряд организаций, которые не имеют статуса юридических лиц, но тоже могут вступать в правоотношения. В связи с этим возникает вопрос: можно ли приведенную классификацию использовать в отраслевых науках. Мы солидарны с мнением П.И. Кононова, который считает, что в целях определения места и правового статуса юридических лиц в конкретных правоотношениях, субъектами которых они являются, придется каждый раз определять, в каком качестве это лицо действует: в качестве юридического лица частного права или в качестве юридического лица публичного права. А предложение о введении в юридический оборот единого понятия «юридическое лицо публичного права» не решает всех проблем, связанных с необходимостью учета особенностей правового статуса организаций как субъектов публичного права [8, с. 57–58].

Вообще же подразделение субъектов административного права на физических и юридических лиц проводится не многими авторами. Например, по мнению И.М. Машарова, в качестве субъектов административных правоотношений могут выступать административные органы, иные государственные органы и органы местного самоуправления, не являющиеся административными, физические и юридические лица [9, с. 62]. О несостоятельности данной классификации уже говорилось выше.

Как правило, используется три подхода к классификации субъектов отрасли в учебной и научной литературе. Первый подход выражается в выделении двух групп субъектов: индивидуальных (физических лиц) и коллективных [10]. Д.Н. Бахрах обосновывал данную точку зрения тем, что вторая группа субъектов кроме организаций включает и их структурные подразделения и трудовые коллективы. Поэтому второй тип субъектов административного права предпочтительнее называть коллективными, ибо такое название более точно отражает состав этой общности и критерии классификации [11, с. 66].

В соответствии со вторым подходом к классификации субъектов административного права они подразделяются, так же как и в первом, на индивидуальные субъекты (физические лица) и организации, а не коллективные субъекты [8, с. 59]. При кажущемся сходстве обоих подходов между ними есть принципиальные различия. Можно согласиться с высказанной по этому поводу точкой зрения П.И. Кононова: «Термин “коллективный субъект” применим не к любой организации. Например, нельзя назвать коллективным субъектом административного права общество с ограниченной ответственностью, состоящее всего лишь из одного лица — учредителя, который одновременно является и его работником, и его руководителем. Формально-юридически такое общество является юридическим лицом, а значит, и организацией, но при этом не может быть признано коллективным субъектом, поскольку попросту не имеет коллектива участников (или работников» [8, с. 59]. В связи с этим более верным представляется второй

подход. Каждая из групп субъектов, в свою очередь, подразделяется на виды. И если среди физических лиц традиционно называются граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, то единства в выделении видов организаций различными авторами нет.

Третий подход к классификации субъектов административного права характеризуется тем, что выделяются не две, а более групп субъектов, т. е. фактически наряду с физическими лицами называются различные виды организаций. Например, по мнению Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявского, С.М. Кузнецова, субъекты административного права могут быть объединены в следующие группы [12, с. 66]: органы государственной власти (причем к ним авторы относят и органы местного самоуправления, которые не входят в систему органов государственной власти); общественные объединения; администрации предприятий и учреждений (что также спорно, т. к. администрация — это структура предприятия или учреждения, не являющаяся самостоятельным субъектом); граждане (физические лица). Однако данный перечень не включает всех известных субъектов отрасли, например, из него выпадают религиозные организации, предприятия и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наиболее верным является подразделение субъектов административного права на индивидуальные субъекты и организации. Тем не менее этот подход к классификации данных субъектов также будет неполным, т. к. не учитывает различные «социальные общности» [13, с. 280], которые тоже могут выступать субъектами административного права (государство, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, население и т. д.). Поэтому наиболее полным структурированием субъектной системы административного права будет выделение трех групп субъектов: 1) индивидуальные субъекты; 2) организации; 3) социальные общности.

Особое место в системе субъектов административного права занимают организации. Административно-правовые отношения, как правило, возникают с их участием. Организации, реализующие властные полномочия (а также их должностные лица), являются обязательными субъектами административно-правовых отношений. Понятие «организация» имеет широкий смысл, и рассмотреть ее административно-правовой статус невозможно без использования норм других отраслей права, в том числе гражданского, трудового и финансового [14, с. 331]. П.И. Кононов дает следующее определение организации: «Организации — субъекты, состоящие из одного или нескольких (многих) индивидуальных субъектов и имеющие определенную организационно-штатную структуру, например, административно-публичные органы, государственные и муниципальные унитарные предприятия, государственные учреждения, хозяйственные общества, политические партии и т. п.» [8, с. 56]. Однако то, что организация может состоять из одного индивидуального субъекта — это, скорее, исключение из правила, а не само правило, поэтому вряд ли целесообразно включать данный признак в определение организации.

Если же обратиться к понятию коллективных субъектов, то Д.Н. Бахрах определял их как организованные, обособленные, самоуправляемые группы,

наделенные правами выступать в отношениях с другими субъектами как единое целое, персонифицированно. Как правило, коллектив объединен каким-то интересом, целью, он функционально дифференцирован, действует на законном основании, имеет свои механизмы управления. Коллективное образование в административно-правовых отношениях действует от своего имени, на него как на определенную целостность возлагаются обязанности, ему предоставляются права, но вместе с тем оно обезличивает конкретных людей. Поэтому изменения в личном составе не влияют на его название, правовое положение и не отражаются на его правосубъектности. Среди видов коллективных субъектов Д.Н. Бахрах выделяет, в том числе, и организации [11, с. 67], поэтому данные признаки распространяются и на них.

Под организацией же понимается объединение физических лиц любой численности, возглавляемое своими органами управления, имеющее обособленное имущество, созданное для производства материальных или духовных ценностей, а также реализации иных потребностей его членов [14, с. 331].

С.С. Алексеев выделял такие требования к субъектам права — организациям: «Обязательной предпосылкой правосубъектности организаций является их персонификация, выраженная в организованном единстве данного коллектива индивидов. Все организации... имеют внутреннюю структуру; их внутренние подразделения слиты в единое целое» [2, с. 151].

Таким образом, можно выделить следующие признаки организации:

- 1) состоит из нескольких индивидуальных субъектов (в исключительных случаях из одного);
- 2) выступает персонифицированно, как единое целое;
- 3) субъекты объединены общей целью;
- 4) от имени организации и в ее интересах вправе выступать определенные уполномоченные на то лица;
- 5) имеет определенную организационно-штатную структуру.

Итак, организация — это вид субъекта административного права, состоящего из нескольких индивидуальных субъектов, объединенных общей целью, выступающего персонифицированно от своего имени и имеющего определенную организационно-штатную структуру. Данное определение позволяет наиболее полно учесть все признаки организации.

Список литературы:

1. Мицкевич, А.В. Субъекты советского права / А.В. Мицкевич. — М.: Госюриздат, 1962. — 211 с.
2. Алексеев, С.С. Общая теория права : в 2 т. / С.С. Алексеев. — Т. 2. — М.: Юрид. лит., 1982. — 360 с.
3. Ямпольская, Ц.А. Субъекты советского административного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ц.А. Ямпольская. — М., 1958. — 14 с.
4. Чантурия, Л.Л. Юридические лица публичного права: их место в гражданском праве и особенности правового регулирования // Государство и право. — 2008. — № 3. — С. 38–45.
5. Чиркин, В.Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. — 2010. — № 6. — С. 87–101.

6. Чиркин, В.Е. Юридическое лицо публичного права / В.Е. Чиркин. — М.: Норма, 2011. — 352 с.

7. Стерлигов, А.В. Административно-правовой статус некоммерческих негосударственных организаций : дис. ...канд. юрид. наук / А.В. Стерлигов. — Хабаровск, 2002. — 225 с.

8. Кононов, П.И. Основные категории административного права и процесса / П.И. Кононов. — М.: Юрлитинформ, 2013. — 416 с.

9. Административное право России. Общая часть : учебник для высших учебных заведений / под ред. П.И. Кононова. — Вятка: Дом печати, 2006. — 416 с.

10. Административное право : учебный курс / под ред. Р.А. Подопригоры. — Алматы: Налоговый эксперт, 2010. — 368 с.

11. Бахрах, Д.Н. Коллективные субъекты административного права // Правоведение. — 1991. — № 3. — С. 66–73.

12. Административное право России : учебник / Б.Н. Габричидзе и др. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2009. — 688 с.

13. Сырых, В.М. Теория государства и права / В.М. Сырых. — М.: Былина, 1998. — 512 с.

14. Бахрах, Д.Н. Административное право : учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. — М.: Юрист, 2007. — 816 с.

References:

1. Mickevich, A.V. Sub'ekty sovetskogo prava / A.V. Mickevich. — М.: Gosjurizdat, 1962. — 211 s.

2. Alekseev, S.S. Obshhaja teorija prava : v 2 t. / S.S. Alekseev. — Т. 2. — М.: Jurid. lit., 1982. — 360 с.

3. Jampol'skaja, C.A. Sub'ekty sovetskogo administrativnogo prava : avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk / C.A. Jampol'skaja. — М., 1958. — 14 s.

4. Chanturija, L.L. Juridicheskie lica publicnogo prava: ih mesto v grazhdanskom prave i osobennosti pravovogo regulirovanija // Gosudarstvo i pravo. — 2008. — № 3. — С. 38–45.

5. Chirkin, V.E. O ponjatii i klassifikacii juridicheskikh lic publicnogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. — 2010. — № 6. — С. 87–101.

6. Chirkin, V.E. Juridicheskoe lico publicnogo prava / V.E. Chirkin. — М.: Norma, 2011. — 352 s.

7. Sterligov, A.V. Administrativno-pravovoj status nekommercheskich negosudarstvennyh organizacij : dis. ...kand. jurid. nauk / A.V. Sterligov. — Habarovsk, 2002. — 225 s.

8. Kononov, P.I. Osnovnye kategorii administrativnogo prava i processa / P.I. Kononov. — М.: Jurlitinform, 2013. — 416 s.

9. Administrativnoe pravo Rossii. Obshhaja chast' : uchebnik dlja vysshih uchebnyh zavedenij / pod red. P.I. Kononova. — Vjatka: Dom pečhati, 2006. — 416 s.

10. Administrativnoe pravo : uchebnyj kurs / pod red. R.A. Podoprigrory. — Almaty: Nalogovyj jekspert, 2010. — 368 s.

11. Bahrah, D.N. Kollektivnye sub'ekty administrativnogo prava // Pravovedenie. — 1991. — № 3. — С. 66–73.

12. Administrativnoe pravo Rossii : uchebnik / B.N. Gabrichidze i dr. — 2-e izd., pererab. i dop. — М.: Prospekt, 2009. — 688 s.

13. Syryh, V.M. Teorija gosudarstva i prava / V.M. Syryh. — М.: Bylina, 1998. — 512 s.

14. Bahrah, D.N. Administrativnoe pravo : uchebnik / D.N. Bahrah, B.V. Rossinskij, Ju.N. Starilov. — М.: Jurist, 2007. — 816 s.

А.Ю. Соколов,
доктор юридических наук, доцент,
кафедра административного и
муниципального права,
Саратовская государственная
юридическая академия

A.Yu. Sokolov,
Doctor of Law Science, Associate
Professor,
Saratov State Law Academy
admpravo@sgap.ru

А.Р. Исаков,
кандидат юридических наук,
кафедра административного и
муниципального права,
Саратовская государственная
юридическая академия

A.R. Isakov,
Candidate of Law,
Saratov State Law Academy
isaslan@mail.ru

Система критериев оценки качества государственных услуг

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем, что одним из важных показателей социального и экономического уровня развития России является степень удовлетворенности населения качеством услуг, предоставляемых государством. Цель статьи — формирование системы критериев оценки качества государственных услуг. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы делают выводы о том, что систематизация критериев оценки качества важна не только для облегчения проведения мониторинга качества государственных услуг, но и в целях более эффективного распределения бюджетных средств. Анализ разработанных в специализированной литературе методов оценки качества услуг позволил сделать вывод о том, что успешность и применимость конкретной методики оценки качества государственных услуг зависит от полноты и оптимальности подобранной системы критериев качества, лежащей в ее основе. Исходя из вышеизложенного предлагается разработанная система критериев оценки качества государственных услуг.

Ключевые слова: государственное управление, государственные услуги, качество государственных услуг, критерии оценки качества, мониторинг качества государственных услуг.

The system of criteria for evaluating the quality of public services

Abstract: the relevance of the article due to the fact that one of the important indicators of social and economic level of development of Russia is the degree of public satisfaction with the quality of services provided by the state. The purpose of the article — forming system of criteria for evaluating the quality of public services. Implementation of the tasks was achieved using scientific (dialectical, analysis, synthesis) and Astronautic methods (formal-legal, comparative legal). The authors conclude that the systematization of evaluation criteria quality is important not only to facilitate the monitoring of the quality of public services, but also for a more efficient allocation of budgetary funds. The analysis developed in the literature of methods for assessing the quality of services has allowed to conclude that the success and applicability of the methodology to assess the quality of public services depends on the completeness and optimality of the chosen system of quality criteria, the underlying. Therefore, proposes to develop a system of criteria for evaluating the quality of public services.

Keywords: public administration, public services, the quality of public services, criteria for quality assessment, monitoring the quality of public services.

Формирование единого подхода к оценке качества государственных услуг выступает главной составляющей механизма управления качеством. Данный элемент не только позволяет производить измерения в обла-

сти удовлетворенности граждан получаемыми услугами, но и представляет основу для выявления слабых мест данного процесса и дальнейшего принятия управленческих решений по его совершенствованию.

Проблема оценки качества государственных услуг выступает новым явлением для российской правовой действительности. При ее рассмотрении возникает ряд проблем, решение которых является методологически необходимым:

- возможность измерения и оценки качества государственных услуг;
- подбор методов его оценки;
- разграничение государственных услуг и услуг в гражданско-правовом понимании;
- анализ возможности использования в измерении параметров государственных услуг приемов и средств, применяемых в частном секторе.

На сегодняшний день можно отметить ярко выраженную концептуальную проблему отсутствия в области анализа управления качеством общепринятой методики оценки качества государственных услуг, которая будет учитывать все важные для потребителей субъективные и объективные характеристики процесса оказания той или иной услуги.

Несмотря на многообразие и специфику каждой из государственных услуг, представляемых публичными субъектами, должны быть закреплены общие критерии качества и доступности, свойственные каждой из них; должна проследиваться общая методика определения показателей. В свою очередь, анализ административных регламентов предоставления государственных услуг позволил сделать вывод о наличии пробелов в этой области.

Так, в Административном регламенте предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по регистрации контрольно-кассовой техники, используемой организациями и индивидуальными предпринимателями, акцент делается на претензионных показателях:

- отсутствие жалоб на действия (бездействие) специалистов территориальных налоговых органов, предоставляющих государственную услугу;
- отсутствие жалоб на некорректное, невнимательное отношение специалистов территориальных налоговых органов, предоставляющих государственную услугу, к заявителям;
- отсутствие судебных актов о признании незаконными решений ФНС России и территориальных органов о регистрации, перерегистрации, снятии с регистрации контрольно-кассовой техники [1].

Такого рода претензионный критерий качества еще используется только в одном регламенте, утвержденном Министерством финансов РФ [2].

Следует отметить, что претензионные критерии оценки качества используются многими федеральными и региональными органами государственной исполнительной власти [3] как определяющие факторы.

Представляется, что данный критерий не позволяет в полной мере характеризовать качество фактически оказанных услуг, поскольку граждане предпочитают не связываться с утомительными и бессмысленными, по их мнению, процедурами по обжалованию действий государственных служащих.

В другом регламенте Минфина, в пункте «Показатели качества и доступности государственных услуг» приводятся лишь общие слова об обеспечении качества услуг, либо перечисляются права заявителей при обращении за услугой [4].

Обозначенные пробелы характерны для административных регламентов ряда других государственных органов [5], в которых параметрам качества и доступности государственных услуг отводится второстепенная роль. Налицо их слабая проработка, отражающая нежелание уполномоченных органов власти заниматься решением указанной проблемы.

Систематизация критериев оценки качества по степени их значимости важна не только для облегчения проведения мониторинга качества государственных услуг, но и в целях более эффективного распределения бюджетных средств.

Анализ разработанных в специализированной литературе методов оценки качества услуг [6] позволил сделать вывод о том, что эффективность конкретной методики оценки качества государственных услуг зависит от полноты и оптимальности подобранной системы критериев качества, лежащей в ее основе.

Требования к качеству государственных услуг должны быть четко определены и выражены характеристиками, с помощью которых могут быть оценены качественные и количественные параметры услуги. Говоря о качестве услуг, следует понимать данное понятие в широком смысле, включающем и сам процесс взаимодействия государственных служащих и потребителей, поэтому и данная процедура должна быть выражена характеристиками, наиболее полно отражающими факторы, влияющие на конечную оценку заявителя.

Выработка оптимальной системы показателей качества, отражающей все значимые стороны государственных услуг, необходима как для теоретических разработок, так и для непосредственного использования в практической деятельности. Поэтому анализ и контроль процесса предоставления услуги выступает необходимым условием повышения их качества до установленного в стандартах уровня.

Результаты общенациональных социологических опросов, проведенных с 2008 по 2012 гг. различными независимыми организациями, позволили выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются получатели государственных услуг, или, иначе говоря, факторы, влияющие на формирование у населения негативного отношения к государственным органам власти [7]. Приведем их перечень в зависимости от степени значимости каждого параметра:

- очереди при приеме граждан в органах, оказывающих услуги;
 - необходимость для заявителя осуществлять большое количество обращений для получения одной государственной услуги;
 - получение отдельными гражданами государственных услуг в обход очереди;
 - длительные сроки оказания государственных услуг;
 - безразличное отношение государственных служащих к заявителям;
 - отсутствие достаточной информации о предоставляемой услуге и необходимых действиях до обращения за ней;
-

-
- низкий уровень профессиональной подготовки работников;
 - необустроенность мест приема и ожидания для посетителей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что акцентирование внимания на ускорении процесса предоставления государственной услуги и сокращение количества необходимых обращений граждан будет более эффективно, чем принятие аналогичных мер, направленных на повышение комфортности и обустроенности мест приема граждан.

В юридической литературе предлагается множество подходов к определению понятия «качество государственных услуг». Главным образом, данная категория трактуется как совокупность свойств услуги, способных удовлетворять потребности граждан; как соблюдение обязательных установленных требований к качеству государственной услуги.

Первый подход учитывает мнение непосредственных потребителей услуг, что составляет субъективную сторону процесса предоставления государственных услуг. Второй — характеризует предоставление услуг с точки зрения соответствия заранее установленным правилам, это объективная сторона указанного процесса.

Наиболее полное и правильное представление о качестве государственных услуг возможно сформировать с использованием обоих подходов: качество государственной услуги — это совокупность субъективных (мнение граждан) и объективных (соответствие фактически оказанных услуг установленным требованиям в стандартах) характеристик.

Обычно на практике именно объективные составляющие закрепляются чаще других для оценки качества услуг. К примеру, часто встречается такой критерий, как «соблюдение стандарта предоставления государственной услуги» [8], за которым теряется такой важный элемент характеристики качества, как удовлетворенность услугополучателя.

Исходя из вышеизложенного, на официальном сайте Фонда общественного мнения предлагается собственная система критериев оценки качества государственных услуг [9]. Схема показателей выстроена в зависимости от степени значимости каждого критерия для получателей государственных услуг. Степень значимости определялась на основании материалов периодически проводимых социологических опросов.

Представляется возможным выделить пять видов критериев качества государственных услуг, позволяющих наиболее полно учитывать объективные и субъективные составляющие при их оценке; это требования:

- к процессу взаимодействия персонала и получателя государственной услуги (количество необходимых обращений в уполномоченный орган для получения одной государственной услуги, вежливое и тактичное обращение сотрудников с заявителями, время ожидания услуги в очереди, время, необходимое для совершения действий, предшествующих и необходимых для получения государственной услуги, время, затрачиваемое при приеме (выдаче) документов, общее время, затрачиваемое с момента первого обращения за услугой до получения ее результата, пропускная способность (за рабочий день), отсутствие обоснованных жалоб граждан на действия (решения)
-

должностных лиц, ответственных за предоставление государственной услуги, наличие горячих линий телефонной связи для информирования граждан, наличие автоматизированной системы контроля очереди заявителей);

– к результату государственной услуги (степень удовлетворенности граждан качеством государственной услуги, соответствие требованиям стандарта государственных услуг, отсутствие вступивших в силу решений судов либо решений вышестоящих органов, отменяющих, изменяющих в части или полностью результат предоставления государственной услуги, доля государственных услуг, оказанных в соответствии с предусмотренными в стандартах сроками, от общего числа предоставленных услуг);

– к персоналу (уровень профессиональной подготовки, коммуникабельность и стрессоустойчивость, наличие нагрудных табличек у сотрудников государственных органов, оказывающих услуги, с указанием их Ф.И.О. и занимаемой должности, опрятный внешний вид, соблюдение графиков приема граждан);

– к доступности государственной услуги (степень осведомленности граждан о порядке предоставления государственной услуги и иных значимых условиях, получаемых через СМИ (радио-, телевидение, публикации) и через Интернет, удобный для посетителей график работы субъектов публичной власти, уполномоченных предоставлять государственные услуги, оптимальное расположение зданий органов государственной власти с подведенными к ним линиями общественного транспорта, предусмотренная возможность доступа к получению государственной услуги для лиц с ограниченными физическими возможностями);

– к месту предоставления государственной услуги (количество окон для приема граждан, степень оснащенности информационно-техническими средствами, установленные информационные стенды, наличие мест для заполнения заявления с необходимыми для этого канцелярскими атрибутами, наличие мест ожидания услуги, санитарно-гигиенические условия помещения).

Данный перечень показателей качества представляет собой общую модель, которая может быть изменена и адаптирована для характеристики государственных услуг различных видов, в зависимости от их специфики.

В связи с этим представляется целесообразным внедрение системы оценки гражданами и их объединениями качества государственных услуг, которая будет служить эффективным способом изучения состояния фактически предоставляемых услуг и позволит сконцентрировать усилия реформаторов на слабых сторонах данной сферы государственной деятельности.

Список литературы:

1. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по регистрации контрольно-кассовой техники, используемой организациями и индивидуальными предпринимателями в соответствии с законодательством РФ : приказ Министерства финансов РФ от 29 июня 2012 г. № 94н // Российская газета. — 2012. — 26 сент.

2. Об утверждении Административного регламента Федеральной налоговой службы по предоставлению государственной услуги по бесплатному информированию налогоплательщиков, плательщиков сборов и налоговых агентов о действующих

налогах и сборах, законодательстве о налогах и сборах и принятых в соответствии с ними нормативных правовых актов, порядке исчисления и уплаты налогов и сборов, правах и обязанностях налогоплательщиков, плательщиков сборов и налоговых агентов, полномочиях налоговых органов и их должностных лиц, а также по приему налоговых деклараций (расчетов) : приказ Министерства финансов РФ от 2 июля 2012 г. № 99н // Российская газета. — 2012. — 28 нояб.

3. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по труду и занятости государственной услуги по регистрации в уведомительном порядке коллективных трудовых споров по поводу заключения, изменения и выполнения соглашений, заключаемых на федеральном уровне социального партнерства, коллективных трудовых споров в организациях, финансируемых из федерального бюджета, а также коллективных трудовых споров, возникающих в случаях, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации в целях разрешения коллективного трудового спора забастовка не может быть проведена : приказ Минздравсоцразвития России от 1 марта 2012 г. № 180н // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2012. — № 31.

4. Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной налоговой службой государственной услуги по выдаче специальных марок для маркировки табачной продукции, производимой на территории Российской Федерации, образца специальной марки, форм документов и Правил хранения специальных марок, предусмотренных постановлением Правительства Российской Федерации от 26 января 2010 г. № 27, и признании утратившим силу приказа Министерства финансов Российской Федерации от 11 июня 2010 г. № 59н : приказ Минфина России от 6 февраля 2013 г. № 20н // Российская газета. — 2013. — 7 авг.

5. Об утверждении Административного регламента предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации и его территориальными органами государственной услуги по рассмотрению заявления о распоряжении средствами (частью средств) материнского (семейного) капитала : приказ Минтруда России от 29 октября 2012 г. № 346н // Российская газета. — 2013. — 26 апр.

6. Методика SERVQUAL; модель оценки качества государственных услуг, разработанная в Канаде под названием CommonMeasurementTool (CMT). URL: <http://www.bagalau.kz.ru> (дата обращения: 22.11.2014).

7. Фонд «Общественное мнение»: «Граждане на randevу с государством: практика предоставления услуг частным и юридическим лицам государственными учреждениями». Всероссийский мониторинг внедрения административных регламентов. — М., 2009. — С. 609–690.

8. Об утверждении Административного регламента Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по направлению граждан Российской Федерации на лечение за пределами территории Российской Федерации : приказ Минздравсоцразвития России от 19 декабря 2011 г. № 1571н // Российская газета. — 2012. — 12 мая.

9. Фонд общественного мнения : сайт. — URL: <http://fom.ru/politika/10439> (дата обращения: 24.11.2014).

References:

1. Ob utverzhenii Administrativnogo reglamenta predostavlenija Federal'noj nalogovoj sluzhboj gosudarstvennoj uslugi po registracii kontrol'no-kassovoj tehniki, ispol'zuej organizacijami i individual'nymi predprinimateljami v sootvetstvii s zakonodatel'stvom RF : prikaz Ministerstva finansov RF ot 29 ijunja 2012 g. № 94n // Rossijskaja gazeta. — 2012. — 26 sent.

2. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Federal'noj nalogovoj sluzhby po predostavleniju gosudarstvennoj uslugi po besplatnomu informirovaniju nalogoplatel'shhikov, platel'shhikov sborov i nalogovyh agentov o dejstvujushhijh nalogah i sborah, zakonodatel'stve o nalogah i sborah i prinjatyh v sootvetstvii s nimi normativnyh pravovyh aktov, porjadke ischislenija i uplaty nalogov i sborov, pravah i objazannostjah nalogoplatel'shhikov, platel'shhikov sborov i nalogovyh agentov, polnomochijah nalogovyh organov i ih dolzhnostnyh lic, a takzhe po priemu nalogovyh deklaracij (raschetov) : prikaz Ministerstva finansov RF ot 2 ijulja 2012 g. № 99n // Rossijskaja gazeta. — 2012. — 28 nojab.

3. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta predostavlenija Federal'noj sluzhboj po trudu i zanjatosti gosudarstvennoj uslugi po registracii v uvedomitel'nom porjadke kollektivnyh trudovyh sporov po povodu zakljuchenija, izmenenija i vypolnenija soglashenij, zakljuchaemyh na federal'nom urovne social'nogo partnerstva, kollektivnyh trudovyh sporov v organizacijah, finansiruemyh iz federal'nogo bjudzheta, a takzhe kollektivnyh trudovyh sporov, vznikajushhijh v sluchajah, kogda v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossijskoj Federacii v celjah razreshenija kollektivnogo trudovogo spora zabastovka ne mozhet byt' provedena : prikaz Minzdravsocrazvitija Rossii ot 1 marta 2012 g. № 180n // Bjulleten' normativnyh aktov federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti. — 2012. — № 31.

4. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta predostavlenija Federal'noj nalogovoj sluzhboj gosudarstvennoj uslugi po vydache special'nyh marok dlja markirovki tabachnoj produkcii, proizvodimoj na territorii Rossijskoj Federacii, obrazca special'noj marki, form dokumentov i Pravil hranenija special'nyh marok, predusmotrennyh postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 26 janvarja 2010 g. № 27, i priznanii utrativshim silu prikaza Ministerstva finansov Rossijskoj Federacii ot 11 ijunja 2010 g. № 59n : prikaz Minfina Rossii ot 6 fevralja 2013 g. № 20n // Rossijskaja gazeta. — 2013. — 7 avg.

5. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta predostavlenija Pensionnym fondom Rossijskoj Federacii i ego territorial'nymi organami gosudarstvennoj uslugi po rassmotreniju zajavlenija o rasporzazhenii sredstvami (chast'ju sredstv) materinskogo (semejnogo) kapitala : prikaz Mintruda Rossii ot 29 oktjabrja 2012 g. № 346n // Rossijskaja gazeta. — 2013. — 26 apr.

6. Metodika SERVQUAL; model' ocenki kachestva gosudarstvennyh uslug, vyrabotannaja v Kanade pod nazvaniem CommonMeasurementTool (CMT). URL: <http://www.bagalau.kz.ru> (data obrashhenija: 22.11.2014).

7. Fond «Obshhestvennoe mnenie»: «Grazhdane na randevu s gosudarstvom: praktika predostavlenija uslug chastnym i juridicheskim licam gosudarstvennymi uchrezhdenijami». Vserossijskij monitoring vnedrenija administrativnyh reglamentov. — M., 2009. — S. 609–690.

8. Ob utverzhdenii Administrativnogo reglamenta Ministerstva zdravoohranenija i social'nogo razvitija Rossijskoj Federacii po predostavleniju gosudarstvennoj uslugi po napravleniju grazhdan Rossijskoj Federacii na lechenie za predelami territorii Rossijskoj Federacii : prikaz Minzdravsocrazvitija Rossii ot 19 dekabrja 2011 g. № 1571n // Rossijskaja gazeta. — 2012. — 12 maja.

9. Fond obshhestvennogo mnenija : sajt. — URL: <http://fom.ru/politika/10439> (data obrashhenija: 24.11.2014).

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ (ФИЛИАЛ В Г. ПЯТИГОРСКЕ)**

О.В. Дьяченко,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного и
административного права,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)

А.В. Мещеряков,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра конституционного и
административного права,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)

O.V. Dyachenko,
Candidate of Law, Associate Professor,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)

phalenopsis@rambler.ru
A.V. Mescheryakov,
Candidate of Law, Associate Professor,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)

mesheriakov.alem2012@yandex.ru

**Советская правовая политика в сфере
гражданства в период становления его как
института: краткий историко-правовой экскурс**

Аннотация: отечественное законодательство о гражданстве и правоприменительная практика характеризуются многообразием решений и многолетней правовой историей. Тема предлагаемой статьи вызывает научный и практический интерес уже тем, что, во-первых, институт гражданства как правовое явление царской России известен не был, отсутствовала и нормативная база его регулирования. Во-вторых, российское гражданство представляло собой новый исторический тип гражданства — гражданство социалистического типа, что повлияло, главным образом, и на его политико-правовую сущность, и на особенности его правовой регламентации. Институт гражданства как государственно-правовое явление возник в период первых буржуазно-демократических революций, и политика его правовой регламентации строилась на принципах всеобщего равенства и национального единства. Правовая же политика Советского социалистического государства в отношении регулирования вопросов гражданства основывалась на классовой сущности правовых институтов, в том числе и своего гражданства, а также принципа пролетарского интернационализма при предоставлении права российского гражданства. Исследуемая тема является актуальной и в том смысле, что экскурс в период становления и развития российского законодательства о гражданстве, практики его применения и выявления их характерных особенностей представляют определенный интерес в плане познания его политико-правовой природы. В целом же, нас интересует правотворческая политика первого в мире социалистического государства в области регламентации своего гражданства в первый период его зарождения и становления, а также органы советского государства, в чью компетенцию входило рассмотрение и решение вопросов гражданства. Обращение к историко-правовой природе российского гражданства, несомненно, может положительно отразиться и на правовой регламентации этого важнейшего государственно-правового института современной России.

Ключевые слова: законодательство о гражданстве, правоприменительная практика, правовая политика, признание и приобретение российского гражданства.

**Soviet legal policy in the area of citizenship during
the formation of his as an institution:
a brief history of legal excursus**

Abstract: domestic legislation on citizenship and practice characterized by a variety of solutions and long-term legal history. The theme of the proposed scientific paper is a scientific and practical interest is the fact that, firstly, the institution of citizenship as a legal phenomenon, Tsarist Russia was not known,

as there was no regulatory framework and its regulation. And, secondly, the Russian citizenship is a new historical type of citizenship — citizenship of a socialist type, which influenced mainly on its political and legal nature, and especially its legal regulation. Institute of citizenship as state-legal phenomenon arose in the first period of the bourgeois-democratic revolution, and its policy of legal regulation was based on the principles of equality and national unity. Legal same policy of the Soviet socialist state in the regulation of questions of citizenship based on the class nature of legal institutions, including their citizenship, as well as the principle of proletarian internationalism in the provision of Russian citizenship rights. The study theme is relevant in the sense that the excursion during the formation and development of the Russian legislation on citizenship, its implementation and identify their characteristic features are of interest in terms of knowledge of its political and legal nature. In general, we are interested in law-making policies the world's first socialist state in the regulation of its nationality in the first period of its origin and formation, as well as organs of the Soviet state, competent to address and resolve issues of citizenship. Appeal to the historical and legal nature of Russian citizenship, of course, can have a positive impact on the legal regulation of this important public-legal institution of modern Russia.

Keywords: *citizenship legislation, law enforcement practices, legal policy, recognition and acquisition of Russian citizenship.*

Нормы государственно-правового института гражданства не только закрепляют его основные начала и принципы, но и регулируют отношения по поводу признания, приобретения и утраты этого важнейшего права человека. Отечественное законодательство о гражданстве и правоприменительная практика характеризуются многообразием решений и многолетней правовой историей. Особенности их заключаются в том, что они являются зеркальным отражением тех противоречий исторического развития, которые были характерны для нашего государства в XX столетии.

В связи с этим экскурс в период становления и развития российского законодательства о гражданстве, практики его применения и выявления их характерных особенностей представляет, на наш взгляд, определенный интерес в плане познания его политико-правовой природы. В целом же, нас интересует правотворческая политика первого в мире социалистического государства в области регламентации своего гражданства в первый период его зарождения и становления. Такой подход обусловлен тем, что правовая политика, как верно отмечает А.В. Малько, — это система приоритетов в юридической действительности [1, с. 16].

История возникновения нового исторического типа гражданства неотделима от истории возникновения советского социалистического государства, что, естественно, наложило отпечаток как на содержание этого важнейшего государственно-правового института, так и на всю правотворческую политику государства в этой сфере.

Институт гражданства в современном его понимании возник в эпоху первых буржуазно-демократических революций. В его основу были положены идеи о национальном единстве и равноправии граждан. Французская буржуазная революция в «Декларации прав человека и гражданина» торжественно провозгласила: «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», «все граждане обладают правом участвовать в законодательной деятельности, как лично, так и через своих представителей. Закон должен быть равным для всех» [2, С. 250–251]. Эта декларация затем была полностью воспроизведена в Конституции Франции 1791 г.

Становление и развитие нового исторического типа гражданства — социалистического — тесно связано с преобразованием всего российского общества и государства на принципах марксистско-ленинской классовой теории пролетарской революции и социалистического переустройства общества.

Одним из результатов такого преобразования и явилось возникновение социалистического гражданства. Юридически этот факт был оформлен Декретом ВЦИК от 23 (10) ноября 1917 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов». В нем провозглашалось общее и единое «для всего населения России наименование — гражданин Российской Республики» [3].

Революционный романтизм, нашедший свое отражение в лозунгах о всеобщем равенстве и братстве, повлиял и на первоначальную правотворческую политику советского правительства в отношении установления (признания) российского гражданства, принятия иностранцев в гражданство Российской Республики, лишения российского гражданства. Так, в ходе обсуждения проекта декрета «О приобретении прав российского гражданства» на заседании ВЦИК 1 апреля 1918 г. предлагалось даже закрепить в декрете принцип, согласно которому «всякий признавший Российскую Социалистическую Республику тем самым становится российским гражданином» [4]. Однако этот принцип не нашел поддержки, т. к. одного признания было недостаточно, требовалось закрепление данного факта, т. е. его юридическое оформление. Такая позиция и нашла свое правовое отражение в ст. 2 декрета, где говорится об обязательном письменном заявлении иностранца, желавшего приобрести российское гражданство [5].

Несмотря на то, что молодое советское государство стремилось проводить политику установления максимально упрощенного порядка приобретения иностранцами российского гражданства, нельзя не заметить идеологизацию этой процедуры. Так, основываясь на ключевом для коммунистической идеологии принципе пролетарского интернационализма, декрет устанавливал для некоторой категории иностранцев, к примеру, служивших в Красной Армии, состоявших в рядах зарубежных социал-демократических партий, определенные льготы при принятии их в российское гражданство. В частности, в отношении этой категории лиц отменялись некоторые формальности в процедуре их приема в российское гражданство.

Исполнительные органы местных Советов довольно активно реализовывали на практике предписания декрета. Примечательна в этом плане, к примеру, деятельность Саратовского губернского исполкома, одного из первых в Российской Республике Советов, начавших рассматривать заявления иностранцев о приобретении российского гражданства. Заявления поступали как индивидуальные, так и коллективные. Только в период с апреля по ноябрь 1918 г. Саратовским губисполкомом было принято в российское гражданство 297 иностранцев [6, С. 36–37]. В подавляющей массе своей это были бойцы Красной Армии, члены зарубежных социал-демократических партий и члены их семей.

Политика партии большевиков в области правовой регламентации вопросов гражданства исходила из сущности, целей и идеологии пролетарской революции и социалистического переустройства общества и государства.

Право получения гражданства предоставлялось не только признавшим, но и практически поддерживающим Советскую власть. Противники или критики этой власти лишались прав российского гражданства, причем этот процесс проходил не в индивидуальном порядке, а в массовом. Такая правотворческая политика основывалась на положении ст. 23 Конституции РСФСР 1918 г., которая гласила: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Советская Социалистическая Федеративная Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции».

Таким образом, становление государственно-правового института российского гражданства, принципы его правового регулирования находились под прямым влиянием политических процессов, происходящих в государстве. Институт гражданства не мог не впитывать в свое содержание особенности и противоречия соответствующего этапа развития общества и государства.

Список литературы:

1. Малько, А.В. Современная российская правовая политика и правовая жизнь // Правовая политика и правовая жизнь. — 2000. — № 1. — С. ??.
2. Конституции и законодательные акты буржуазных государств (XVII–XIX вв.). — М.: Госюриздат, 1957. — 587 с.
3. Об уничтожении сословий и гражданских чинов : декрет ВЦИК от 23 ноября 1917 г. // СУ РСФСР. — 1917. — № 3, ст. 31.
4. О приобретении прав российского гражданства : проект декрета ВЦИК // СУ РСФСР. — 1918. — № 68, ст. 736.
5. О приобретении прав российского гражданства : декрет ВЦИК от 1 апреля 1918 г. // СУ РСФСР. — 1918. — № 31, ст. 405.
6. Мещеряков, А.В. Гражданство Российской Федерации: возникновение, понятие, особенности структуры, приобретение, прекращение, нормативные акты / А.В. Мещеряков. — Ставрополь: ИП Руденко А.В. «Оперативная полиграфия Тираж», 2013. — 336 с.

References:

1. Mal'ko, A.V. Sovremennaja rossijskaja pravovaja politika i pravovaja zhizn' // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. — 2000. — № 1. — S. ??.
2. Konstitucii i zakonodatel'nye akty burzhuaznyh gosudarstv (HVII–HIX vv.). — M.: Gosjurizdat, 1957. — 587 s.
3. Ob unichtozhenii soslovij i grazhdanskih chinov : dekret VCIK ot 23 (10) nojabrja 1917 g. // SU RSFSR. — 1917. — № 3, st. 31.
4. O priobretenii prav rossijskogo grazhdanstva : proekt dekreta VCIK // SU RSFSR. — 1918. — № 68, st. 736.
5. O priobretenii prav rossijskogo grazhdanstva : dekret VCIK ot 1 aprelja 1918 g // SU RSFSR. — 1918. — № 31, st. 405.
6. Meshherjakov, A.V. Grazhdanstvo Rossijskoj Federacii: vzniknovenie, ponjatие, osobennosti struktury, priobretenie, prekrashhenie, normativnye akty / A.V. Meshherjakov. — Stavropol': IP Rudenko A.V. «Operativnaja poligrafija Tirazh», 2013. — 336 s.

И.М. Вильгоненко,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права и процесса,
Институт сервиса, туризма и дизайна,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)

Ю.Н. Слепенок,
старший преподаватель,
кафедра гражданского права и процесса,
Институт сервиса, туризма и дизайна,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)

А.Д. Анучкина,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и
процесса,
Институт сервиса, туризма и дизайна,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)

Н.Ю. Белокопытова,
старший преподаватель
кафедра гражданского права и процесса,
Институт сервиса, туризма и дизайна,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)

I.M. Vilhonenco,
candidate of legal Sciences,
associate Professor of civil law and process
Institute of service, tourism and design,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)

Y. N. Slepencok,
senior lecturer,
the chair of civil law and process,
Institute of service, tourism and design,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)

A.D. Anuchkina,
candidate of legal Sciences,
associate Professor of civil law and process,
Institute of service, tourism and design,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)

N.Y. Belokopytova,
senior lecturer,
the chair of civil law and process
Institute of service, tourism and design
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)

Условия привлечения к ответственности лиц, ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними

Аннотация: актуальность статьи обусловлена тем, что в научной литературе вопросы ответственности лиц, ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними, не разработаны. Имеющиеся публикации посвящены лишь отдельным аспектам этой проблемы. Правоведственная деятельность свидетельствует о недостатках правового регулирования ответственности лиц, ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними. Цель статьи — проанализировать условия привлечения к ответственности лиц, ответственных за вред, причиненный несовершеннолетними. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы делают выводы о том, что обязательства вследствие причинения вреда — один из видов внедоговорных обязательств. Участие несовершеннолетних в этих обязательствах имеет множество особенностей: основания, условия, размер возмещения вреда, субъектный состав. Условия ответственности представляют собой объективную и субъективную стороны правонарушения несовершеннолетнего, его законных представителей, иных лиц, на которых временно возложена обязанность по надзору за ребенком. Для определения лица, на которое может быть возложена ответственность за причиненный ребенком вред, необходимо исследовать совокупность обстоятельств: наличие вреда; поведение причинителя вреда; причинную связь между поведением и наступившими последствиями; вину причинителя вреда, законных представителей ребенка, иных лиц; связь с ребенком законных представителей, иных лиц и др. Родители, лица их заменяющие, а также лица, осуществляющие надзор за несовершеннолетним, несут ответственность за свои упущения в воспитании такого несовершеннолетнего. Условия ответственности также могут различаться в зависимости от возраста непосредственного причинителя вреда и субъектного состава обязанных лиц. В статье авторы

отмечают, что вина — не всегда необходимое условие для возникновения обязательств вследствие причинения вреда. Вина ребенка в возрасте до 14 лет не учитывается и не исследуется.

Ключевые слова: деликтные обязательства, ответственность, несовершеннолетние лица, родители, вред, возмещение вреда, условия привлечения к ответственности.

Terms of bringing to justice those responsible for damage caused by minors

Abstract: the relevance of the article due to the fact that in the scientific literature, the liability of the persons responsible for the damage caused by a minor, has not been developed. Existing publications focus on only some aspects of this problem. Enforcement activities are indicative of deficiencies in the legal regulation of the liability of the persons responsible for the damage caused by a minor. The purpose of this article is to analyze the conditions for the prosecution of persons responsible for damage caused by minors. The implementation of the goals was achieved through scientific dialectic, analysis, synthesis) and private scientific methods (formal-legal, comparative legal). The authors conclude that the obligations due to the injury — a type of non-contractual obligations. The participation of minors in these commitments has many features: base conditions, the amount of compensation for harm, the subject structure. Conditions of liability are objective and subjective sides of the offence *nesovershennoletnih*, its legal representatives, other persons, which has the responsibility for supervision of the child. To identify the person, which may be responsible for causing the child harm, you must examine the totality of circumstances: the presence of harm; the conduct of the tortfeasor; the causal relationship between behavior and consequences; the guilt of the tortfeasor, the legal representatives of the child, other persons; child legal representatives, other persons and others. Parents, persons in *Loco parentis*, and persons supervising minors are responsible for their shortcomings in the education of such minor. The terms of the disclaimer may also vary depending on the age of the direct tortfeasor and the subject composition obliged. In the article the authors note that wine is not always a necessary condition for the emergence of obligations due to the injury. The fault of the child under the age of 14 years is not considered or investigated.

Keywords: tort liability, responsibility, minors, parents, harm, damages, conditions of accountability.

Обязательства вследствие причинения вреда являются одним из видов внедоговорных обязательств, которые также называют деликтными [1]. Основанием возникновения этих обязательств является факт причинения вреда имуществу гражданина или юридического лица либо неимущественным благам — жизни, здоровью гражданина. При отсутствии вреда вопрос о деликтной ответственности возникнуть не может [2].

Родители, лица их заменяющие, а также лица, осуществляющие надзор за несовершеннолетним, непосредственно не причиняют вред, не совершают противоправных действий и несут ответственность за свои упущения в воспитании такого несовершеннолетнего. Противоправность поведения родителей (усыновителей), опекунов обнаруживается в плохом воспитании ребенка, в неосуществлении за ним надлежащего надзора, т. е. в ненадлежащем исполнении своих обязанностей, предусмотренных СК РФ (ст. 63, 150). Такое противоправное поведение может выражаться в антисоциальном образе жизни указанных лиц, оказывающем пагубное влияние на их детей, либо иметь формы пассивного поведения, отстранения от воспитания. К сожалению, последнее приобретает в настоящее время в России угрожающие масштабы [3]. Родители обязаны осуществлять не только надзор за детьми, но и их воспитание. Воспитание же — длящийся процесс, поэтому недопустимо противоправность поведения родителей видеть лишь в непосредственном непредотвращении вреда. Противоправность их поведения не может состоять ни в чем ином, как в нарушении обязанности надзора за

детьми и надлежащем их воспитании, т. к. предотвратить причинение детьми вреда родители могут только лишь влияя на их поступки. Это возможно, при условии надлежащего осуществления воспитания и присмотра за детьми, поскольку сознание и воля детей еще не развиты настолько, чтобы они могли обойтись без нравственного руководства и присмотра.

Иное понимание противоправности поведения устанавливается для детских учреждений — учебных, воспитательных и лечебных, а также для лиц, на основании договора осуществляющих надзор за несовершеннолетним. Данные лица включаются в круг субъектов ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, т. к. предполагается систематическое или периодическое пребывание детей под их контролем. Под их виной понимается неосуществление ими должного надзора за несовершеннолетними в момент причинения вреда. Представляется, что такое понимание противоправного поведения вполне обоснованно. Школьное, дошкольное, лечебное заведение могут и должны нести ответственность только за те действия ребенка, которые они в состоянии предотвратить, организуя надлежащим образом надзор за детьми. Все это в полной мере относится и к лицам, в том числе и физическим, которые на основании договора с родителями оказывают услуги няни, домашнего учителя, воспитателя и пр.

Предоставление родителям и лицам, их заменяющим, возможности доказать, что вред возник не по их вине, означает, что речь идет только об упречном поведении лица, ответственного за причинение этого вреда. Причем эта вина может быть не только в неисполнении, ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию, но и в нарушении прав ребенка, предусмотренных ст. 54, 148 СК РФ. Факты противоправного поведения родителей, когда они не заботятся о детях, все чаще встречаются в практике. Об отсутствии заботы говорит внешний вид детей, систематические случаи оставления их без пищи, без крова и т. п. Кроме того, противоправным может считаться и поведение родителей, которые не заботятся собственно о воспитании детей. Понятие воспитания ребенка очень широко. Оно включает нравственное воспитание, обязанность заботиться об общеобразовательной подготовке, о приобретении профессии, о развитии индивидуальных способностей и т. д. К числу факторов, отрицательно влияющих на воспитание детей, практика причисляет и порочные методы воспитания детей родителями: физические наказания, потворство плохим поступкам, баловство детей и т. п. Бездействие родителей также нередко рассматривается судебными органами как невыполнение обязанности надзора [4].

Таким образом, следует признать приемлемым понимание противоправности поведения родителей, законных представителей несовершеннолетних как поведение, связанное с нарушением не только обязанностей по надзору за детьми, но также и по их воспитанию. Воспитание представляет собой определенное, целеустремленное и систематическое воздействие на психологию воспитуемого, имеет целью привить ему качества, желательные воспитателю. Без систематического надзора за поведением воспитуемого и постоянного общения с ним, без контроля за тем, как закрепляются желаемые качества, воспитание не может осуществляться. Представляется, что

закрепление противоправности поведения родителей как условия их имущественной ответственности полностью соответствует задачам улучшения воспитания подрастающего поколения, способствует сохранению здорового климата общества и предотвращению причинения детьми вреда во всех случаях — и по незнанию, из любопытства, детской шалости, и в случаях совершения противоправных действий намеренно.

Имущественная ответственность является одним из видов ответственности родителей за нарушение общественного правопорядка. Это ответственность за нанесенные в результате действий детей убытки, которые представляют собой конечный результат противоправного нарушения родителями своих родительских обязанностей воспитания и присмотра за детьми. Вред причиняют непосредственно дети, поэтому прежде, чем привлекать к ответственности родителей, необходимо установить, существуют ли для этого основания в самом поведении детей. В настоящее время нет разногласий в решении вопроса относительно того, необходимо ли устанавливать виновность детей в причинении вреда, когда решается вопрос об ответственности родителей. В отношении несовершеннолетних детей до 14 лет вопрос об установлении их вины не должен возникать, поскольку малолетние дети почти полностью недееспособны и, следовательно, не могут быть виновными в юридическом значении. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно на общих основаниях несут ответственность за вред согласно ст. 26 ГК РФ [5].

Определение вины лица, обязанного нести ответственность за вред, причиненный малолетним, представляет особую важность, поскольку, во-первых, как было указано ранее, воспитание — это длящийся процесс, во-вторых, чаще всего результаты просчетов в воспитании, пренебрежения к правам и обязанностям по воспитанию дают о себе знать не сразу, могут проявляться неожиданно, в-третьих, между усилиями по надлежащему семейному воспитанию, их полным отсутствием и причиненным вредом не всегда существует прямая зависимость. Глубокая внутренняя связь между действиями (бездействием), как правило, существует, однако, если ее обнаружить невозможно, говорить об обязанности возместить вред не приходится [6]. Таким образом, кроме установления вины родителя необходимо установить причинную связь его противоправного поведения с вредом, причиненным малолетним. Бездействие родителей в воспитании и присмотре за детьми само по себе имущественного вреда причинить не может, оно причинно связано с вредом только через действия детей. Связь эта выражается в том, что неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями своих обязанностей приводит к недостойному поведению, которое, в свою очередь, вызывает вред.

В юридической литературе отмечается, что вынесение решения без выяснения обстоятельств, касающихся причинной связи поведения родителей с наступлением вреда, влечет и безосновательные выводы относительно взыскания ущерба. Так, не является обоснованным решение о возмещении вреда, когда вред возник в результате проявленной детьми неосторожности, и только по этим основаниям взыскивать ущерб с родителей нельзя. Неосторожность к поведению родителей по воспитанию и надзору может и не иметь никакого

отношения, она может быть следствием свойственной малолетнему беспечности, неопытности, неумения ориентироваться в обстановке и т. п. При таких обстоятельствах ущерб с родителей не должен взыскиваться.

Вина является одним из общих условий гражданско-правовой ответственности. Справедливость принципа ответственности за вину как общего принципа ответственности не вызывает сомнений. Вина родителей — это неосторожная вина. Умысел в ненадлежащем воспитании и надзоре как форму вины можно исключить. Если даже предположить, что родители умышленно оставили своих детей без всякого воспитания и надзора, и в результате дети совершили правонарушение, наносящее имущественный вред, то и тогда нельзя говорить об умышленной вине, поскольку в этом случае их умысел был направлен не на причинение вреда, а на другое — например, на то, чтобы избавиться от детей. Следует признать, что взыскание вреда, причиненного детьми, с родителей не является штрафной санкцией за ненадлежащее поведение их детей. За безнадзорность детей, допущенную родителями умышленно или по неосторожности, они могут нести административную ответственность. Предусматривается и уголовная ответственность за неисполнение обязанности по воспитанию несовершеннолетних статьей [7]. Кроме того, они могут быть лишены либо ограничены в родительских правах, и дети у них могут быть отобраны (ст. 69, 75, 77 СК РФ). Представляется, что признание ответственности родителей как ответственности за вину позволяет не только наказывать их за небрежное отношение к воспитанию детей, но и защитить интересы родителей, когда они не в состоянии предотвратить возникновение ущерба. Интересы потерпевших при этом никоим образом не могут считаться ущемленными, т. к. диапазон видов вины родителей достаточно широк — это вина не только в неосуществлении надзора или ненадлежащем надзоре, но и в отсутствии воспитания в определенном направлении.

В юридической литературе отмечается, что суды, как правило, строго подходят к выяснению вопросов виновности родителей и, устанавливая наличие условий для добросовестного выполнения обязанности по воспитанию, освобождают родителей от ответственности только при отсутствии у них возможности предвидеть причинение вреда либо же надлежаще осуществлять воспитание. В судебной практике были случаи, когда родители освобождались от ответственности, если они не могли, не должны были предвидеть причинение вреда ребенком, а также если надлежащее воспитание и присмотр объективно были невозможны ввиду неблагоприятно сложившихся обстоятельств. В числе таковых выделялись: систематические и длительные отъезды родителей в командировки, расторжение брака между родителями, другие случаи вынужденного раздельного проживания родителей и детей, а также тяжелая болезнь родителей и т. п.

Однако следует заметить, что в повседневной жизни нередко возникают ситуации, когда обстоятельства воспитания складываются неблагоприятно, поэтому установить вину родителей, выявить их отличительное отношение к воспитанию детей непросто. Ссылки родителей на создавшуюся невозможность осуществлять нормальное воспитание детей могут быть, в сущности, следствием их нежелания серьезно заняться воспитанием. Например,

родители часто указывают на свою занятость по работе. Представляется, что освобождение родителей от ответственности из-за отсутствия их вины в таких случаях не исключено, однако здесь, полагаем, речь идет о трудностях в воспитании, которые родители способны преодолеть. Иногда родители ссылаются на неспособность справиться с детьми, особенно в подростковом возрасте (12–13 лет), что обычно вызвано потерей родительского авторитета. Этому способствуют различные причины: неправильные методы воспитания, дурное поведение родителей в быту, нежелание уважать личность подрастающего ребенка и т. п. Обычно в таких случаях суды признают родителей, ссылающихся на свою неспособность воздействовать на поведение детей, виновными в ненадлежащем воспитании и надзоре.

Таким образом, можно сделать вывод, что взыскание вреда, причиненного детьми, с родителей, опекунов, попечителей, лиц, осуществляющих надзор за детьми, не является штрафной санкцией за ненадлежащее поведение их детей. В данном случае оценивается поведение указанных лиц, их упущения в воспитании и надзоре за несовершеннолетними, которые привели к противоправным действиям несовершеннолетних. Основанием возникновения ответственности является факт причинения вреда, необходимой предпосылкой привлечения к ответственности родителей, лиц, осуществляющих надзор, является установление причинно-следственной связи между действиями несовершеннолетнего и возникшим вредом. Однако при привлечении к ответственности родителей и лиц, осуществляющих надзор, необходимо выявить противоправность их поведения и виновность в упущениях воспитания и надзора.

Список литературы:

1. Смирнов, В.Т. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве / В.Т. Смирнов, А.А. Собчак. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. — 414 с.
2. Белякова, А.М. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда (теория и практика) / А.М. Белякова. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. — 149 с.
3. Махмудова, А.С. Ответственность родителей за ненадлежащее воспитание детей // Проблемы и перспективы формирования правового государства и гражданского общества в России : материалы Междунар. науч.-практ. конференции, г. Невинномысск, 12–13 декабря 2013 г. — Ч. 1. — Невинномысск, 2013. — С. 234–237.
4. Скоттман-Кивеля, П. Рассмотрение конфиденциальных дел по защите детей — права и обязанности официальных органов // Семейное и жилищное право. — 2014. — № 1. — С. 17–22.
5. Гинц, Е.М. Деликтные обязательства и обязательства вследствие правомерного причинения вреда: общее и особенное // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2013. — № 22. — С. 85–88.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй части (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. — М.: Юрайт-Издат, 2012. — 400 с.
7. Бурдо, Е.П. Понятие и особенности прав и обязанностей родителей по воспитанию несовершеннолетних детей в структуре личного неимущественного родительского правоотношения в семейном праве Российской Федерации // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2014. — № 3. — С. 43–47.

References:

1. Smirnov, V.T. Obshee uchenie o deliktnyh objazatel'stvah v sovetskom grazhdanskom prave / V.T. Smirnov, A.A. Sobchak. — L.: Izd-vo LGU, 1982. — 414 s.
2. Beljakova, A.M. Grazhdansko-pravovaja otvetstvennost' za prichinenie vreda (teorija i praktika) / A.M. Beljakova. — M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1986. — 149 s.
3. Mahmudova, A.S. Otvetstvennost' roditel'ej za nenadlezhashhee vospitanie detej // Problemy i perspektivy formirovanija pravovogo gosudarstva i grazhdanskogo obshhestva v Rossii : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii, g. Nevinnomyssk, 12–13 dekabrya 2013 g. — Ch. 1. — Nevinnomyssk, 2013. — S. 234–237.
4. Skottman-Kivelja, P. Rassmotrenie konfidencial'nyh del po zashhite detej — prava i objazannosti oficial'nyh organov // Semejnoe i zhilishhnoe pravo. — 2014. — № 1.— S. 17–22.
5. Ginc, E.M. Deliktnye objazatel'stva i objazatel'stva vsledstvie pravomernogo prichinenija vreda: obshhee i osobennoe // Juridicheskaja nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2013. — № 22. — S. 85–88.
6. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj chasti (postatejnyj) / pod red. T.E. Abovoj, A.Ju. Kabalkina. — M.: Jurajt-Izdat, 2012. — 400 s.
7. Burdo, E.P. Ponjatije i osobennosti prav i objazannostej roditel'ej po vospitaniju nesovershennoletnih detej v strukture lichnogo neimushhestvennogo roditel'skogo pravootnoshenija v semejnom prave Rossijskoj Federacii // «Chernye dyry» v rossijskom zakonodatel'stve. — 2014. — № 3. — S. 43–47.

К.А. Амиянц,

*кандидат юридических наук,
кафедра уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)*

О.А. Захарян,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)*

К.В. Чемеринский,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра уголовного права и процесса,
Северо-Кавказский федеральный
университет (филиал в г. Пятигорске)*

К.А. Amiyants,

*Candidate of Law,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)
aka19811982@ya.ru*

О.А. Zakharyan,

*Candidate of Law, Associate professor,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)
olg-zakharya@yandex.ru*

К.В. Chemerinsky,

*Candidate of Law, Associate professor,
North-Caucasian Federal University
(Pyatigorsk branch)
chemerinsky@mail.ru*

Уголовно-правовая политика: понятие и содержание

Аннотация: в статье анализируются проблемы определения понятия и содержания уголовно-правовой политики. Определение понятийного аппарата представляется особенно важным для разработки цельной концепции уголовно-правовой политики и ее успешной реализации. Целью данной работы является разработка понятия уголовно-правовой политики и определение ее содержания. С помощью логического и формально-юридического методов проводится анализ базовых понятий уголовно-правовой политики. Отмечается, что в теории имеется достаточно большое количество научных позиций относительно понятия уголовно-правовой политики, однако общепринятого подхода к его дефиниции не выработано. В статье анализируются некоторые подходы, отмечаются их сильные и слабые стороны, предлагается авторская позиция относительно понятия уголовно-правовой полити-

ки. Рассматриваются доктринальные подходы к описанию содержания уголовно-правовой политики. Отмечается, что, несмотря на наличие в большинстве из них общих, единых позиций, в каждом из проанализированных подходов имеются и принципиально значимые отличия, что подчеркивает необходимость выработки универсального подхода, объединяющего все современные представления о содержании уголовно-правовой политики. Предлагается авторская позиция по рассматриваемому вопросу, обосновывается ее теоретическое и практическое значение. В завершение приводятся полученные результаты: авторское определение уголовно-правовой политики, описание ее содержания.

Ключевые слова: правовая политика, уголовное право, криминализация, пенализация, дифференциация уголовной ответственности, индивидуализация наказания.

Criminal law policy: concept and content

Abstract: this article analyzes the problems of definition of notion and content criminal law policy. The definition of conceptual apparatus seems to be extra important to the development of the entire conception of criminal law policy and its successful realization. The intention of this article is the development of criminal law notion and the definition of its content. Using logic and formal law methods the analysis of basic notions of criminal law policy is carrying out. It is noted that there are a lot of scientific positions about notions of criminal law police in theory, but there is no accepted approach to its definition. In article there are analyses some approaches, marks their strong and weak points. More than that, article discusses doctrinal approaches to description of criminal law policy content. It is noted that despite the presence of common unified positions in big number of them, in each of analyzed approaches there are principally significant differences, which emphasize the importance of the creation of universal approach, which will unite all of modern representations about the content of criminal law policy. There is proposed the author position about the question, justified it theoretical and practical meaning. In completion there are results: author notion of criminal law policy, description of its content.

Keywords: legal policy, criminal law, criminalization, penalization, differentiation of criminal responsibility, individualization of punishment.

Многочисленные изменения, перманентно вносимые в уголовное законодательство России нередко отличающиеся противоречивостью и бессистемностью, свидетельствуют о настоятельной необходимости разработки и реализации в процессе правотворческой деятельности уголовно-правовой политики государства. При этом в юридической науке не выработано единого понимания основных понятий и категорий данного юридического феномена, в то время как разработка понятийного аппарата является первоосновой любого знания.

В специальной литературе предлагаются различные дефиниции уголовно-правовой политики. Так, А.И. Коробеев под уголовно-правовой политикой предлагает понимать «направление деятельности законодательных и правоприменительных органов и организаций в выработке общих положений уголовного законодательства, установлению круга преступных деяний и системы наказаний, разработке санкций в конкретных составах преступлений и избранию справедливых и целесообразных мер воздействия (наказаний или иных мер уголовно-правового характера) в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений, либо совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное УК РФ» [1, с. 76].

Содержательно представленная позиция заслуживает полной поддержки. В то же время вызывает возражение указание автора на то, что элементом политики является деятельность правоприменительных органов и организаций, поскольку эти органы могут лишь участвовать в реализации уголовно-правовой политики, но не определять ее сущность и содержание.

Н.А. Лопашенко определяет уголовно-правовую политику как часть внутренней политики государства, основополагающую составляющую государственной политики противодействия преступности, направление деятельности государства в сфере охраны наиболее важных для личности, общества и государства благ, законных интересов и общественных отношений от преступных посягательств, заключающуюся в выработке принципов определения круга преступных деяний и законодательных признаков последних и формулировании идей и принципиальных положений, форм и методов уголовно-правового воздействия на преступность в целях снижения и уменьшения ее негативного влияния на социальные процессы [2, с. 25–26].

В данной дефиниции абсолютно справедливо подчеркивается, что уголовно-правовая политика является частью государственной политики противодействия преступности. Однако в содержательном аспекте раскрыть понятие описываемого явления автору, как представляется, не совсем удалось, поскольку в дефиниции отсутствует указание на пенализацию как элемент содержания уголовно-правовой политики, а указание на «формы и методы уголовно-правового воздействия на преступность» приводит к смешению уголовно-правовой политики с криминологической.

В Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанной Общественной палатой РФ, указано: «Уголовно-правовая политика Российской Федерации выступает одним из направлений реализации государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности и базируется на признании фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости ее основных положений с социальной политикой государства, а также политикой в области профилактики преступности, защиты и поддержки потерпевших от преступлений, исполнения уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, социальной реабилитации и надзора за лицами, отбывшими уголовное наказание» [3].

В данной дефиниции так же, как и в предыдущей, положительно можно оценить указание на то, что уголовно-правовая политика является структурным элементом политики государственной, но ее видовое отличие в определении не представлено.

Представляется, что уголовно-правовую политику можно определить как часть (структурный элемент) государственной правовой политики противодействия преступности, заключающуюся в определении круга деяний, признающихся преступлениями, установлении их наказуемости и иных уголовно-правовых последствий, регулировании принципов, оснований и средств дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, выражающуюся в нормах уголовного закона и других нормативных правовых актах, а также в практике их применения.

Содержание уголовно-правовой политики так же, как и ее понятие, не получило единообразного понимания в теории уголовного права. По мнению В.С. Комиссарова, содержание уголовно-правовой политики составляет: 1) определение основных принципов и положений, лежащих в основе борьбы с преступностью, мерами уголовно-правового воздействия; 2) установление круга уголовно наказуемых деяний путем формирования оснований и

принципов криминализации, а также их декриминализации в тех случаях, когда необходимость в мерах уголовно-правового воздействия отпадает; 3) определение характера и пределов наказуемости криминализированных деяний, а равно условий применения иных мер уголовно-правового воздействия; 4) определение направлений деятельности правоохранительных органов по применению на практике положений уголовного закона и выявлению его эффективности; 5) повышение эффективности воздействия уголовно-правовых мер на правовую культуру и правовое сознание населения [4, с. 37].

А.И. Коробеев в содержание уголовно-правовой политики включает следующие элементы: 1) определение основных принципов уголовно-правового воздействия; 2) криминализацию (декриминализацию) деяний; 3) пенализацию (депенализацию); 4) определение иных мер уголовного характера; 5) толкование действующего законодательства; 6) направление деятельности правоохранительных органов по применению норм уголовного закона, выяснение их эффективности [1, с. 77].

Н.А. Лопашенко выделяет четыре элемента содержания уголовно-правовой политики: 1) определение принципов уголовно-правового воздействия на преступность; 2) криминализацию (декриминализацию) деяний; 3) разработку общих начал назначения наказания и иных мер уголовного характера, их применение и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания; 4) реализацию индивидуализации уголовной ответственности [2, с. 32–33].

Как видим, теоретические воззрения в вопросе о содержании уголовно-правовой политики, несмотря на наличие общих позиций, имеют и принципиальные отличия.

Представляет интерес позиция Д.А. Зыкова, А.В. Шеслера и С.С. Шеслера, выделяющих виды деятельности, составляющие содержание уголовно-правовой политики: 1) правотворческую деятельность, реализуемую через криминализацию (декриминализацию), пенализацию (депенализацию) деяний, дифференциацию уголовной ответственности и наказания; 2) правоприменительную деятельность, реализуемую через индивидуализацию уголовной ответственности и наказания; 3) деятельность по толкованию уголовного законодательства, реализуемую через постановления Пленума Верховного Суда РФ [5, с. 91].

Исходя из авторского понимания уголовно-правовой политики, следует поддержать вышеприведенную позицию о выделении видов деятельности, составляющих содержание уголовно-правовой политики, представляющих собой самостоятельные, хоть и взаимосвязанные направления ее реализации. Обоснованность данной дифференциации обусловлена тем, что правотворческая и правоприменительная сферы уголовно-правовой политики, имея единую направленность, в то же время реализуются разными субъектами и специфическими, различающимися средствами. Однако не можем согласиться с предложением Д.А. Зыкова, А.В. Шеслера и С.С. Шеслера о выделении толкования уголовного закона как самостоятельного направления уголовно-правовой политики, поскольку толкование, являясь деятельностью по разъяснению смысла закона, имеет вспомогательное (техническое) значение, не порождает ни правовых норм, ни практику их применения и, со-

ответственно, не может признаваться самостоятельной сферой реализации уголовно-правовой политики. Более того, толкование уголовного закона осуществляется в подавляющем большинстве случаев самим правоприменителем в процессе практической деятельности, что также свидетельствует о несостоятельности выделения данной сферы в качестве самостоятельного направления уголовно-правовой политики.

В философской литературе под содержанием понимается определенным образом упорядоченная совокупность элементов и процессов [6, с. 434]. Исходя из этого, содержание уголовно-правовой политики составляет совокупность двух элементов, к которым, по нашему мнению, следует отнести правотворческую и правоприменительную сферы ее реализации. Первая сфера включает в себя: определение круга деяний, признающихся преступлениями (криминализация деяний), установление их наказуемости, регулирование иных уголовно-правовых последствий совершения преступления (пенализация деяний), регламентация оснований, принципов и средств дифференциации уголовной ответственности. Правоприменительная сфера уголовно-правовой политики реализуется в индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Представленный подход, по нашему мнению, позволяет более четко очертить границы осуществления уголовно-правовой политики, что дает возможность каждому из субъектов ее реализации в пределах своей компетенции сосредоточить внимание на наиболее значимых направлениях осуществления уголовно-правовой политики в целях повышения эффективности предупреждения преступности.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы:

1) уголовно-правовая политика — это часть (структурный элемент) государственной правовой политики противодействия преступности, заключающаяся в определении круга деяний, признающихся преступлениями, установлении их наказуемости и иных уголовно-правовых последствий, регулировании принципов, оснований и средств дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания, выражающаяся в нормах уголовного закона и других нормативных правовых актах, а также в практике их применения;

2) содержание уголовно-правовой политики составляет совокупность правотворческой (криминализация и пенализация деяний, дифференциация уголовной ответственности) и правоприменительной (индивидуализация уголовной ответственности и наказания) сфер ее реализации.

Список литературы:

1. Коробеев, А.И. Уголовное право и уголовно-правовая политика // Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 1 : Преступление и наказание / А.И. Коробеев. — СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. — 1133 с.
 2. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика / Н.А. Лопашенко. — М.: Волтерс Клувер, 2009. — 608 с.
 3. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации (разработана Общественной палатой РФ). — URL: <http://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (дата обращения: 05.11.2014).
-

4. Комиссаров, В.С. Уголовная политика // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова и др. — М.: Статут, 2012. — 879 с.

5. Зыков, Д.А. Понятие, формы и методов уголовно-правовой политики / Д.А. Зыков, А.В. Шеслер, С.С. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. — 2014. — № 1. — С. 86–92.

6. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. — М.: Изд-во политической литературы, 1987. — 590 с.

References:

1. Korobeev, A.I. Uголовное право i uголовно-правовaja politika // Polnyj kurs uголовного права : v 5 t. / pod red. A.I. Korobeeva. T. 1 : Prestuplenie i nakazanie / A.I. Korobeev. — SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Juridicheskij centr Press», 2008. — 1133 s.

2. Lopashenko, N.A. Uголовnaja politika / N.A. Lopashenko. — M.: Volters Kluver, 2009. — 608 s.

3. Konceptcija uголовно-правовой политики Rossijskoj Federacii (razrabotana Obshhestvennoj palatoj RF). — URL: <http://www.oprf.ru/discussions/1389/newsitem/17889> (data obrashhenija: 05.11.2014).

4. Komissarov, V.S. Uголовnaja politika // Uголовное право Rossijskoj Federacii. Obshhaja chast' : uchebnik dlja vuzov / pod red. V.S. Komissarova i dr. — M.: Statut, 2012. — 879 s.

5. Zykov, D.A. Ponjatie, formy i metodov uголовно-правовой политики / D.A. Zykov, A.V. Shesler, S.S. Shesler // Vestnik Vladimirskogo juridicheskogo instituta. — 2014. — № 1. — S. 86–92.

6. Filosoфskij slovar' / pod red. I.T. Frolova. — M.: Izd-vo politicheskoy literatury, 1987. — 590 s.

**• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ –
ВЛАДИМИРСКИЙ ФИЛИАЛ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО
ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ •**

А.В. Аверин,
доктор юридических наук, профессор,
кафедра теории и истории государства
и права,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ

A.V. Averin,
Doctor in Law, professor,
sub-faculty of Theory and History of State
and law
Vladimir branch of the RANEP
Avaverin@mail.ru

**О зависимости правоприменительной практики
от «околоправовых» факторов**

Аннотация: в статье затрагивается проблема влияния на правоприменительную практику органов государства такого «околоправового» фактора, как учет качества работы правоохранительного органа и отчетность по проделанной им работе во взаимосвязи с целями и задачами, поставленными перед конкретной правоприменительной структурой высшими органами государственной власти. По убеждению автора, при таком подходе к оценке качества работы правоохранительной структуры, когда рост показателей по выявлению преступлений является ведущим положительным критерием, возникает явная тенденция трансформации борьбы с преступностью в борьбу за показатели на бумаге. Порочность указанного подхода к оценке качества работы правоохранительной структуры связана с тем, что происходит подмена ценностей — реальное уменьшение преступности подменяется виртуальным увеличением показателей борьбы с ней. В качестве правоприменительного органа, на примере правоохранительной практики которого автор иллюстрирует свою точку зрения о том, что стремление к утверждению своей значимости, важности, ценности как проявление закономерности присуще любой возникшей (созданной) государственной структуре, взята Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России). Автор делает специальную оговорку, что предлагаемые в статье выводы относятся ко всем правоохранительным структурам. За обозначенной частноправовой правореализационной проблемой, связанной с зависимостью правоохранительной практики от статистического учета качества работы правоприменительного органа, в статье вскрывается философская политико-правовая проблема, суть которой сводится к постановке вопроса: допустим ли произвол власти, если этого требуют сиюминутные интересы общества в борьбе с конкретным социальным злом.

Ключевые слова: право, правоприменение, произвол, правоприменительные органы, ФСКН России, показатели качества работы.

**About the dependence of law enforcement practice
on the “supposed law” factors**

Abstract: in the present article the issue of influence on law-enforcement practice of bodies of the state of such “okolopravovy” factor as the accounting of quality of work of law enforcement agency and the reporting under the work done by it in interrelation with the purposes and the tasks set for concrete law-enforcement structure the supreme bodies of the government is touched. On belief of the author at such approach to an assessment of quality of work of law-enforcement structure when growth of indicators on detection of offenses is the leading positive criterion, fight against crime gets an obvious tendency of transformation in

fight for indicators on paper. Perversity of the specified approach to an assessment of quality of work of law-enforcement structure is connected with that there is a substitution of values — real reduction of crime is substituted for virtual increase in indicators of fight against it. As law-enforcement body on the example of which law-enforcement practice the author illustrates the point of view that aspiration to the statement of the importance, importance, value as manifestation of regularity is inherent in any arisen (created) government institution, the Federal Drug Control Service of the Russian Federation (FSKN of Russia) is taken. The author does the special reservation that the conclusions offered in article belong to all similar law-enforcement structures. Behind the designated private-law pravorealizatsionny problem connected with dependence of law-enforcement practice on the statistical accounting of quality of work of law-enforcement body in article the philosophical political and legal problem which essence is reduced to statement of a question is opened: whether we will allow an arbitrariness of the power if it is demanded by momentary interests of society in fight against the concrete social evil. The author states the unambiguous relation to this problem.

Keywords: law, law enforcement, arbitrariness, law enforcement authorities, Federal Drug Control Service of the Russian Federation (FDCS), performance measures.

Законы природы безжалостны, и они проявляются с беспощадной безусловностью, полностью игнорируя завышенную самооценку Царя природы. Данное утверждение относится к любым областям человеческой деятельности, особенно к тем из них, в которых остро пересекаются интересы государства, общества и личности.

Обратимся к общеизвестным фактам деятельности в Скандинавских странах соответствующих структур [1], рьяно отстаивающих права детей путем изъятия этих детей у родителей (в том числе у иностранных граждан) с тем, чтобы передать этих детей на воспитание иным лицам или в детские учреждения. Каковы бы ни были попытки некоторых адептов отстаивать «высокими материями» столь варварский способ воздействия на детскую психику, ларчик открывается просто, если вспомнить о законах природы. Два фундаментальных мотива такого рвения лежат на поверхности: меркантильный (поскольку это один из способов зарабатывания конкретным структурным образованием средств на свое существование) и мотив самосохранения, т. е. утверждение своей высокой социальной значимости и ценности.

Откровенно кощунственными в связи с этим выглядят «тоги» поборников ювенальной морали на фоне набирающего в странах Европы процесса легализации педофилии [2].

Однако обозначенный закон человеческого общежития полностью действует и в нашей стране.

С данным утверждением соглашаешься всякий раз, как только начинаешь анализировать социальную практику в ракурсе следующих вопросов.

Каково предназначение конкретной государственной структуры (т. е. с какой целью она была создана)?

Каково главное направление ее деятельности?

Какова ее социальная ценность?

Каковы критерии ее существования?

Этот подход к оценке деятельности госструктур является важным для любого периода жизни общества, но представляет собой особую ценность в сложные и критические периоды повышенного напряжения экономической, политической и социальной жизни.

Что касается современного этапа жизни России, то вполне здравыми выглядят мысли о необходимости сокращения бюрократического госаппарата [3]. Вполне понятно, что подобные решения даются «с кровью», т. к. задевают интересы не только (а может, не столько) отдельных людей, сколько интересы больших групп людей, объединенных в соответствующие структуры. Эти структуры развиваются как живой организм и будут бороться за право на жизнь всеми доступными им (легальными, законными и «не очень») способами.

Обозначенная проблема касается в том числе и правоприменительной деятельности, а также содержит много вопросов, среди которых теоретический интерес представляет следующий: имеется ли взаимосвязь между такими явлениями социальной жизни, как правоприменительные установки политической воли руководства государства; правоприменительная деятельность правоохранительных органов; проявление инстинкта самосохранения правоприменительного органа; право как системный юридический нормативный социальный регулятор.

Критерием правовой оценки юридической деятельности правоприменительных органов является идентификация права в юридических процедурах и актах, которые совершаются и принимаются правоприменительными органами государства. Это в полной мере относится как к досудебному производству, так и к судопроизводству, которые сами по себе не являются тождественными понятиями таким явлениям, как применение права и правосудие [4], поскольку стержнем последних является право, а первые, как показывает практика, нередко обходятся и без него.

В настоящей статье предлагается посмотреть на проблему идентификации права в процедуре и результатах юридической деятельности одного из правоприменительных органов государства — Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России).

Необходимо уточнить, что проблема, поднятая в статье, раскрывается на примере правоприменительной деятельности ФСКН не ввиду исключительности последней. Напротив, все госструктуры живут по тем же законам природы.

ФСКН России создана решением Президента РФ в 2003 г. За годы ее существования достигнуты немалые результаты, что регулярно отражается в соответствующих открытых [5] и закрытых отчетах. Социальная ценность и значимость указанной госструктуры видна в том числе из целей и задач, стоящих перед ней [6]. Скорее всего, специализированная структура по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств необходима. Однако деятельность данной структуры, как и любой другой, также не лишена «издержек инстинкта самосохранения».

Каким образом в юридической практике проявляются эти «издержки», наглядно демонстрирует правоприменительная практика ФСКН России, о результатах которой свидетельствует статья «Борьба с наркотиками. Рубеж-2015» на официальном сайте ФСКН России [7]. Главной задачей деятельности ФСКН России является эффективное уничтожение организованной наркоинфраструктуры и, как следует из официальной информации от 29 января 2015 г., «создание Службы позволило в 4 раза поднять результативность ликвидации организованной наркопреступности», при этом данные показатели

произошли на фоне «относительно стабильного количества привлекаемых к уголовной ответственности рядовых наркосбытчиков» [5].

Для лиц, имеющих отдаленное представление о современной отечественной правоприменительной практике, информация об увеличении в 4 раза результативности по ликвидации организованной наркопреступности на стабильном фоне привлечения к уголовной ответственности рядовых наркосбытчиков может не показаться удивительной. Однако некоторые примеры правоприменительной практики ФСКН России по Владимирской области, непосредственным участником которой довелось стать автору настоящей статьи (в качестве защитника), дают богатую пищу для размышлений.

Поскольку теоретическая проблема заявила о себе на основе конкретных уголовных дел, находящихся в производстве районного и городского судов¹, соблюдая одну из граней принципа независимости суда (а именно запрет на вмешательство в судебные процессы извне до окончательного разрешения дел по существу), изложение логических умозаключений на основе индуктивного метода познания будет схематичным, а учитывая ограниченность объема публикации, также и тезисным.

Основная задача деятельности ФСКН России — эффективное уничтожение организованной наркоинфраструктуры.

Основной критерий оценки качества деятельности любого правоохранительного органа в России — статистические данные о проделанной работе (цифры) и их сравнительный анализ.

Ценность и значимость правоохранительной структуры определяется наличием угрозы общественной безопасности. Иными словами, чем выше конкретная угроза, тем ценнее и значимее конкретная правоохранительная структура, основной функцией которой является устранение данной угрозы или борьба с ней.

Если эти три посылки верны, то дальнейшие размышления не должны вызывать безапелляционного неприятия:

а) поскольку от наличия угрозы общественной безопасности зависит существование и сама жизнь структуры (т. е. чем выше угроза, тем больше расширение функций и сфер влияния данной структуры, увеличение численности ее сотрудников, увеличение финансирования, выделяемого на техническое, организационное и иное обеспечение, финансирование оплаты труда работников структуры, занятие более высоких ниш государственной табели о рангах и т. п.), для этой структуры было бы «самоубийством» кардинальное устранение или фундаментальное снижение такой угрозы;

б) поскольку главным критерием оценки качества работы органов охраны правопорядка в России являются статистические данные, из года в год показатели качества работы данного правоохранительного органа должны

¹ Два уголовных дела, которые послужили катализатором теоретического размышления по заявленной в статье проблеме, находятся в производстве Октябрьского районного суда г. Владимира и Собинского городского суда Владимирской области. Значительный круг общения автора настоящей статьи с адвокатами разных регионов, а также с представителями правоприменительных органов дает все основания для утверждения о том, что отечественная правоприменительная практика ФСКН России и судебная практика подтверждают небеспочвенность предлагаемых в статье выводов.

улучшаться (в нашем случае — должны увеличиваться показатели эффективного уничтожения организованной наркоинфраструктуры) либо (в худшем случае) держаться на прежнем уровне. Иначе неминуемы процессы сокращения всего и вся (т. к. нет смысла кормить большую армию при отсутствии угрозы) либо значительной кадровой чистки верхнего эшелона структуры (если угроза общественной безопасности воспринимается людьми реально, а эффективность работы конкретной структуры не видна);

в) поскольку любое социальное явление возникает, развивается, изменяется или прекращает свое существование, подчиняясь законам природы, незаконное распространение наркотиков как многогранный сегмент криминальной жизни общества не может представлять собой абстрактную аморфную категорию, существующую вне этих самых законов природы.

Последнее замечание имеет отправное значение для постановки неудобных вопросов, т. к. обозначает не что иное, как необходимость сопоставления отчетных данных о деятельности правоприменительной структуры с объективными параметрами существующего социального явления.

В частности, возникли вопросы, требующие осмысления:

1) если за 11 лет существования ФСКН России в 4 раза увеличилась результативность ликвидации организованной наркопреступности, то незаконный оборот наркотиков либо растет, либо изначально имеет безмерные границы (в противном случае ликвидация оргнаркопреступности привела бы к снижению этой самой оргнаркопреступности, что привело бы к снижению показателей ее ликвидации);

2) если такой вид преступности, как незаконный оборот наркотиков, растет, то почему при этом сохраняется относительная стабильность количества привлекаемых к уголовной ответственности рядовых наркосбытчиков? Ведь рядовые наркосбытчики и есть последнее звено перед потребителем. Без них организованные преступные группы (ОПГ) и организованные преступные сообщества (ОПС), состоящие, как правило, из нескольких ОПГ, не смогли бы распространять свои «метастазы» в общественном организме. Эти «рядовые» в целях сбыта в основном приобретают наркотики у кого-то, и этот кто-то так или иначе, но связан с оптовыми поставками наркотиков, т. е. с той самой оргнаркопреступностью;

3) при росте незаконного оборота наркотиков вполне логично предположить, что должна проявиться тенденция к росту рядовых сбытчиков. Однако по официальным данным ФСКН России, этот показатель относительно стабилен, тогда как показатель ликвидации организованной наркопреступности вырос в 4 раза.

Тем не менее хотелось бы предложить для размышления свое, хотя и «крамольное» предположение. Оно вытекает из размышлений о закономерностях существования социальных структур. На основе личного участия в юридической правоприменительной практике по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков, предлагаем обобщающие выводы в виде версии, объясняющей отчетно-статистический феномен роста организованной наркопреступности:

1) выполняя важнейшую социально значимую функцию борьбы с незаконным оборотом наркотиков, сотрудники ФСКН России выявляют лиц, так или иначе причастных к этой деятельности;

2) как правило, сбыт наркотиков осуществляется «по цепочке»;

3) где-то на втором-третьем звене этой цепочки (вверх от рядового сбытчика) находится «оптовый закупщик»;

4) как правило, в окружении такого «оптового закупщика» есть несколько рядовых и «мелкооптовых» сбытчиков. За редким исключением многие из них и не догадываются о существовании друг друга;

5) при непредвзятом прочтении такого рода сложившихся и распространенных отношений и связей юридическая квалификация действий этих преступников ограничивается характеристикой «группа лиц» — ст. 228-1 ч. 3 УК РФ;

6) однако такой юридической характеристики явно недостаточно для отчетности по выполнению главной задачи, стоящей перед ФСКН России, т. е. по ликвидации организованной наркопреступности. Для этой отчетности следует оценить действия наркоторговцев как совершаемые не просто группой, а организованной группой (ст. 228-1 ч. 4 УК РФ), а еще лучше — преступным сообществом (ст. 210 УК РФ);

7) технология формулирования следственными органами убедительной обвинительной аргументации в пользу такого обвинения в данной статье опускается;

8) отработанная (часто встречающаяся) схема окончания следствия и направления уголовных дел (с организованными преступными группами и преступными сообществами) тиражируется ФСКН России в разных регионах:

— с некоторыми лицами, участвующими в сбыте наркотических средств (а лучше с организатором) заключается досудебное соглашение о сотрудничестве;

— те, кому не посчастливилось оказаться в «льготном списке», вынуждены идти в суд в общей группе;

— те, с кем заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, повторяют в суде обвинение против себя и остальных (в организации групп и сообществ), поскольку в противном случае досудебное соглашение расторгается и перспектива «льготного» осуждения исчезает;

— указанные доказательства используются для признания всех подсудимых (в том числе оспаривающих обвинение) виновными в совершении преступлений в составе ОПГ или ОПС.

В качестве очень приблизительной параллели можно посмотреть на известный опыт отечественного следственно-судебного производства в исторический период, названный периодом сталинских репрессий и произвола карательной государственной машины, когда подсудимые, желая избежать высшей меры наказания или непомерно длительных сроков лишения свободы, признавали себя виновными в совершении всевозможных преступлений. Ко многим из тех осужденных сегодня применена, хоть и запоздалая, реабилитация. Насколько корректно сегодня такое сравнение?

В части репрессий противникам сделанного сравнения нет необходимости гневаться, поскольку репрессии — они и есть репрессии. И автор настоя-

шей статьи сам является горячим сторонником жестких (в рамках закона) уголовно-правовых репрессий в отношении оргнаркопреступников.

Однако что касается произвола, то на основе приведенной ранее официальной статистики, сделанной самой ФСКН России, а также на основе конкретных уголовных дел (вопрос о результате судебного рассмотрения этих дел не принципиален для постановки проблемы на теоретическом уровне) предлагается авторское объяснение существующего статистического феномена.

1. *Статистический учет уничтожения организованной преступности.*

Для положительной оценки деятельности правоохранительной структуры (ФСКН России) необходимо показать рост результатов ее борьбы с незаконным оборотом наркотиков, а среди этих результатов высшими по значимости (как критерий борьбы с оргнаркопреступностью) являются показатели раскрытия преступлений, совершенных организованной группой (ч. 4 ст. 228-1 УК РФ) или посредством создания или участия в преступном сообществе (ст. 210 УК РФ).

При посредственном таланте и небольшом усердии следователя банальную группу лиц, совершающую сбыт наркотиков по предварительному сговору (ч. 3 ст. 228-1 УК РФ — санкция от 8 до 15 лет лишения свободы) можно позиционировать как организованную группу (ч. 4 ст. 228-1 УК РФ — санкция от 10 до 20 лет лишения свободы), а две группы, лидеры которых (доминанты) знакомы друг с другом, легко трансформировать в преступное сообщество (ст. 210 УК РФ). В этом случае организаторам преступного сообщества (ч. 1 ст. 210 УК РФ) уготована санкция от 12 до 20 лет лишения свободы.

2. *«Льготы» при заключенном досудебном соглашении о сотрудничестве.*

Производство по уголовным делам при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве регламентировано гл. 40.1 УПК РФ. В контексте настоящей статьи интерес представляет положение, предусмотренное ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ, согласно которому лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, вполне реально может рассчитывать на следующие льготы: освобождение от наказания, получение условного осуждения, получение наказания более мягкого, чем предусмотрено минимальной санкцией статьи обвинения, но в любом случае при определенных условиях (ч. 2 ст. 62 УК РФ) срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей обвинения.

Проще говоря, если злодей, который получил возможность где-либо доставать оптовые партии наркотических средств и пожелал обогатиться путем сбыта наркотиков, был разоблачен правоохранительными органами, то за факты сбыта наркотиков «рядовым» сбытчикам, получавшим зелье от него, он должен нести ответственность (при отсутствии других квалифицирующих признаков) по ч. 3 ст. 228-1 УК РФ — за сбыт наркотиков группой лиц по предварительному сговору с этим сбытчиком (от 8 до 15 лет лишения свободы). Но если у данного лица есть несколько «рядовых сбытчиков», то он неоднократно с разными лицами совершает сбыт наркотиков по предварительному сговору группой лиц, т. е. совершает несколько аналогичных преступлений.

И в этой (довольно распространенной жизненной ситуации), если с «пониманием» отнестись к важности фундаментальных задач, стоящих перед

ФСКН России, то из нескольких сбытов по предварительному сговору группой лиц вполне «вырисовывается» организованная преступная группировка.

Если же правоохрнительным органам удастся найти того, кто сбывал наркотики лидеру этой преступной группировки, то остается отработать еще одну цепочку сбыта, объединить их в одно целое, чтобы сделать отчет о раскрытии организованного преступного сообщества.

Что же кроется за этими тонкостями юридической казуистики?

3. *Стремление избежать уголовной ответственности по «завышенной квалификации действий».*

В жизни человек часто стоит перед выбором своего поведения. Этот выбор формируется по разным основаниям, в том числе на основе здравого смысла, инстинкта самосохранения, сиюминутных или отдаленных интересов, своих или чужих потребностей, амбиций и т. д.

Совершил человек тяжкое преступление — незаконный сбыт наркотических средств группой лиц по предварительному сговору (ч. 3 ст. 228-1 УК РФ) и был задержан. Его ожидает вполне заслуженное наказание от 8 до 15 лет лишения свободы. С учетом жесткой политико-правовой обстановки, данной Президентом РФ правоохрнительным органам в вопросах правоохрнительной политики, маловероятно итоговое наказание менее 10 лет лишения свободы.

Но появляется альтернатива — заключить досудебное соглашение о сотрудничестве с перспективой получения льгот, указанных ранее (в диапазоне от освобождения от ответственности, условного наказания, мизерного наказания и до максимально возможного срока в 10 лет). Взамен следует выполнить требования, представляющие собой правовую основу этого соглашения, а именно «всего лишь» полностью признать себя виновным в предъявленном обвинении, дать показания, соответствующие этому обвинению, и повторить эти показания в суде.

На практике это приводит к тому, что лица, задержанные за незаконный сбыт наркотических средств, так или иначе контактирующие между собой (а часто и не знающие друг друга), согласно обвинению и показаниям (как правило, организаторов сбыта, с которыми заключены досудебные соглашения о сотрудничестве) становятся участниками организованных преступных группировок и преступных сообществ.

Кому какая польза от тех цифр борьбы с организованной наркопреступностью, которые не совсем точно отражают реальность:

а) той структуре, которая этими показателями утверждает свою сверхзначимость для общества — польза, несомненно, есть;

б) правоохрнительным органам в целом — скорее всего, есть;

в) торжеству права и правопорядку — очевидно, нет. Правопорядок выиграл бы больше в том случае, если бы качество работы правоохрнительных структур определялось не цифровым ростом «уничтожения», а показателями, свидетельствующими о снижении фактов преступной деятельности, т. е. количество преступлений становилось меньше (в том числе речь идет и о латентной преступности);

г) обществу — однозначно, нет. Для общества главное — общественный порядок, спокойствие, надежность устоев и отношений, уверенность в завтрашнем дне;

д) человеку.

Однако проблема гораздо шире, она выходит на фундаментальный уровень осмысления: допустим ли произвол власти, если этот произвол направлен на достижение благой цели — в нашем случае на уничтожение такого страшного социального явления, как наркомания?

На данный вопрос следует отвечать категорическим «нет», поскольку всякая стоящая над правом власть представляет для общества опасность ничуть не меньшую, чем преступность. Сиюминутное благо, на достижение которого может быть направлен произвол власти, имеет четкие границы, тогда как зло, которое для общества несет в себе произвол власти, — безгранично.

Список литературы:

1. Ювенальная юстиция в Норвегии, или покорное стойло безгласных существ. — URL: <http://oppror.r-b-v.net/info/> (дата обращения: 15.02.2015).
2. Легализация педофилии в Италии. — URL: http://www.liveinternet.ru/users/sergey_tashebsky/post310529416 (дата обращения: 15.02.2015).
3. Медведев заявил о необходимости сокращения числа чиновников. — URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2014/09/20/dmitrii-medvedev/748693-medvedev-zayavil-o-neobkhodimosti-sokrashcheniya-chisla> (дата обращения: 15.02.2015).
4. Аверин, А.В. Правосудие — лакмусовая бумага правовой политики государства // Суд как субъект правовой политики / под ред. А.В. Малько. — М.: Юрлитинформ, 2014. — 232 с.
5. URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events_main/2015/0129/200135049/detail.shtml (дата обращения: 15.02.2015).
6. URL: <http://fskn.gov.ru/opendata> (дата обращения: 15.02.2015).
7. URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events_main/2015/0129/200135049/detail.shtml (дата обращения: 15.02.2015).

References:

1. Juvenal'naja justicija v Norvegii, ili pokornoe stojlo bezglasnyh sushhestv. — URL: <http://oppror.r-b-v.net/info/> (data obrashhenija: 15.02.2015).
 2. Legalizacija pedofilii v Italii. — URL: http://www.liveinternet.ru/users/sergey_tashebsky/post310529416 (data obrashhenija: 15.02.2015).
 3. Medvedev zajavil o neobhodimosti sokrashhenija chisla chinovnikov. — URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2014/09/20/dmitrii-medvedev/748693-medvedev-zayavil-o-neobkhodimosti-sokrashcheniya-chisla> (data obrashhenija: 15.02.2015).
 4. Averin, A.V. Pravosudie — lakmusovaja bumaga pravovoj politiki gosudarstva // Sud kak subjekt pravovoj politiki / pod red. A.V. Mal'ko. — M.: Jurlitinform, 2014. — 232 s.
 5. URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events_main/2015/0129/200135049/detail.shtml (data obrashhenija: 15.02.2015).
 6. URL: <http://fskn.gov.ru/opendata> (data obrashhenija: 15.02.2015).
 7. URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/events_main/2015/0129/200135049/detail.shtml (data obrashhenija: 15.02.2015).
-

А.В. Кудрявцев,
доктор юридических наук, доцент,
декан факультета права,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

Н.Е. Кудрявцева,
адъюнкт,
факультет подготовки научно-
педагогических кадров,
Владимирский юридический институт
ФСИН России

A.V. Kudryavtsev,
doctor of law, associate professor,
dean of the Faculty of Law,
Vladimir branch RANHiGS the President
of the Russian Federation

N.E. Kudryavtseva,
adjunct,
faculty training of the teaching staff,
Vladimir legal Institute FSIN Russia

Некоторые аспекты оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе

***Аннотация:** в статье анализируются сущность и некоторые проблемы оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе. Цель подготовки статьи — рассмотреть понятие, основные признаки, а также современную проблематику состояния осуществления оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений. Выводы авторов опираются на результаты анкетирования сотрудников оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы. Отмечается, что к формам взаимодействия между следователями различных ведомств и оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы России, осуществляемым в процессе расследования преступлений, можно отнести следующие: предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления; выполнение поручений дознавателя, органа дознания, следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам, находящимся в производстве; исполнение требований суда о предоставлении документов по уголовным делам, находящимся в производстве; запросы международных правоохранительных организаций. Следует также учитывать, что на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений, в особенности групповых (подавляющее большинство таких характерных для пенитенциарной системы преступлений, как побеги, захваты заложников, массовые беспорядки, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, характеризуются групповым совершением), задача полноты доказывания самого события и состава преступления, виновности лиц, подозреваемых в их совершении, степени участия в совершении деяния конкретных лиц имеет определяющее значение для принятия последующих процессуальных решений (избрание меры пресечения, предъявление обвинения и др.) по закреплению имеющихся и отысканию дополнительных доказательств. Делается вывод о целесообразности закрепления непроцессуальных форм взаимодействия оперативных подразделений УИС со следователями прокуратуры, органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел РФ, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в межведомственном нормативном правовом акте в целях повышения эффективности их деятельности, направленной на раскрытие преступлений. На основе проведенного анализа авторами делаются выводы относительно мер, направленных на повышение эффективности данного направления деятельности.*

***Ключевые слова:** преступление, пенитенциарная система, оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение.*

Some aspects of operational-investigative and forensic software investigate crimes committed in the penal system

***Abstract:** the article analyzes the essence and some problems of operational-investigative and forensic software investigate crimes committed in the penal system. The purpose of preparation of this article — to consider the concept of the main features, as well as contemporary problems in the state of implementation of*

operational-investigative and forensic software investigate crimes. Just keep in mind that at the initial stage of the investigation prison crimes, especially the group (the vast majority of such characteristic of the penitentiary system of crime as an escape, hostage-taking, riots, disruption of the activities of providing isolation from society, characterized by the commission of a group), the problem of completeness Evidence of the event and of the offense, the guilt of persons suspected of committing them, the degree of participation in the commission of acts of specific individuals is crucial to follow the procedural decisions (election of a preventive measure, charge, etc.) to consolidate existing and finding additional evidence. The authors conclusions are based on the results of the survey staff operational units of the correctional system. It is noted that the forms of interaction between investigators of various departments and operational units in Russian prisons, carried out during the investigation of crimes, include the following: providing the results of the operatively-search activity investigator, the body of inquiry, the investigator or the court in the presence of sufficient data indicating signs of a crime; Responding to requests of the investigator, the body of inquiry, the investigator to conduct search operations in criminal cases in the production; compliance with the requirements of the court for documents in criminal cases in the production; requests of international human rights organizations. The authors conclude the feasibility of securing non-procedural forms of interaction between operational units MIS with investigators prosecutors, the Federal Security Service, the Interior of the Russian Federation, bodies to monitor traffic in narcotic drugs and psychotropic substances in the interdepartmental normative legal act in order to improve the efficiency of their activities aimed at detection of crime. Based on this analysis the authors conclude on measures aimed at improving the efficiency of this activity.

Keywords: *crime, the prison system, operational-investigative and forensic support.*

Вопросы противодействия пенитенциарной преступности в настоящее время вызывают большой интерес, как практический, так и научный. Все направления данной деятельности имеют специфику, обусловленную особенностями пенитенциарной среды, исправительных учреждений, контингента лиц, отбывающих наказание, и т. п. Не является исключением и процесс расследования преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе (далее — УИС).

Результаты проводимых исследований свидетельствуют о том, что на эффективность данного процесса серьезное влияние оказывает оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение (это отметили около 80 % респондентов из числа оперативных работников органов и учреждений УИС 18 регионов страны, участвовавших в проведении опроса). Особенностью оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения является и то, что его осуществляют именно сотрудники оперативных подразделений. Обусловлено это следующим. В ч. 1 ст. 40 УПК РФ законодатель изложил перечень тех государственных органов и должностных лиц, которые относятся к органам дознания. На основании п. 1 ч. 1 ст. 40 УПК РФ к органам дознания, наряду с органами внутренних дел РФ, относятся также иные органы исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). В соответствии с Федеральным законом от 12 августа 1995 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) оперативные подразделения ФСИН наделены правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, следовательно, органы УИС обладают статусом органа дознания.

Преследуя цель обеспечения быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных лиц, когда промедление с проведением следственных действий может привести к исчезновению или деформации доказательств, УПК РФ (ст. 157) возложил на орган дознания обязанность

при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, возбуждать уголовное дело и производить неотложные следственные действия.

При этом основной смысл производства неотложных следственных действий органами дознания по уголовным делам, по которым предварительное следствие обязательно, заключается в том, что нередко именно они первыми вступают в деятельность по выполнению задач уголовного процесса, а уголовное дело на относительно короткий срок (не превышающий упомянутых десяти суток) оказывается в руках органа, располагающего не только уголовно-процессуальными, но и оперативно-розыскными, а также часто мощными административно-правовыми возможностями, техникой, вооруженными и специально обученными людьми, способными выполнять сложнейшие задачи по розыску и задержанию и иные мероприятия, которые в современных условиях иногда приближаются по своему характеру к боевым операциям [1, с. 232].

Сотрудники оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, в том числе ФСИН России, участвуют в раскрытии преступлений в рамках как уголовного, так и оперативно-розыскного процесса, что вытекает из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Законом об ОРД (ст. 7).

Именно с оперативно-розыскной деятельности чаще всего начинается активная работа по раскрытию преступлений. Названная деятельность по времени ближе к моменту обнаружения преступлений, в идеале ведется по горячим следам и решает задачи не только выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия преступлений, но также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и иных обстоятельств совершенного деяния. Следовательно, в процессе ОРД выявляются как факты совершения преступлений, так и причастные к ним лица, а ее результаты могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела [2, с. 84].

Впервые дефиниция «оперативно-розыскное обеспечение» была сформулирована в нормативных документах МВД СССР в 1984 г. Однако было бы неверным считать, что данная проблема не была в поле зрения научных и практических работников правоохранительных органов. Ранее данные вопросы широко рассматривались, в том числе и в дискуссионном плане, но в основном в аспекте взаимодействия. Пристальное внимание исследованию вопросов оперативно-розыскного обеспечения следствия было уделено после создания в 1963 г. следственных подразделений в органах внутренних дел.

В дальнейшем и по сей день вопросы теоретического содержания данного направления оперативно-розыскной деятельности являются предметом научных изысканий и дискуссий. Не ставя перед собой задачу рассмотрения различных точек зрения по рассматриваемому вопросу, отметим, что, по нашему мнению, оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе, представляет собой систему мер, осуществляемых субъектами ОРД по выявлению и собиранию фактических данных, обеспечивающих: своевременность и обоснованность возбуждения уголовного дела по факту преступного деяния; доказывание виновности лиц, принимавших участие в его совершении; нейтрализацию

противодействия криминальной среды объективному расследованию; исполнение функции защиты участников уголовного судопроизводства и полной реализации принципа неотвратимости ответственности виновных за содеянное.

К наиболее актуальным задачам, решаемым в рамках оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений в УИС, относятся следующие:

– сбор, анализ, систематизация, обеспечение сохранности и последующая легализация фактических данных, указывающих на признаки преступлений, совершенных в пенитенциарной системе, и пригодных для принятия процессуальных решений;

– установление лиц, причастных к совершению преступного деяния, а также очевидцев (свидетелей) произошедшего;

– осуществление оперативного наблюдения за участниками преступления с целью получения информации об обстоятельствах его совершения;

– **выявление и документирование попыток противодействия расследованию** в различных формах;

– оказание содействия следствию по проверке оперативно-розыскными силами, средствами и методами выдвинутых по уголовному делу версий;

– выявление и документирование ранее неизвестных фактов и эпизодов противоправной деятельности фигурантов уголовного дела;

– **розыск скрывшихся от следствия и суда участников уголовного процесса** и т. д.

Решение указанных задач требует комплексного и согласованного применения уголовно-процессуальных, криминалистических и оперативно-розыскных сил, средств и методов для эффективного их исполнения.

Вышесказанное позволяет говорить о криминалистическом обеспечении расследования пенитенциарных преступлений, сущность которого состоит в использовании в процессе расследования системы криминалистических знаний, навыков и умений, а также готовности лиц, его осуществляющих, к их эффективному использованию в рамках своей профессиональной деятельности.

Проведенное нами исследование фактической реализации указанных направлений деятельности свидетельствует о наличии существенных недостатков.

Большинство (78,9 %) опрошенных в процессе исследования руководителей оперативных подразделений органов и учреждений УИС оценили качество оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений в УИС на современном этапе как низкое. По мнению респондентов, основной причиной данной ситуации является недооценка возможностей оперативно-розыскной деятельности при обеспечении расследования как со стороны лиц, его производящих, так и со стороны оперативных работников.

Кроме того, 79 % опрошенных практических работников оперативных подразделений ответили, что считают недостаточным уровень знаний и практических навыков оперативных работников и лиц, производящих расследование, в области криминалистики для эффективного выявления и расследования преступлений, совершаемых в УИС. Решением данной проблемы могло бы стать более качественное обучение будущих оперативных

работников особенностям криминалистического обеспечения расследования пенитенциарных преступлений в образовательных учреждениях ФСИН.

Доказывание виновности подозреваемых по действующему законодательству составляет сущность раскрытия преступлений [3], является одинаково обязательной функцией уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности (ст. 2 УПК РФ, ст. 2 Закона об ОРД). Ее организационно-тактическое исполнение субъекты ОРД и уголовного процесса могут осуществлять автономно, согласованно или совместно.

Следует учитывать, что на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений, в особенности групповых (подавляющее большинство таких характерных для пенитенциарной системы преступлений, как побеги, захваты заложников, массовые беспорядки, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, характеризуются групповым совершением), задача полноты доказывания самого события и состава преступления, виновности лиц, подозреваемых в их совершении, степени участия в совершении деяния конкретных лиц имеет определяющее значение для принятия последующих процессуальных решений (избрание меры пресечения, предъявление обвинения и др.) по закреплению имеющихся и отысканию дополнительных доказательств.

При этом, исходя из конкретной следственной ситуации [4, с. 123], сложившейся на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений, вытекает необходимость планирования единовременного или согласованного осуществления оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Теоретически реализация планируемых мероприятий может осуществляться в различных организационных формах: посредством создания следственно-оперативных групп; взаимодействия коллективных субъектов уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности; индивидуального взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками УИС.

К формам взаимодействия между следователями различных ведомств и оперативными подразделениями УИС России, осуществляемым в процессе расследования преступлений, можно отнести следующие: предоставление результатов ОРД дознавателю, органу дознания, следователю или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления; выполнение поручений дознавателя, органа дознания, следователя о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам, находящимся в производстве; исполнение требований суда о предоставлении документов по уголовным делам, находящимся в производстве; запросы международных правоохранительных организаций.

Указанные формы взаимодействия в свое время нашли отражение в ныне не действующей межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд [5].

Однако практике известны и другие непроцессуальные формы взаимодействия следователя с органами дознания. Так, Инструкцией по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений предусмотрены следующие формы взаимодействия:

- следственно-оперативная группа;
- совместное планирование следователем органов внутренних дел и сотрудниками милиции работы по расследованию преступлений [6].

Представляется, что эти формы взаимодействия с учетом специфики учреждений уголовно-исполнительной системы повысили бы эффективность расследования преступлений (в особенности тяжких и особо тяжких), совершенных в пенитенциарных учреждениях. Однако, как показывает практика, даже после массовых неповиновений осужденных, отбывающих наказание в различных регионах страны, в соответствии со ст. 163 УПК РФ не создавались следственно-оперативные группы, в состав которых могли войти представители УИС РФ.

На наш взгляд, на эффективность названного выше взаимодействия негативное влияние оказывает отсутствие соответствующих нормативных правовых предписаний. В связи с этим целесообразно закрепление непроцессуальных форм взаимодействия оперативных подразделений УИС со следователями следственного комитета, органов федеральной службы безопасности, органов внутренних дел Российской Федерации, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ в межведомственном нормативном правовом акте в целях повышения эффективности их деятельности, направленной на раскрытие преступлений. В данном нормативном правовом акте целесообразно закрепить общие положения, касающиеся понятия, целей, задач, принципов указанного взаимодействия, его направлений и форм. Кроме того, в данном документе должны быть отражены организационно-тактические особенности реализации конкретных форм взаимодействия оперативных работников и субъектов расследования преступлений.

Подводя итог, следует заметить, что обозначенные меры, направленные на повышение эффективности оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе, позволяют лишь отчасти решить проблемы, возникающие при реализации данного направления деятельности оперативных подразделений. С учетом возрастающей степени организованности преступной деятельности осужденных, их связей при совершении преступлений с преступниками на свободе, использования технических средств для достижения преступных целей, вопросам изучения мер совершенствования оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе, должно уделяться самое пристальное внимание.

Список литературы:

1. Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс России : учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: КНОРУС, 2006. — 496 с.
2. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова и др. — М.: Инфра-М, 2006. — 832 с.
3. Михайлов, В.А. Организация раскрытия и расследования преступлений // Труды Академии МВД России. — М.: Академия МВД РФ, 1995. — 174 с.
4. Драпкин, Л.Я. Основы теории следственных ситуаций / Л.Я. Драпкин. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1987. — 164 с.
5. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд : утв. межведомственным

приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, МО России от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147. — URL: <http://www.rg.ru/2007/05/16/instrukciya-dok.html> (дата обращения: 10.10.2014).

6. Инструкция по организации взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в расследовании и раскрытии преступлений : утв. приказом МВД России от 20 июня 1996 г. № 334. Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

References:

1. Bezlepkin, B.T. Ugolovnyj process Rossii : uchebnoe posobie. — 3-e izd., pererab. i dop. — M.: KNORUS, 2006. — 496 s.
2. Teorija operativno-rozysknoj dejatel'nosti : uchebnyj / pod red. K.K. Gorjainova i dr. — M.: Infra-M, 2006. — 832 s.
3. Mihajlov, V.A. Organizacija raskrytija i rassledovanija prestuplenij // Trudy Akademii MVD Rossii. — M.: Akademija MVD RF, 1995. — 174 s.
4. Drapkin, L.Ja. Osnovy teorii sledstvennyh situacij / L.Ja. Drapkin. — Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1987. — 164 s.
5. Instrukcija o porjadke predstavlenija rezul'tatov operativno-rozysknoj dejatel'nosti organu doznanija, sledovatelju, prokuroru ili v sud : utv. mezhvedomstvennym prikazom MVD Rossii, FSB Rossii, FSO Rossii, FTS Rossii, SVR Rossii, FSIN Rossii, FSKN Rossii, MO Rossii ot 17 aprelja 2007 g. № 368/185/164/481/32/184/97/147. — URL: <http://www.rg.ru/2007/05/16/instrukciya-dok.html> (data obrashhenija: 10.10.2014).
6. Instrukcija po organizacii vzaimodejstvija podrazdelenij i sluzhb organov vnutrennih del v rassledovanii i raskrytii prestuplenij : utv. prikazom MVD Rossii ot 20 ijunja 1996 g. № 334. Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS Konsul'tantPljus.

А.А. Ашин,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ

A.A. Ashin,
Candidate of Law, Associate Professor,
Head of a chair of Legal support of state
and municipal management,
Vladimir branch of RANEPА
andrey09122004@mail.ru

Ресоциализация осужденных к лишению свободы в условиях современной России

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью роли ресоциализации в процессе отбывания наказания осужденными к лишению свободы. Виды уголовного наказания, предусмотренные в уголовном законе России, и прежде всего реальное лишение свободы, не способны в современных реалиях развития Российского государства противодействовать увеличению масштабов негативных явлений в обществе. Все это свидетельствует о реальной потребности поиска наиболее эффективных направлений, средств и методов сокращения преступности в России. Цели уголовного наказания на современном этапе могут быть достигнуты путем планомерного психолого-педагогического и социально-правового воздействия на осужденного, результатом которого должно стать формирование у последнего новой модели поведения, основанного на соблюдении законодательства, а также ресоциализация личности. Цель статьи — проанализировать процесс ресоциализации осужденных к лишению свободы в условиях современной России. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа и синтеза) и частнонаучных (формально-юридический и сравнительно-правовой) методов. Автор делает вывод о том, что ресоциализация — это сложный, специально организованный процесс,

посредством которого наше общество должно получить законопослушного индивида, который впоследствии будет приносить пользу государству. Существует два этапа ресоциализации осужденных: пенитенциарный и постпенитенциарный. Пенитенциарный — это подготовительный этап адаптации личности, он важен в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы в исправительном учреждении. Второй этап реализуется после освобождения от отбывания наказания. Автор отмечает, что процесс ресоциализации зависит от ряда факторов: личности самого осужденного, условий, в которых осужденный находится, работы с осужденным на первом этапе отбывания наказания. Сотрудники исправительных учреждений должны использовать различные методы и формы работы, направленные на изменение личности осужденного.

Ключевые слова: ресоциализация, наказание, лишение свободы, осужденные, противоправное поведение, мотивация поведения, изменение личностной направленности осужденного, правомерное поведение.

Resocialization of persons sentenced to deprivation of liberty in the conditions modern Russia

Abstract: the article is relevant because of the important role of resocialization in serving a sentence process by persons sentenced to deprivation of liberty. Criminal penalties from the Criminal Law of the Russian Federation, primarily real imprisonment are unable to fight with the growing negative social activities. There is a real need to find more effective ways and methods to reduce crime in Russia. At the present stage, achieving the goals of criminal punishment can be achieved by systematic psychological, pedagogical, social and legal impact on the convicted person. The purpose of the impact is to form a new model of behavior, based on compliance with the law. On the basis of this work, convicted persons go through socialization in other words resocialization. The purpose of the article is to analyze the process of resocialization in serving a sentence process by persons sentenced to deprivation of liberty in the conditions of modern Russia. The task was achieved with the help of general scientific (dialectical analysis, synthesis) and special scientific methods (formal-legal, comparative law). The author concludes that the resocialization is a complex, specially organized process. When this process is finished, our society gets a law-abiding person, who will be helpful to the state later. There are two stages of resocialization: penitentiary and post-penitentiary. Penitentiary stage is a preparatory stage for person's adaptation. This step is important in terms of serving the sentence of imprisonment in a penal institution. The second stage [post-penitentiary] is implemented after person's release from punishment and this stage is also very important. The author notes that the process of resocialization depends on several factors: (personality of the convicted person, the conditions in which the convicted person is, work with convicted persons in the first stage of punishment). Correctional officers should find different ways, methods and forms of work aimed at the process of changing the personality of the convicted person.

Keywords: resocialization, punishment, deprivation of liberty, convicted, unlawful behavior, motivation, behavior, change of convicted person's life orientation, good behavior.

Успешная ресоциализация осужденных к лишению свободы решает одну из важнейших проблем, стоящих в настоящее время перед любым государством, а именно, проблему борьбы с рецидивной преступностью. Согласно статистическим данным МВД России о состоянии преступности за январь – февраль 2015 г., удельный вес преступности ранее судимых лиц составил 30 % [1]. Необходимо отметить и то, что Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. в качестве одного из направлений совершенствования и развития уголовно-исполнительной системы закрепила «развитие социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными в направлении обеспечения ресоциализации осужденных, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения» [2]. В связи с этим основной упор делается на оказание постпенитенциарной помощи таким лицам, но не стоит забывать и о пенитенциарном этапе ресоциализации осужденных.

Так, Д.З. Хамадишин выделяет два этапа ресоциализации осужденных: пенитенциарный и постпенитенциарный. Первый одновременно является подготовительным этапом социальной адаптации личности. Он осуществляется в условиях пребывания осужденного в исправительном учреждении. Второй, или начальный этап социальной адаптации, реализуется после освобождения [3, с. 3]. К.И. Филиппова придерживается аналогичного мнения [4, с. 459]. Рассмотрим данные этапы более подробно.

Помощь осужденным необходимо оказывать с первых дней отбывания наказания, т. е. начиная с размещения в карантинном отделении пенитенциарного учреждения, ведь уже там начинается процесс приспособления к совершенно незнакомой социокультурной среде исправительного учреждения.

По справедливому мнению В.А. Уткина, при ресоциализации происходит «освоение человеком позитивных социальных ролей и отношений, усвоения им определенной системы знаний, навыков и ценностей» [5, с. 75]. Е.М. Лемишак указывает на то, что «категорию “ресоциализация”» можно определить как коррекционный процесс, на каждом этапе которого соответствующими субъектами (учреждениями, организациями, предприятиями, общественными формированиями) осуществляются целенаправленные меры (организационно-правового, педагогического, психологического, медицинского характера) для возвращения девианта в систему выработанных обществом ценностей и/или привития ему морально-ценностных установок, что в итоге приводит к осознанной добровольной правопослушности и восстановлению в социуме как полноценной личности» [6, с. 26].

Для того чтобы процесс приспособления был эффективным и целесообразным, необходимо осуществлять ряд специальных мероприятий, а именно: проводить психологическую диагностику личностных особенностей каждого осужденного путем анкетирования, тестирования, личностных опросов; выявлять различные дефекты с помощью наблюдения, характеристики личности каждого осужденного. Причем, следует подходить к каждому осужденному индивидуально, т. к. основной целью данных мероприятий является формирование способности жить в обществе после освобождения. По мнению В.В. Маслова, «процесс связан, прежде всего, с ценностной переориентацией, формированием у осужденного механизма социально-положительного целеполагания, отработкой устойчивости прочных стереотипов социального позитивного поведения. Создание условий формирования социально адаптированного поведения личности — основная задача исправительных учреждений» [7, с. 84].

Для достижения указанной цели стоит также организовывать социально-положительную микросреду в исправительном учреждении посредством вовлечения заключенных в различные виды творческой деятельности. Для примера, осужденные исправительных учреждений Владимирской области принимают участие в разнообразных мероприятиях, но особой популярностью пользуются такие мероприятия, как VI Всероссийский кинофестиваль «Быть добру», где лучшим короткометражным фильмом был признан фильм «Дым», который сняли осужденные ФКУ ИК-4 (05.02.2015); мастер-класс по изготовлению открыток из подручных материалов для осужденных ФКУ ИК-3 (01.12.2014);

викторина «Поле чудес» для осужденных ФКУ ИК-6 (12.10.2014); конкурс на лучшее оформление клумб среди осужденных ФКУ ИК-10 (16.09.2014), ФКУ ИК-5 (13.08.2014); проект-игра «Сто к одному» между командами всех отрядов осужденных ФКУ ИК-6 (08.09.2014); мероприятие «Держи ритм» для осужденных всех отрядов учреждения ФКУ ИК-1 (18.08.2014) и т. д.

Кроме того, уголовно-исполнительная система взаимодействует с различными российскими и зарубежными общественными организациями, в частности, это Красный Крест, Межрегиональный благотворительный фонд помощи заключенным, Попечительский совет уголовно-исполнительной системы, международная неправительственная организация «Международная тюремная реформа» — PENAL REFORM INTERNATIONAL. Основной задачей данного сотрудничества является обмен опытом в сфере ресоциализации осужденных.

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений в деятельности исправительных учреждений, имеющих существенное значение для процесса ресоциализации, выступает социальная и психологическая работа с осужденными. Исходя из данных ФСИН России, в течение последних 3 лет число пенитенциарных психологов увеличилось на 14 % [8]. Их деятельность, прежде всего, связана с изучением социально-психологического климата исправительных учреждений, проведением разнообразных мероприятий, связанных непосредственно с оказанием психологической помощи и преодолением кризисных ситуаций.

Как правило, пенитенциарные психологи в своей работе используют различные психологические методики: опросник «Эскапизм», опросник Айзенка, опросник Шмишека, Hand-test и др. Кроме того, применяются различные виды групповых социально-психологических тренингов: сказкотерапия, деловые игры, арт-терапия и изо-терапия.

Данные социально-психологические тренинги играют важную роль в налаживании положительной психологической атмосферы среди осужденных.

Отметим положительный опыт в процессе социальной адаптации осужденных и освобожденных во Владимирской области. Так, УФСИН России по Владимирской области и администрации исправительных учреждений взаимодействуют с Владимирским центром реабилитации для лиц без определенного места жительства и занятий, Департаментом по труду и занятости населения администрации Владимирской области, областным Фондом социальной поддержки населения. Освобожденным из исправительных учреждений предоставляются юридические консультации [9].

Как правило, осужденные — это лица без образования, что впоследствии создает сложности при трудоустройстве. Изменить данную ситуацию способно получение в условиях изоляции от общества высшего или среднего профессионального образования. Стоит отметить, что в данном случае основной задачей ФСИН России является создание необходимых условий для того, чтобы осужденный получил образование в самом исправительном учреждении.

Наиболее перспективной является телевизионная технология, суть которой состоит в обучении посредством использования телевизионных средств. Заслуживает также внимания и информационно-спутниковая сетевая технология. ФСИН России ориентирует руководство территориальных органов на расширение списка востребованных на рынке труда профессий, которым обучаются осужденные.

Уголовно-исполнительная система взаимодействует со многими высшими учебными заведениями, обеспечивающими получение образования осужденными. Так, с этой целью ФСИН России заключила соглашения о сотрудничестве с ФГБОУ ВПО «Московский государственный строительный университет»; Негосударственным аккредитованным частным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Современная гуманитарная академия»; АНО «Высшая школа педагогики»; НОУ ВПО «Московский институт экономики, политики и права».

В качестве положительного опыта стоит отметить, что «численность осужденных, освобожденных из мест лишения свободы без профессии, в 2014 г. по сравнению с 2013 г. сократилась на 5 061 человек и составила 4,8 тыс., или 3,5 %» [10, с. 7].

Крайне важным является создание центров реабилитации, включающих социально-психологическую, наркологическую службы, а также службы оказания помощи в трудоустройстве и во временном проживании в данных центрах.

Положительным примером выступает и служба социального сопровождения лиц, освобожденных из мест лишения свободы. В данной службе организовано «Специализированное кадровое агентство», в функции которого входит трудоустройство бывших осужденных.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что наказание в виде лишения свободы подразумевает изменение правового статуса законопослушного гражданина, утрату социально полезных связей. Поэтому исправительные учреждения должны способствовать адаптации осужденного, как во время отбывания наказания, так и после него. Ресоциализация — это сложный, специально организованный процесс, посредством которого наше общество должно получить законопослушного индивида, который впоследствии будет приносить пользу государству и обществу.

Список литературы:

1. МВД России: официальный сайт. — URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/3232247/> (дата обращения: 28.03.2015).
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. : распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р // СПС «Гарант».
3. Хамадишин, Д.З. Рецидив или ресоциализация? // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2011. — № 3. — С. 2–6.
4. Филиппова, К.И. Ресоциализация лиц, осужденных к лишению свободы // Актуальные проблемы российского права. — 2011. — № 2. — С. 455–465.
5. Уткин, В.А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовно-исполнительное право. — 2014. — № 1. — С. 75–80.
6. Лемишак, Е.М. Интеграционный подход к определению термина «ресоциализация» // Балтийский гуманитарный журнал. — 2014. — № 2. — С. 24–27.
7. Маслов, В.В. Система «социальных лифтов» как средство ресоциализации осужденных в ИУ // Вестник Самарского юридического института. — 2014. — № 3. — С. 84–88.
8. ФСИН России : официальный сайт. — URL: <http://фсин.пф/structure/social/> (дата обращения: 18.02.2015).
9. УФСИН России по Владимирской области : официальный сайт. — URL: http://33.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=85137 (дата обращения: 18.02.2015).

10. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 гг. Федеральной службы исполнения наказаний // ФСИН России : официальный сайт. — URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (дата обращения: 20.03.2015).

References:

1. MVD Rossii: oficial'nyj sajt. — URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/3232247/> (data obrashhenija: 28.03.2015).
2. Konceptcija razvitija ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g. : rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14 oktjabrja 2010 g. № 1772-r // SPS «Garant».
3. Hamadishin, D.Z. Recidiv ili resocializacija? // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. — 2011. — № 3. — S. 2–6.
4. Filippova, K.I. Resocializacija lic, osuzhdennyh k lisheniju svobody // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2011. — № 2. — S. 455–465.
5. Utkin, V.A. Resocializacija osvoboždennyh ot nakazanija: istorija i sovremennost' // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. — 2014. — № 1. — S. 75–80.
6. Lemishhak, E.M. Integracionnyj podhod k opredeleniju termina «resocializacija» // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. — 2014. — № 2. — S. 24–27.
7. Maslov, V.V. Sistema «social'nyh lifto» kak sredstvo resocializacii osuzhdennyh v IU // Vestnik Samarskogo juridicheskogo instituta. — 2014. — № 3. — S. 84–88.
8. FSIN Rossii : oficial'nyj sajt. — URL: <http://fsin.rf/structure/social/> (data obrashhenija: 18.02.2015).
9. UFSIN Rossii po Vladimirskoj oblasti : oficial'nyj sajt. — URL: http://33.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=85137 (data obrashhenija: 18.02.2015).
10. Doklad o rezul'tatah i osnovnyh napravlenijah dejatel'nosti na 2015–2017 gg. Federal'noj sluzhby ispolnenija nakazanij // FSIN Rossii: oficial'nyj sajt. — URL: <http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/> (data obrashhenija: 20.03.2015).

О.Р. Рузевич,
*кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой
административно-правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ*

Н.А. Симагина,
*ассистент,
кафедра уголовно-правовых дисциплин,
Юридический институт Владимирского
государственного университета
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых*

O.R. Ruzevich,
*Candidate of Law,
Head of Administrative and Law Studies
Department,
Vladimir branch of RANEPA
olegan80@mail.ru*

N.A. Simagina,
*Assistant,
Lecturer of Criminal Studies Department,
Law Institute of Vladimir State University
named after Alexander and Nicolay
Stoletovs
simagina.n@mail.ru*

Психологические аспекты ресоциализации осужденных в местах лишения свободы

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью психологических аспектов ресоциализации осужденных в местах лишения свободы. Цель статьи — проанализировать ресоциализацию осужденного с точки зрения проведения эффективной психологической работы с ним. Реализация поставленной цели была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы делают

выводы, что проблему ресоциализации осужденных необходимо решать с первых дней отбывания наказания в исправительных учреждениях. Приоритетным направлением психологической работы выступает индивидуальный подход к каждому осужденному, при котором стоит исследовать личностные особенности осужденного и осуществить профилактику дальнейшей рецидивной преступности. Обращается внимание на то, что в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. повышение эффективности социальной и психологической работы является одной из ее основных целей. Рассматривается зарубежный опыт ресоциализации осужденных. В зарубежных странах важная роль отведена психологической службе, которая в своей работе использует различные психокоррекционные программы, разрабатывает классификационные системы для осужденных с целью дачи рекомендаций по применению к ним различных форм и методов работы, а также по прогнозированию возможных ситуаций.

Ключевые слова: ресоциализация, право, осужденный, психологическая помощь, личность осужденного, психолог, психокоррекционные программы.

Psychological aspects of resocialization of convicts in prisons

Abstract: topicality of the article bases on the importance of psychological aspects of resocialization of convicts in prisons. The goal of the article is to analyze resocialization of convicts from the position of carrying an effective psychological work. The implementation of the research objectives was achieved with the help of general scientific (dialectical method, analysis, synthesis) and special scientific methods (formal-legal and comparative-legal methods). The authors come to the conclusions that the problem of resocialization of convicts must be addressed from early days of penal service. Priority area of psychological work is an individual attention to each convict. Personal characteristics of convicts and prophylaxis of recidivism are considered in the individual attention to each convict. In accordance with the Concept of Correctional System Development of the Russian Federation until 2020 improvement of the effectiveness of social and psychological work, is one of its main objectives. The authors examine foreign experience of resocialization of convicts. The important role is played by the psychological service in foreign countries. The psychological service uses a variety of psychocorrective programs and classification systems of convicts. The recommendations for use of various forms and methods of work and forecasting of possible situations from the convict are characterized.

Keywords: resocialization, right, convict, psychological aid, personality of the convict, psychologist, psychocorrective programs.

Прежде чем перейти к рассмотрению права осужденного на психологическую помощь, необходимо понять, что же означает понятие «ресоциализация». Стоит отметить, что впервые термин «ресоциализация» в социальную психологию ввели А. Кеннеди и Д. Кербер. Как правило, данный термин означает повторную социализацию, т. е. сознательное изменение поведения человека в результате дефектов первичной социализации. Под ресоциализацией лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, по справедливому мнению Т.Н. Волковой, следует понимать «систему последовательных этапов, позитивно отражающих воздействие карательно-воспитательных мер и результаты субъективно-личностного воспитания осужденного, а также эффективности воспитательно-реабилитационной работы администрации учреждений уголовно-исполнительной системы» [1, с. 103].

На сегодняшний день приоритетным направлением в деятельности исправительных учреждений является социальная и психологическая работа с осужденными. Это подтверждается принятой Концепцией развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г., где в качестве одной из основных целей указано «сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами,

отбывшими наказание в виде лишения свободы, за счет повышения эффективности социальной и психологической работы в местах лишения свободы и развития системы постпенитенциарной помощи таким лицам» [2]. Так, «в ходе перепрофилирования предполагается увеличение численности психологов из расчета 60 осужденных на 1 психолога вместо существующей пропорции 1 психолог на 300 осужденных. Данный факт потребует увеличение численности психологов с 2,5 тыс. до 11 тыс. человек, аналогичные данные и по специалистам социальной службы» [3].

Право осужденных на психологическую помощь законодательно закреплено в ч. 6.1 ст. 12 УИК РФ. Для реализации данного права в исправительных учреждениях созданы психологические службы. Положительным моментом является то, что в России «в течение последних 3 лет число пенитенциарных психологов увеличилось на 14 % и составляет более 3,5 тыс. человек» [4]. Во Владимирской области психологическая служба является сравнительно молодым подразделением. Необходимо отметить, что с 1994 г. психологи стали вводиться в штат исправительных учреждений области. Сегодня во всех подразделениях функционируют психологические лаборатории, где работает более 50 психологов [5].

Как правило, основными направлениями деятельности психологических служб являются: разработка программ ресоциализации осужденных; проведение психодиагностического обследования осужденных и т. д. [4].

Необходимо обратить внимание на то, что саму проблему ресоциализации надо решать с первых дней отбывания осужденным наказания. Это достигается путем «психологической диагностики личностных особенностей каждого осужденного, посредством оформления “социальной истории”, т. е. сбора информации об особенностях личности осужденного, социальных ролях, ценностях, стереотипах поведения, образе жизни и т. д.; выявления конкретных дефектов его общей социализации, правовой социализации, дефектов психической саморегуляции и т. д. [6, с. 26]».

В ФКУ ИК-1 УФСИН России по Владимирской области разработаны базовые программы психологической коррекции личности для формирования социальной направленности осужденных, профилактики деструктивных проявлений, их ресоциализации и дальнейшей интеграции в обществе. Разработано психотерапевтическое направление работы психолога с целью оказания профильной психологической помощи осужденным, имеющим алкогольную или наркотическую зависимость, психические аномалии [7].

Как правило, при составлении подобных программ учитываются индивидуальные особенности осужденного, степень социальной запущенности, психическое состояние и срок наказания. Необходимо налаживать положительную микросреду в исправительном учреждении, это достигается посредством участия осужденных в различных видах творческой деятельности.

Так, во Владимирской области осужденные в 2012 г. становились призерами всероссийских конкурсов — «Красиво шить не запретишь» и конкурса детской игрушки, а фильм осужденных ИК-3 «Жили-были» признан одним

из лучших членами жюри международного кинофестиваля «Надежда», проходившего в Санкт-Петербурге в ноябре 2012 г. [8].

Пенитенциарные психологи в своей работе используют известные психологические методики, в частности, опросник Айзенка; опросник Шмишека; опросник суицидального риска Шмелева А.Г.; методику многостороннего исследования личности; тест Басса-Дарки и др. Применяются различные виды групповых социально-психологических тренингов: личностный рост, ролевые игры, телесно-ориентированные упражнения и пр.; сказко-терапия; метод социодрамы и психодрамы; гештальт-терапия, кукло-терапия и т. д.

Во Владимирской области во всех исправительных учреждениях оборудованы кабинеты для групповой работы с осужденными. В последнее время в исправительных учреждениях области активно внедряется психофизиологическое оборудование, помогающее эффективно корректировать негативные психоэмоциональные состояния осужденных [5].

Необходимо отметить, что в зарубежных странах особое внимание уделяется вопросам ресоциализации осужденных, как правило, используется индивидуальный подход к каждому осужденному. Для примера, в Германии практически во всех исправительных учреждениях действуют психологические службы и диагностические центры. В частности, «в тюрьме Хаген существует специальная комиссия, которая диагностирует личность каждого осужденного и дает рекомендации по применению к нему различных форм и методов работы» [9, с. 192].

Стоит отметить также программу «Criminon» (англ. — «нет преступности»), которая появилась в 1972 г. в Новой Зеландии. На сегодняшний день «Криминон» функционирует как часть правительственной программы по перевоспитанию правонарушителей в Израиле, Индонезии, Колумбии, Мексике, Руанде, ЮАР и т. д. Суть данной программы заключатся в значительном снижении агрессивности и вспыльчивости в поведении, в снижении вероятности рецидива, в укреплении правопорядка в исправительных учреждениях [10].

Таким образом, можно заключить, что, освободившись из мест лишения свободы, бывшие осужденные возвращаются в общество с приобретенными знаниями и умениями, которые не всегда носят положительный характер. Поэтому государство должно содействовать тому, чтобы они вели законопослушный образ жизни и не совершали преступлений повторно.

Кроме того, необходимо следить за тем, что в процессе нахождения в исправительном учреждении у осужденного разрушаются положительные отношения с семьей, близкими родственниками, бывшими коллегами, друзьями и т. д. Все это отрицательно сказывается на его психологическом состоянии. Поэтому в течение всего срока отбывания наказания необходимо проводить беседы с психологами, оказывать осужденному психологическую помощь. В приоритете — индивидуальные формы беседы с осужденными, ведь в подобной ситуации необходим адресный подход, т. к. применение к различным типам личности одинакового подхода делает невозможным

достижение целей наказания, а именно, исправление и предупреждение совершения новых преступлений.

Список литературы:

1. Волкова, Т.Н. Проблемы отбывания наказания и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы : дис ... канд. юрид. наук / Т.Н. Волкова. — М., 1995. — 130 с.
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. : распоряжение Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р // СПС «Гарант».
3. ГУФСИН России по Самарской области : официальный сайт. — URL: <http://63.fsin.su/activities/> (дата обращения: 25.12.2015).
4. ФСИН России : официальный сайт. — URL: <http://фсин.пф/structure/social/> (дата обращения: 25.12.2015).
5. УФСИН России по Владимирской области : официальный сайт. — URL: <http://33.fsin.su/napravleniya-deyatelnosti/psikhologicheskaya-sluzhba.php> (дата обращения: 25.12.2015).
6. Першина, Т.М. Социально-психологические аспекты ресоциализации осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. — 2013. — № 1. — С. 25–28.
7. УФСИН России по Владимирской области : официальный сайт. — URL: <http://33.fsin.su/history/istoriya-zhenskoy-kolonii-1-golovino.php> (дата обращения: 25.12.2015).
8. УФСИН России по Владимирской области : официальный сайт. — URL: <http://33.fsin.su/deyatelnost-ufsin-za-2012-god/index.php> (дата обращения: 25.12.2015).
9. Куркина, И.Н. Зарубежный опыт решения проблем ресоциализации осужденных // Вестник Владимирского юрид. института. — 2011. — № 2. — С. 190–194.
10. Центр антикриминального просвещения и социальной реабилитации правонарушителей «Криминон» : официальный сайт. — URL: <http://www.criminon.ru/istoriya-criminon> (дата обращения: 25.12.2015).

References:

1. Volkova, T.N. Problemy otbyvaniya nakazaniya i resocializacii zhenshhin, osuzhdennykh k lisheniju svobody : dis. ... kand. jurid. nauk / T.N. Volkova. — M., 1995. — 130 s.
2. Konceptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g. : rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14 oktjabrja 2010 g. № 1772-r // SPS «Garant».
3. GUF SIN Rossii po Samarskoj oblasti : oficial'nyj sajt. — URL: <http://63.fsin.su/activities/> (data obrashhenija: 25.12.2015).
4. FSIN Rossii: oficial'nyj sajt. — URL: <http://fsin.rf/structure/social/> (data obrashhenija: 25.12.2015).
5. UFSIN Rossii po Vladimirskoj oblasti : oficial'nyj sajt. — URL: <http://33.fsin.su/napravleniya-deyatelnosti/psikhologicheskaya-sluzhba.php> (data obrashhenija: 25.12.2015).
6. Pershina, T.M. Social'no-psihologicheskie aspekty resocializacii osuzhdennykh // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. — 2013. — № 1. — S. 25–28.
7. UFSIN Rossii po Vladimirskoj oblasti : oficial'nyj sajt. — URL: <http://33.fsin.su/history/istoriya-zhenskoy-kolonii-1-golovino.php> (data obrashhenija: 25.12.2015).
8. UFSIN Rossii po Vladimirskoj oblasti : oficial'nyj sajt. — URL: <http://33.fsin.su/deyatelnost-ufsin-za-2012-god/index.php> (data obrashhenija: 25.12.2015).
9. Kurkina, I.N. Zarubezhnyj opyt reshenija problem resocializacii osuzhdennykh // Vestnik Vladimirskogo jurid. instituta. — 2011. — № 2. — S. 190–194.
10. Centr antikriminal'nogo prosveshhenija i social'noj realitacii pravonarushitelej «Kriminon» : oficial'nyj sajt. — URL: <http://www.criminon.ru/istoriya-criminon> (data obrashhenija: 25.12.2015).

Н.В. Зин,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ

N.V. Zin,
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of Theory and History of State
and Law,
Vladimir Branch of RANEPА
zinnataly@yandex.ru

Институт присяжных заседателей в истории дореволюционной России

Аннотация: актуальность статьи обусловлена важностью института присяжных заседателей в современной системе судебной власти и правовом государстве, позволяющем гражданам Российской Федерации участвовать в осуществлении правосудия в порядке, предусмотренном федеральным законом. Суд с участием присяжных заседателей является одной из форм контроля общественности за данным видом деятельности. Суд присяжных заседателей, на протяжении всей своей непродолжительной истории органично развивался в соответствии с изменениями, происходящими в общественном и государственном устройстве страны. Цель статьи — проследить путь становления данного института в ходе судебной реформы 1864 г. и его изменения. Автор делает вывод о том, что новый пореформенный суд, в частности, институт присяжных заседателей, безусловно, стал ярчайшим явлением общественно-политической и правовой жизни страны. Это был самый демократический институт, установленный в России в ходе судебной реформы 1864 г. Граждане Российской империи были достойны иметь один из лучших институтов. Однако свертывание суда присяжных заседателей началось еще в период Февральской революции, когда в марте 1917 г. с санкции Временного правительства стали формироваться временные революционные суды в составе мирового судьи и представителей от армии и рабочих. 24 ноября 1917 г., с выходом так называемого Декрета о суде № 1, суд с участием присяжных заседателей был окончательно упразднен. Возможность возрождения в истории России суда присяжных заседателей появилась лишь в начале 1990-х гг.

Ключевые слова: судебная реформа 1864 г., институт присяжных заседателей, император Александр II, Владимирская губерния.

Institute of jurors in the history of pre-revolutionary Russia

Abstract: the relevance of this article due to the importance of the jury in the modern system of the judiciary and rule of law, because it allows citizens of the Russian Federation to participate in the administration of justice in the manner prescribed by federal law. Court jury is a form of public control over the activity. Court jurors throughout its short history, organically developed in accordance with the changes taking place in the public and the political system of the country. The purpose of the article — it is necessary to trace the path of development of this institution in the judicial reform of 1864 and its changes. The author concludes that the new post-reform court, in particular, the institution of the jury, of course, was the brightest phenomena of social, political and legal life of the country. It was the most democratic institutions established in Russia in the course of judicial reform of 1864 Citizens of the Russian Empire were worthy to have one of the best institutions. However, curtailing jury trial began during the February Revolution, when in March 1917 with the approval of the Provisional Government began to form a provisional revolutionary courts as part of the judges and representatives of the army and the workers. Next, November 24, 1917 with the release of the so-called Decree on court number 1, the court jury was finally abolished. The possibility of revival in the history of Russian court jurors appeared only at the beginning of the 1990s.

Keywords: judicial reform of 1864, the Institute of jurors, the Emperor Alexander II, the Vladimir Province.

В истории Российского государства суд присяжных заседателей впервые был введен в ходе судебной реформы Александра II в 1864 г. и в качестве инструмента правосудия просуществовал вплоть до 1917 г. Упоминание о суде присяжных в законодательстве России прекратилось в 1922 г.

Одним из мотивов, побудивших российские власти во второй половине XIX в. обратиться к суду присяжных, был общий кризис системы правосудия, который не только деморализовывал общество, но и серьезно препятствовал его социально-экономическому развитию.

Институт присяжных заседателей, наряду с другими учреждениями судебной реформы 1864 г., далеко не сразу оказался жизнеспособным в условиях российской действительности.

В дореволюционной России при формировании списков кандидатов в присяжные заседатели учитывался ряд требований. Присяжными заседателями могли быть только лица мужского пола в возрасте от 25 до 70 лет, причем русские подданные; устанавливался ряд цензов: оседлости — два года и имущественный ценз.

Не могли быть присяжными заседателями также лица, состоявшие под судом и следствием; слепые; глухие; умалишенные; объявленные несостоятельными должниками; впавшие в крайнюю бедность; домашняя прислуга; священнослужители и монашествующие; лица, занимавшие генеральские должности (первые четыре класса по табели о рангах); работники суда и прокуратуры; чиновники полиции; военнослужащие; учителя и некоторые другие.

Из лиц, отвечающих необходимым требованиям, вначале составлялся общий список присяжных заседателей, являвшийся основой для составления очередных списков, по которым лица вызывались в суд в течение будущего года. Очередные списки публиковались в газетах.

Присяжные в зале судебного заседания размещались отдельно от коронных судей. Вердикт присяжных являлся основанием для вынесения коронными судьями обвинительного или оправдательного приговора. Присяжным не предоставлялись право и возможность изучать материалы предварительного следствия, благодаря чему у них не формировалось, как у профессиональных судей, предубеждения в виновности подсудимого. Практика назначения мер наказания судом с участием присяжных отличалась большей мягкостью, чем по обвинительным приговорам судебных палат, что вызывало повышенное доверие народа к суду.

Обязанность быть присяжным заседателем долго не вызывала у населения гражданского энтузиазма, поскольку ради ее исполнения требовалось поступиться своими интересами, отложить запланированные дела и др. Во второй половине XIX в. в российском массовом сознании пока еще слабо укрепилась мысль о том, что пользование благами общественного развития невозможно без выполнения определенных обязанностей. Поэтому скамьи присяжных заседателей пытались избежать любым способом. Особенно характерно это стремление было для верхов общества.

Самым распространенным приемом было найти врача, согласного выдать за соответствующее вознаграждение подложное свидетельство о болезни. К

началу судебной сессии, как писал современник, «на очередных присяжных из богатых купцов и дворян вдруг напало целое поветрие самых разнообразных болезней... Одни крестьяне и мещане аккуратно несли тяжелую для них, более чем для кого-либо, повинность» [1]. Иногда доходило и до курьезов. Так, во Владимирской губернии один купец убедил врача выдать ему документ о болезни. Врач явно переусердствовал, написав, что пациент лежит при смерти. «Больной» лично понес эту бумагу судье. «Да кто же это при смерти-то лежит и не может быть присяжным?» — спросил судья. «Это я-с», — ответил «умирающий» [2, с. 105]. В конечном итоге купцу пришлось выполнять свои обязанности.

Часть присяжных предпочитали просто откупиться выплатой штрафа за неявку в суд по вызову без законных причин. Денежное взыскание составляло в первый раз от десяти до ста рублей, а во второй раз от двадцати до двухсот рублей [3, ст. 651]. Присяжный заседатель, оказавшийся неисправным в третий раз, предавался суду и подвергался по судебному приговору, сверх денежного взыскания от тридцати до трехсот рублей, лишению права участвовать в выборах и быть избираемым в должности, требующие общественного доверия [3, ст. 652]. Так, по прошествии уже более двадцати лет с начала судебной реформы, на примере сессии суда г. Гороховца в 1894 г. можно проследить указанные пути игнорирования «присяжничества». Из 9 освобожденных присяжных заседателей трое были освобождены по п. 4 ст. 388 Судебных Уставов (по болезни), один по п. 6 ст. 388 — неполучение или несвоевременное получение повестки, один по п. 1 ст. 650 — командировка или особое поручение по службе. Остальные четверо не явились на судебное заседание и были оштрафованы согласно ст. 651 Судебных Уставов [4, л. 200].

В своем стремлении избежать скамьи присяжных заседателей кандидаты выпрашивали у начальства свидетельства о служебной командировке, пользовались родственными связями или знакомством с членами комиссий по составлению списков присяжных заседателей. Так, московский мещанин Н.Ю. Малышев просил освободить его от избрания в присяжные заседатели. В заявлении было указано, что 14 января 1894 г. он был извещен местной полицией об избрании в присяжные заседатели в сессию Владимирского окружного суда с 10 по 20 мая 1894 г. Однако, как указывал Н.Ю. Малышев, он был избран и уже отбыл эту обязанность с 1-го по 11-е декабря 1893 г. [5, л. 13]. Председатель Владимирского окружного суда «ходатайство Н.Ю. Малышева оставил без последствий» [6, л. 25] и в списках освобожденных он не значился [7, л. 111].

Главная причина игнорирования участия в качестве присяжного заседателя видится в отсутствии слаженного механизма выплаты компенсации расходов, понесенных за время присутствия на судебном заседании. Законом не предусматривалось вознаграждение присяжных, поэтому вопрос о пособии для тех, кому не на что было жить во время исполнения «почетной общественной обязанности» в суде, стоял очень остро. Некоторые земства выдавали нуждающимся присяжным из крестьян небольшие пособия на время их пребывания в городе. Однако Сенат Указом от 5 сентября 1873 г.

запретил назначать эти пособия, ссылаясь на то, что положение о земских учреждениях не предусматривало подобных расходов. Участие в суде в качестве присяжных заседателей для многих крестьян становилось тяжелой повинностью: жить в течение двух недель в городе, где проходила сессия суда, им было не по карману.

Выход из сложившейся ситуации в первое время был найден в практике переноса сроков отбывания обязанности присяжных заседателей. Например, потомственный почетный гражданин Ф.М. Ильинский обращался к председателю Владимирского окружного суда с просьбой «перечислить для присутствия в качестве присяжного заседателя из сессии окружного суда, имеющей место быть в марте месяце, на сессию, имеющую быть в мае месяце, так как торгующая в марте месяце самая бойкая и отсутствие приносит ущерб» [8, л. 17]. В основном вопрос о переводе из одной сессии в другую разрешался положительно, о чем присяжный извещался заранее полицейским управлением.

Негативное отношение общества к институту присяжных заседателей тесно связано и с сословным вопросом. Во второй половине XIX в. в стране еще только начался процесс разрушения сословных рамок; вековая традиция отделять себя от «благородных» у крестьянства была еще очень крепка и мешала осознанию возможности равноправных отношений с представителями других сословий. Особенно это проявлялось в работе суда присяжных, включавшего разные слои населения, где нередки были случаи невежливого обращения с присяжными-крестьянами, присутствовало стремление представителей привилегированных слоев обязательно быть старшиной заседателей, и даже в попытках последних навязать свое мнение простолюдинам в вынесении вердиктов. По замечанию местной печати, присяжные заседатели-крестьяне на одном из первых заседаний судов в г. Александрове «долго не верили, что их позвали не по собственному делу, а по делу общественному, чтобы обсудить поступки людей» [9].

Однако сложившееся отношение к обязанностям присяжных заседателей, хотя и медленно, но менялось, и новый пореформенный суд, безусловно, стал ярчайшим явлением общественно-политической и правовой жизни страны.

Список литературы:

1. Афанасьев, А.К. Присяжные заседатели в России. 1866–1865 // Великие реформы в России 1856–1874 гг. — М.: Изд-во МГУ, 1992. — С. 184–202.
2. Дело. — 1868. — № 5.
3. Судебные Уставы. Ч. II. — СПб.: Издание гос. канцелярии, 1867.
4. ГАВО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 25. Л. 200.
5. ГАВО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 25. Л. 13.
6. ГАВО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 25. Л. 25.
7. ГАВО. Ф. 107. Оп. 2. Д. 25. Л. 111.
8. ГАВО. Ф. 108. Оп. 2. Д. 40. Л. 17.
9. Владимирские губернские ведомости. — 1868. — № 50.

References:

1. Afanas'ev, A.K. Prisjazhnye zasedateli v Rossii. 1866–1865 // Velikie reformy v Rossii 1856–1874 gg. — M.: Izd-vo MGU, 1992. — S. 184–202.
2. Delo. — 1868. — № 5.

3. Sudebnye Ustavy. Ch. II. — SPb.: Izdanie gos. kanceljarii, 1867.
4. GAVO. F. 107. Op. 2. D. 25. L. 200.
5. GAVO. F. 107. Op. 2. D. 25. L. 13.
6. GAVO. F. 107. Op. 2. D. 25. L. 25.
7. GAVO. F. 107. Op. 2. D. 25. L. 111.
8. GAVO. F. 108. Op. 2. D. 40. L. 17.
9. Vladimirskie gubernskie vedomosti. — 1868. — № 50.

Н.Б. Колесов,
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ

N.B. Kolesov,
candidate of historical sciences,
associate professor,
chair of the theory and history of state and law,
Vladimir branch of a RANEPA
kolesov.kroll@yandex.ru

«Эффект маятника» в истории развития стран Западной Европы

***Аннотация:** в статье рассматриваются вопросы становления и развития государственных систем, анализируются закономерности и особенности политических преобразований в странах Западной Европы. Актуальность статьи обусловлена важностью выявления общих принципов развития государства и определения специфики их реализации в разных социальных, экономических и культурных условиях. Цель статьи — проанализировать, как происходило развитие государственных систем в Западной Европе в зависимости от интенсивности проводимых в них реорганизаций. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (системный, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает выводы о том, что попытки резких изменений курса оборачивались серьезными политическими, социальными и экономическими проблемами и запускали «эффект маятника». В связи с этим эффективность развития обуславливалась постепенностью и последовательностью проводимых изменений. Примеры развития Англии, Франции и Германии являются наглядной иллюстрацией этого заключения. Во Франции и Германии «эффект маятника» проявился в значительной степени. В этих политических системах мы можем наблюдать сильные изменения политического курса, кардинальные преобразования в различных сферах жизнедеятельности. Это привело к тому, что системы оказались весьма нестабильными в своем развитии. Иначе выглядела ситуация в Англии. При сравнительно небольших ресурсах это государство вышло на лидирующие позиции в мире. В значительной степени это было связано с нейтрализацией «эффекта маятника» и реализацией последовательного курса реформ.*

***Ключевые слова:** государство, политическая система, закономерности, эффект, эволюция, революция.*

«Effect of a pendulum» in the history of development of countries of Western Europe

***Abstract:** in article questions of formation and development of the state systems are considered, regularities and features of political transformations in countries of Western Europe are analyzed. Relevance of article is caused by importance of identification of the general principles of development of the state and determination of specifics of their realization in different social, economic and cultural conditions. Article purpose — to analyse as development of the state systems in Western Europe depending on intensity of the reorganization which are carried out to them changed. Implementation of the tasks was reached by means of general scientific (system, the analysis, synthesis) and the the private-scientific of methods (legallistic, comparative and legal). The author draws conclusions that attempts of sharp changes of course turned into serious political, social and economic problems and started “effect of a pendulum”. In this regard efficiency of*

development was caused by gradualness and sequence of the carried-out changes. Examples of development of England, France and Germany are an evident illustration of this conclusion.

In France and Germany, the pendulum effect is manifested to a great extent. In these political systems, we can observe a strong change of the political course, fundamental changes in various spheres of life. This led to the fact that the system was very unstable in its development. Otherwise was the situation in England. With a relatively small resources that the state has reached a leading position in the world. To a large extent this was due to the neutralizing effect of the pendulum and the consistent implementation of reforms. This was facilitated by both objective and subjective factors in the development of this state.

Keywords: state, political system, regularities, effect, evolution, revolution.

Рассуждая о закономерностях развития государственных систем, можно вспомнить ряд концепций, дающих возможность не только понять, но и спрогнозировать будущие векторы их движения. Цивилизационная теория Арнольда Тойнби, формационная теория Карла Маркса, пассионарная теория этногенеза Льва Гумилева, теория мировой системы Эммануэля Валлерштайна — в этих и других исследованиях представлены общие подходы к толкованию принципов и условий развития государственно-правовых процессов. В данном исследовании рассматривается влияние изменений государственной системы на общую динамику протекания политических процессов. В качестве объекта рассмотрения были выбраны страны Западной Европы как политические системы с близкими в своей основе условиями становления. В развитии этих государств мы можем наблюдать как варианты поступательного движения, так и варианты революционных изменений, выведших систему из равновесия и кардинально менявших существующее положение. Эти процессы, характеризующиеся социальными потрясениями и сменой существующего строя, метафорически можно обозначить как «эффект маятника». Англия, Франция и Германия прошли схожий путь перехода от одной формы правления к другой. Классическая схема развития включала в себя несколько основных стадий: раннефеодальная, сеньориальная, сословно-представительная, абсолютная, конституционная [1, с. 168]. После этих монархических форм правления во Франции и Германии устанавливаются республики, а в Англии сохраняется монархия.

Классическим примером перехода от одной стадии правления к другой обычно признают Францию. В качестве критерия, который нам будет просто отслеживать в динамике, мы можем взять уровень силы и влияния монархической власти, проявлявшейся в наличии или отсутствии реальных полномочий у главы государства. На этапе существования Франкской империи власть правителя была достаточно сильна. Эта сила поддерживалась военными ресурсами правителя и не была обеспечена развитой системой государственного управления. В этих условиях король был вынужден опираться на свое окружение и наделять их ресурсами, гарантирующими поддержку. Речь идет, конечно, о земельных ресурсах. Получая земельные владения, сторонники короля обретали самостоятельность, сначала экономическую, а потом и политическую. Франция входит в стадию феодальной раздробленности, когда позиции короля ослабевают. Запускается маятник. Амплитуда его колебаний начинает увеличиваться. Достигнув крайней точки, когда власть французского короля становится номинальной, маятник начинает

обратное движение. Феодалная раздробленность заканчивается. Наступает стадия сословно-представительной монархии, которая сменяется периодом абсолютизма. Направление движения маятника изменяется.

К началу XVI в. абсолютная монархия, в основном, оформилась. В ходе своего развития абсолютизм во Франции достиг, по утверждению исследователей, наиболее законченной и последовательной стадии. Вся полнота законодательной, исполнительной, военной и судебной власти была сосредоточена в руках короля [2, с. 130]. Обеспечило ли подобное развитие государственной системы стабильность и эффективное развитие Франции? Дальнейшие события показывают, что, скорее, нет. Аккумуляция власти в руках короля и жесткая политика власти в отношении оппозиционных сил привели к усилению внутривластной напряженности и неминуемо приближали страну к социальному взрыву.

«Эффект маятника» начал работать с максимальной силой. Система оказалась разбалансирована. После Великой французской революции началась «чехарда» политических режимов. Ситуация пришла в равновесие только к середине XX в. с провозглашением V Французской Республики.

Иначе выглядела ситуация в Англии. Обладая сравнительно небольшими ресурсами, это государство вышло на лидирующие позиции в мире. Что же отличало политическое развитие этой страны? «Эффект маятника» здесь проявился значительно слабее и не привел к потере эффективности в развитии этого региона. В 1066 г. произошло событие, которое кардинально изменило классическую схему перехода от раннефеодальной монархии к стадии феодальной раздробленности. На территорию Англии вторглись нормандские феодалы во главе с герцогом Нормандии Вильгельмом [3, с. 63]. В этом же году Вильгельм стал королем Англии. Это привело к смене политической элиты. И, в отличие от той же Франции, господствующий класс нормандского происхождения был вынужден поддерживать центральную власть, поскольку именно правитель являлся гарантом сохранения за ними тех земель, которые они получали за свою службу королю. Поэтому в Англии период феодальной раздробленности для власти короля прошел относительно безболезненно. Маятник не сработал. Продолжалось поступательное развитие государства.

На следующих стадиях развития в Англии так же, как и во Франции, произошел переход к абсолютизму. Однако степень концентрации власти в руках короля оказалась в данном случае ниже. Не войдя в фазу крайнего ослабления, движение маятника в противоположную сторону также не происходит. В Англии оппозиция получила гораздо больше возможностей влиять на власть и посредством парламента корректировать систему государственных отношений. Диалог власти и оппозиции реализуется на уровне законодательства, в котором отражаются взаимные уступки сторон. В итоге в Англии после буржуазной революции ситуация стабилизировалась достаточно быстро, и при этом монархия как форма правления продолжила свое существование до сегодняшнего времени.

Еще более яркий пример срабатывания «эффекта маятника» можно наблюдать на примере Германии. В силу различных обстоятельств в этом регионе единое государство с сильной центральной властью не создается

вплоть до второй половины XIX в. [4, с. 336]. Относительно слабая вертикаль государственной власти, отсутствие консолидации немецких земель на протяжении десяти веков запускают «эффект маятника» и создают условия для его движения в другую сторону по максимально возможной амплитуде. Запрос государственной системы на максимальное усиление вызывает необходимость находить дополнительные ресурсы, которых у самой Германии было недостаточно. Это становится одной из причин начала Первой мировой войны. Последующее поражение Германии на крайне невыгодных для нее условиях вызвало новый виток военных конфликтов.

Таким образом, мы можем наблюдать разные варианты развития государств Западной Европы, которые реализуются во многом под воздействием именно этого «эффекта маятника». Те государственные системы, в которых в силу как объективных, так и субъективных факторов происходили резкие изменения, запускался «эффект маятника». За реформами следовали контрреформы и реакционные процессы, сопротивление изменениям в процессе их активного внедрения только усиливалось, искажая их результаты.

Очевидно, что любые попытки быстрой смены курса, без глубокой проработки местных особенностей часто оборачиваются серьезными политическими, социальными и экономическими проблемами. На длительной дистанции постепенность и последовательность преобразований позволяют в большей степени рассчитывать на стабильные улучшения государственных систем.

Список литературы:

1. Марченко, М.Н. Теория государства и права / М.Н. Марченко. — М.: Акалис, 2004. — 640 с.
2. Чибиряев, С.А. История государства и права зарубежных стран / С.А. Чибиряев. — М.: Былина, 2002. — 472 с.
3. Корсунский, А.Р. Образование раннего государства в Западной Европе / А.Р. Корсунский. — М.: Паимс, 2003. — 187 с.
4. Черниловский, З.М. Всеобщая история государства и права / З.М. Черниловский. — М.: Юрист, 1999. — 573 с.

References:

1. Marchenko, M.N. Theory of state and law / M.N. Marchenko. — M.: Akalis, 2004. — 640 s.
 2. Chibirev, S.A. History of state and law of foreign countries / S.A. Chibirev. — M.: Bylina, 2002. — 472 s.
 3. Korsunsky, A.R. the Formation of early States in Western Europe / R. A. Korsunsky. — M.: Aims, 2003. — 187 s.
 4. Chernilevsky, Z.M. General history of state and law / Z.M. Czerniawski. — Moscow: Yurist, 1999. — 573 s.
-

А.М. Наумов,
кандидат юридических наук,
зав. кафедрой уголовно-правовых
дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

A.M. Naumov,
Candidate of Law,
Vladimir branch of RANEPА

Naumov@vfrags.ru

К вопросу о теоретико-практических взглядах М.А. Чельцова на уголовное преследование

Аннотация: в советский период продолжалась теоретическая разработка отечественными учеными вопросов, связанных с уголовным преследованием. Этому во многом способствовало действующее уголовно-процессуальное законодательство, поскольку УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. содержали понятие «уголовное преследование». Основные работы по данной проблематике были выполнены в период с 1922 по 1960 гг. В дальнейшем разработка данной проблематики несколько замедлилась, поскольку законодатель в УПК РСФСР 1960 г. отказался от использования термина «уголовное преследование». Среди авторов, которые внесли наибольший вклад в разработку проблем уголовного преследования, следует назвать, прежде всего, М.А. Чельцова, для которого в целом был характерен исторический подход к данной проблематике.

Ключевые слова: уголовное преследование, УПК РСФСР, обвинение, М.А. Чельцов.

To the question of theoretical and practical views of M.A. Cheltsov of criminal prosecution

Abstract: during the Soviet period domestic authors theoretical development of the questions connected with criminal prosecution proceeded. It was promoted in many respects by the existing criminal procedure legislation as the Criminal Procedure Code of RSFSR 1922 and 1923 contained the concept “criminal prosecution”. Therefore the main works on this perspective were performed during the period from 1922 to 1960. Further development of this perspective was a little slowed down as the legislator in the Criminal Procedure Code of RSFSR of 1960 refused use of the term “criminal prosecution”. Among authors who made the greatest contribution to development of problems of criminal prosecution, it is necessary to call, first of all, Cheltsov M. And, for which in general historical approach to this perspective was characteristic.

Keywords: criminal prosecution, Criminal Procedure Code of RSFSR, charge, M.A. Cheltsov.

В советский период продолжалась теоретическая разработка отечественными учеными вопросов, связанных с уголовным преследованием [1–6]. Среди авторов, которые внесли наибольший вклад в разработку проблем уголовного преследования, следует назвать, прежде всего, М.А. Чельцова, для которого в целом был характерен исторический подход к данной проблематике.

М.А. Чельцов в своих работах, рассуждая об уголовном преследовании, не дает определения понятию «уголовное преследование». Из контекста можно утверждать, что автор понимает под уголовным преследованием обвинение.

Для данного автора характерен исторический подход к понятию обвинения. Он отмечает, что понятие обвинения исторически получало различное содержание в зависимости от типа процесса. В процессе розыском функция обвинения может быть выделена из всей деятельности судьи лишь логически. Фактически судья не только устанавливал предмет обвинения и обосновывал его доказательствами, но и выполнял защитительную функцию и, нако-

нец, решал дело. В процессе *частно-обвинительном*, где фигура обвинителя (потерпевшего) была совершенно отделена от суда, отчетливо выделялось и обвинение как обращенное к суду требование о применении наказания к обвиняемому за совершенное им преступление. В данном случае начало обвинительное противопоставлялось началу публичному (официальному), требующему возбуждения дела независимо от воли потерпевшего. Если не было обвинения, то не могло быть и суда.

Рассматривая все известные формы преследования, автор сводит их к схеме, имеющей не только историческое, но и догматическое значение, поскольку некоторые из этих форм действуют и сегодня. В основание схемы положено различие субъектов преследования и интересов, во имя которых оно ведется. Основные формы: частное преследование, ведущееся потерпевшим в его личных интересах, и публичное преследование — в интересах общественных. Публичное преследование можно подразделить на общегражданское (каждый гражданин пользуется правом преследовать в общественных интересах преступника, совершившего преступление, лично его не затрагивающее) и должностное (преступление является обязанностью должностных лиц). Наконец, в зависимости от того, какому органу вверяется преследование, оно разделяется на следственное (розыскное) и прокурорское (обвинительное или следственно-обвинительное).

Создавая новые формы уголовного преследования, советский законодатель не мог сразу организовать аппарат должностного обвинения. Поэтому первой формой преследования стало общегражданское обвинение. В советском суде с первых его дней было допущено общегражданское обвинение в форме выступлений в судебном разбирательстве обвинителей из публики. Однако просуществовало оно недолго, поскольку Декрет от 4 мая 1918 г. уже учреждал должностное обвинение в революционных трибуналах в лице коллегии обвинителей [1, с. 202].

Ко времени перехода Советского государства к мирному строительству назрела потребность в создании единого на территории Республики (и даже Федерации) органа охраны революционной законности. К функциям этого органа должно было относиться и уголовное преследование. Этим органом стала прокуратура, введенная в РСФСР постановлением 3-й сессии ВЦИК 9 созыва 28 мая 1922 г. [1, с. 206].

При создании УПК РСФСР функция уголовного преследования была поручена не только прокуратуре, но и другим государственным органам — инспекторам труда и представителям технической, продовольственной и санитарной инспекций. Однако роль последних оставалась довольно ограниченной, прокурорское же обвинение заняло главное место [1, с. 207].

Единым принципом деятельности прокуратуры является принцип законности. Согласно ст. 9 УПК РСФСР прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование по каждому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению. Однако, устанавливая обязанность прокурора возбуждать преследование по каждому совершившемуся преступлению, УПК не знает общего правила об обязанности прокуратуры поддерживать обвинение по всем делам определенной подсудности, как это было в дореволюционной России.

Из ст. 225 УПК РСФСР вытекает, что суд обязан допустить прокурора к участию в деле в качестве обвинителя согласно его заявлению. Статья 27 Закона о судоустройстве устанавливает обязательность для прокурора определения подготовительного заседания об участии его в деле [1, с. 209].

Имели место случаи, когда прокуратура, как и другие органы обвинения, не могла возбудить преследование без разрешения соответствующих органов. Это случаи возбуждения дел против депутатов Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик, а также против судей; для них установлены особые правила [1, с. 210].

Ограничение права прокурора на уголовное преследование представляет нормы закона о так называемых публично-частных и частных преступлениях. Под первыми понимаются такие преступления, для преследования которых требуется жалоба потерпевшего. Преследование это переходит после принесения жалобы в руки прокуратуры и не может быть прекращено за примирением потерпевшего с обвиняемым. Вторую группу преступлений образуют такие мелкие правонарушения, как оскорбление частного лица и т. п. Советский УПК 1922 г. к частно-публичным преступлениям отнес изнасилование; к частным — оскорбление, клевету, побои.

Однако ст. 6 УПК РСФСР в пункте «г» установила, что все дела, возбуждаемые по частной жалобе, могут быть также возбуждены и по инициативе прокуратуры, когда она признает это необходимым. Примирение потерпевшего с обвиняемым допускается до вступления приговора в законную силу [1, с. 211–212].

Под возбуждением уголовного преследования автор понимает «процессуальный акт соответствующего государственного органа, в котором последний устанавливает наличие в определенном событии признаков уголовного преступления и поэтому решает начать уголовное преследование. Объектом уголовного преследования в этот начальный момент процесса необязательно является индивидуально определенное лицо (оно может быть неизвестно), а всякий предполагаемый совершитель преступления» [1, с. 348]. Поводами для возбуждения называются те источники осведомления о событии преступления, наличием которых законодатель обуславливает право соответствующего органа возбудить уголовное преследование (уголовное дело). Основанием для возбуждения уголовного преследования (уголовного дела) является наличие в указанном соответствующим источником события признаков, образующих юридический состав определенного преступления.

Представляет интерес следующий факт. Циркуляром прокуратуры СССР 13 августа 1934 г. введено, что «возбуждение уголовного дела и начало расследования могут иметь место лишь по мотивированному постановлению соответствующего следственного органа, утвержденного прокурором» [1, с. 360]. Таким образом, задолго до принятия УПК РФ, который ввел законодательно процедуру получения согласия прокурора на возбуждение дел публичного обвинения, практика уже создала этот институт.

М.А. Чельцов критикует сложившуюся практику следственных органов, когда в течение всего срока расследования лицо допрашивается в качестве подозреваемого и только перед ознакомлением с материалами уголовного

дела ему предъявляется обвинение. В связи с этим автор приводит еще один интересный Циркуляр прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. 41/26, согласно которому «при допросе граждан, подозреваемых в совершении преступления, не допускать наименования их “подозреваемыми” и вообще устранить из следственной практики фигурирование на следствии того или иного лица в положении “подозреваемого”. Если в отношении того или иного лица имеются данные, указывающие на совершение им преступления, — привлекать это лицо к уголовной ответственности и допрашивать в качестве обвиняемого» [1, с. 413].

По мнению автора, процессуальное положение обвиняемого очень сложно. Он является одновременно процессуальным субъектом, источником доказательств и возможным объектом наказания. Основными правами обвиняемого как субъекта процесса надо считать право на защиту (ст. 111 Конституции РСФСР) и право на неприкосновенность личности (ст. 127 Конституции РСФСР) [1, с. 216]. Автор называет обвиняемого — центральной фигурой уголовного процесса. Можно даже сказать, что без обвиняемого нет процесса.

В высокой степени личный характер уголовного преследования делает необходимым участие обвиняемого и совершенно не допускает представителя. Обвиняемый обязан лично присутствовать при процессуальных действиях (отсюда — привод, арест). Обвиняемый имеет ряд особых процессуальных прав. В первую очередь, к ним относится так называемое допущение невиновности (обычно называемое презумпцией невиновности). Смысл допущения невиновности заключается в том, что за обвиняемым признаются широкие права на защиту, но на него не возлагается процессуальная обязанность доказывания своей невиновности [1, с. 219].

Список литературы:

1. Чельцов, М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. — М.: Юрид. изд-во Министерства Юстиции СССР, 1948. — 624 с.
2. Чельцов-Бebutov, М.А. Курс советского уголовно-процессуального права / М.А. Чельцов-Бebutov. — М.: Госюриздат, 1957. — Т. 1 : Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. — 840 с.
3. Строгович, М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. — 192 с.
4. Ларин, А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции / А.М. Ларин. — М.: Юридическая литература, 1986. — 160 с.
5. Ларин, А.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки / А.М. Ларин, Э.Б. Мельникова, В.М. Савицкий; под общ. ред. В.М. Савицкого. — М.: БЕК, 1997. — 326 с.
6. Савицкий, В.М. Государственное обвинение в суде / В.М. Савицкий. — М.: Наука, 1971. — 344 с.

References:

1. Chel'cov, M.A. Ugolovnyj process / M.A. Chel'cov. — M.: Jurid. izd-vo Ministerstva Justicii SSSR, 1948. — 624 s.
2. Chel'cov-Bebutov, M.A. Kurs sovetskogo ugolovno-processual'nogo prava / M.A. Chel'cov-Bebutov. — M.: Gosjurizdat, 1957. — T. 1 : Oчерki po istorii suda i ugolovno processa v rabovladel'cheskih, feodal'nyh i burzhuaznyh gosudarstvah. — 840 s.

3. Strogovich, M.S. Ugolovnoe presледovanie v sovetskom ugolovnom processe / M.S. Strogovich. — М.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1951. — 192 s.
4. Larin, A.M. Rassledovanie po ugolovnomu delu: processual'nye funkicii / A.M. Larin. — М.: Juridicheskaja literatura, 1986. — 160 s.
5. Larin, A.M. Ugolovnyj process Rossii. Lekcii-ocherki / A.M. Larin, Je.B.Mel'nikova, V.M. Savickij; pod obsh. red. V.M. Savickogo. — М.: BEK, 1997. — 326 s.
6. Savickij, V.M. Gosudarstvennoe obvinenie v sude / V.M. Savickij. — М.: Nauka, 1971. — 344 s.

Е.А. Лачина,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой гражданско-
правовых дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

А.А. Лачин,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых
дисциплин,
Владимирский филиал РАНХиГС при
Президенте РФ

Е.А. Lachina,
Candidate of Law,
head of the department of civil disciplines,
Vladimir branch of RANEPА

Lena-lachina@mail.ru

A.A. Lachin,
Candidate of Law,
associate professor of criminal and legal
disciplines,

Vladimir branch of RANEPА
alexlachin@mail.ru

К вопросу о понятии права на судебную защиту

Аннотация: статья посвящена рассмотрению вопроса о конституционной судебной защите прав и свобод человека в России. Авторы анализируют существующие точки зрения относительно содержания права индивида на защиту.

Отражены различные подходы к определению конституционного права на судебную защиту. На основе системного толкования норм Конституции РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ сделан вывод о необходимости включения в содержание конституционного права на судебную защиту судебного контроля при установлении ограничений конституционных прав и свобод человека и гражданина. Многие специалисты считают судебную защиту прав и свобод человека основным способом обеспечения охраны гарантированных конституциями прав. В странах конституционной демократии, где прочно утвердился принцип правового государства, признание и охрана прав человека осуществляются государством, прежде всего, через его правовую и судебную системы. Судебная защита — один из наиболее эффективных инструментов, обеспечивающих реальное действие прав и свобод, их эффективность и доступность.

В положениях Конституции РФ заложен необходимый «фундамент» развития нашей страны как демократического правового государства. Провозглашенные в Конституции РФ справедливые идеи должны находить отражение в реальных взаимоотношениях между носителями прав и свобод и теми, кто обязан их гарантировать и соблюдать, т. е. между гражданами и государством. Воплощение этого требования в жизнь предполагает постоянный поиск оптимальных процедур и допустимых ограничений, соответствующих конституционным нормам. Что касается российской правоприменительной практики, то она по-прежнему имеет большие резервы для совершенствования.

Рассматриваются вопросы, связанные с характеристикой права на судебную защиту как конституционной гарантии, с его универсальностью и содержанием указанного конституционного права. Отмечается необходимость продолжения судебной реформы в стране с целью обеспечения действенности данной конституционной гарантии.

Ключевые слова: конституционное право, судебная защита, конституционная судебная защита, права человека.

Revisiting the concept of access to courts

***Abstract:** the article is devoted to consideration of a question the constitutional judicial protection of the rights and freedoms of the person in Russia. Authors analyze the existing points of view concerning the content of the right of the individual for protection.*

Various approaches to definition of a constitutional right on judicial protection are reflected. On the basis of system interpretation of standards of the Constitution of the Russian Federation and legal positions of the Constitutional Court the conclusion is drawn on need of inclusion in the maintenance of a constitutional right on judicial protection of judicial control at establishment of restrictions of constitutional rights and freedoms of the person and citizen. It is difficult to overestimate a role of judicial protection of the rights and freedoms of the person. Many experts consider such protection as the main way of ensuring protection of the rights guaranteed by constitutions. In the countries of the constitutional democracy where the principle of the constitutional state was strongly approved, recognition and protection of human rights are carried out by the state first of all through its legal and judicial systems. Judicial protection — one of the most effective tools providing real action of the rights and freedoms, their efficiency and availability to all.

Provisions of the Constitution of the Russian Federation laid the necessary foundation for development of our country as democratic constitutional state. The fair ideas proclaimed in the Constitution have to find reflection in real relationship between carriers of the rights and freedoms and those who is obliged to guarantee them and to observe, i.e. between citizens and the state. The embodiment of this requirement in life assumes continuous search of the optimum procedures and admissible restrictions meeting the constitutional standards. It is necessary to recognize in this regard that the Russian law-enforcement practice still has very big reserves for improvement.

In article the questions connected with the characteristic of the right for judicial protection as the constitutional guarantee, with its universality and the maintenance of the specified constitutional right are considered. Authors on the basis of the carried-out analysis believe necessary continuation of judicial reform in the country for the purpose of ensuring effectiveness of this constitutional guarantee.

***Keywords:** constitutional right, judicial protection, the constitutional judicial protection, human rights.*

Обеспечение прав человека является неотъемлемой частью культуры, высшим проявлением нравственно-правовых идеалов.

Права человека с точки зрения права — это характеристики правового положения лица в современном мире.

Термин «права человека» появился в международном праве после войны за независимость в США и принятия американской Декларации независимости 1776 г. В то время в соответствующих внутригосударственных актах говорилось о правах человека и гражданина.

Права человека являются высшей ценностью человеческой цивилизации. По своей природе они представляют собой:

— неотъемлемые свойства и возможности, устанавливающие сферу свободы и самоопределения личности, ее автономию, закрепленные в правовых нормах;

— установленные правом пределы осуществления государственной власти с целью предотвращения неоправданного вмешательства государства в сферу прав и свобод человека;

— правовую защиту жизненных интересов человека, осуществления его наиболее существенных благ;

— стабилизатор отношений в обществе на основе выработанных международным сообществом общепризнанных международных стандартов в области прав человека;

— показатель уровня взаимоотношений личности и государства, ответственности последнего за деятельность личности и ее безопасность.

Таким образом, права человека — это система принципов, норм, правил и традиций взаимоотношений между людьми и государством.

Если проанализировать случаи употребления понятия «право на защиту», то можно выделить следующие его значения:

- 1) право на защиту как элемент правоспособности (правосубъектности);
- 2) право на защиту как самостоятельное субъективное право;
- 3) право на защиту как правомочие, входящее в состав любого субъективного права.

Статья Конституции РФ закрепляет право каждого на судебную защиту прав и свобод. В суд могут быть обжалованы любые решения и действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц.

К вопросам права на судебную защиту обращались представители различных отраслей права [1]. При анализе подходов к рассмотрению конституционного права на судебную защиту, его содержания, предложенных в науке конституционного права, можно отметить, что чаще всего за основу берется гражданское и гражданско-процессуальное понимание судебной защиты прав, свобод и законных интересов.

Так, А.Н. Ведерников определяет конституционное право на судебную защиту как сложноструктурное и многоаспектное правовое образование, предоставляющее личности возможность обратиться в суд за защитой своих прав, свобод, законных интересов, защищать их лично или путем привлечения адвоката (защитника) и получить удовлетворение требований по защите своих прав и свобод [2, с. 80–81].

Г.А. Жилин отмечает, что конституционное право на судебную защиту есть право на защиту действительно нарушенных или неправомерно оспариваемых прав и свобод с помощью суда [3].

О.Я. Беляевская трактует конституционное право человека и гражданина на судебную защиту как основное, неотчуждаемое и не подлежащее ограничению ни при каких обстоятельствах субъективное конституционное право-гарантию, заключающееся в совокупности возможностей защищать подвергшиеся посягательству охраняемые законом объекты посредством эффективного и справедливого правосудия [4].

Ситуация, сложившаяся в науке конституционного права, обусловлена тем, что нормативное закрепление конституционного права на судебную защиту произошло относительно недавно, а все основные труды по анализу судебной защиты относятся к советскому периоду, когда предмет судебной защиты имел несколько иное содержание.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П [5] также были сделаны выводы о содержании конституционного права на судебную защиту. В указанном постановлении Суд назвал решения органов судебной власти, которые принимаются в рамках судебного контроля за деятельностью органов исполнительной власти, связанной с возможными ограничениями прав и свобод человека, относящимися к сфере правосудия. Кроме того, было

отмечено, что в силу ч. 1 ст. 46 Конституции РФ суд как орган правосудия призван обеспечить справедливую процедуру принятия решения, в том числе относительно проведения оперативно-розыскных мероприятий. Следовательно, «судебные решения, на основании которых допускается ограничение прав, гарантируемых статьями 23 и 25 Конституции РФ, должны приниматься — по смыслу ее статьи 47 (части 1) во взаимосвязи со статьями 46 (части 1 и 2) и 118 (части 1 и 2) — с соблюдением правил установленной законом подсудности дел, а ее изменение возможно только в судебной процедуре и только при наличии указанных в законе оснований (обстоятельств), препятствующих рассмотрению дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом» [5].

Таким образом, необходимо согласиться с позицией судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондаря, высказанной в особом мнении к Определению от 1 ноября 2007 г. № 948-О-О [6], в соответствии с которой современная юридическая практика России и зарубежных стран неуклонно движется по пути передачи мер принуждения, существенно ограничивающих права и свободы граждан, в исключительную компетенцию суда.

В условиях построения демократического и правового государства необходимо и дальше развивать новый подход к пониманию содержания права на судебную защиту с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Таким образом, конституционное право на судебную защиту прав и свобод представляет собой гарантированную Конституцией РФ и обеспеченную государством универсальную возможность каждого восстановить свои нарушенные или оспариваемые права и свободы путем обращения в суд в целях вынесения и исполнения судебного решения, а также предотвратить необоснованное и незаконное ограничение конституционных прав и свобод в законодательно закрепленной процедуре судебного разбирательства, которая характеризуется отсутствием инициативы защищаемого субъекта [7].

Список литературы:

1. Жилин, Г.А. Право на судебную защиту в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Комментарий судебной практики. — 2000. — Вып. 6. — С. 3–25.
2. Ведерников, А.Н. О понятии и сущности конституционного права личности на судебную защиту // Вестник Томского гос. ун-та. — 2011. — № 348. — С. 80–81.
3. Жилин, Г.А. Право на судебную защиту. — URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=451> (дата обращения: 28.02.2015).
4. Беляевская, О.Я. Конституционное право человека и гражданина на судебную защиту: понятие, проблемы реализации : дис. ... канд. юрид. наук / О.Я. Беляевская. — СПб., 2007. — 181 с.
5. По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в связи с жалобой гражданина И.В. Аносова : постановление Конституционного Суда РФ от 9 июня 2011 г. № 12-П // Российская газета. — 2011. — 22 июня.
6. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Астафьева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом «д» части первой статьи 115, статьями 117 и 119 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 1 ноября 2007 г. № 948-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. — 2008. — № 2.

7. Астратова, С.В. К вопросу о содержании конституционного права на судебную защиту прав и свобод человека и гражданина // Российский юридический журнал. — 2013. — № 6. — С. 73–77.

References:

1. Zhilin, G.A. Pravo na sudebnuju zashhitu v reshenijah Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Kommentarij sudebnoj praktiki. — 2000. — Vyp. 6. — S. 3–25.
2. Vedernikov, A.N. O ponjatii i sushhnosti konstitucionnogo prava lichnosti na sudebnuju zashhitu // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. — 2011. — № 348. — S. 80–81.
3. Zhilin, G.A. Pravo na sudebnuju zashhitu. — URL: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=451> (data obrashhenija: 28.02.2015).
4. Beljaevskaja, O.Ja. Konstitucionnoe pravo cheloveka i grazhdanina na sudebnuju zashhitu: ponjatie, problemy realizacii : dis. ... kand. jurid. nauk / O.Ja. Beljavskaja. — SPb., 2007. — 181 s.
5. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 7 stat'i 16 Zakona Rossijskoj Federacii «O statuse sudej v Rossijskoj Federacii» i chasti pervoj stat'i 9 Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti» v svjazi s zhaloboj grazhdanina I.V. Anosova : postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 9 ijunja 2011 g. № 12-P // Rossijskaja gazeta. — 2011. — 22 ijunja.
6. Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanina Astaf'eva Aleksandra Aleksandrovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav punktom «d» chasti pervoj stat'i 115, stat'jami 117 i 119 Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii: opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 1 nojabrja 2007 g. N 948-O-O // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. — 2008. — № 2.
7. Astratova, S.V. K voprosu o soderzhanii konstitucionnogo prava na sudebnuju zashhitu prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Rossijskij juridicheskij zhurnal. — 2013. — № 6. — S. 73–77.

В.А. Чирикин,

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории и
истории государства и права,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ*

Ю.А. Гроза,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права,
Владимирский филиал РАНХиГС
при Президенте РФ*

V.A. Chirikin,

*Candidate of Law, Assistant Professor
Head of the Chair of the Theory and
History of State and Law Department,
Vladimir branch of RANEPА
Chirikin_V@vlad.ranepa.ru*

Y.A. Groza,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Theory and History of State and Law,
Vladimir branch of RANEPА*

groza.y@mail.ru

Место суверенитета в системе государственных ценностей

Аннотация: актуальность статьи обусловлена неоднозначностью оценки исследователями последствий глобализационных процессов, что приводит к неодинаковым выводам о государственном устройстве в современном мире. В подобных условиях происходит существенная модификация представлений, и традиционное понимание государства, незыблемость государственного суверенитета все чаще ставится под сомнение.

Цель статьи — проанализировать взгляды различных ученых, политических деятелей на место и роль суверенитета в системе государственных ценностей. Поставленная цель была достигнута

при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов. В статье обращается внимание на традиционное понимание суверенитета государства как возможности самостоятельно решать свои внутренние и внешние задачи. Приводятся точки зрения отдельных ученых, которые предлагают рассматривать государственный суверенитет с учетом глобализационных процессов, указывая на ослабление или ограничение суверенитета отдельных государств.

Авторы делают вывод о том, что государственный суверенитет, означающий независимость государства — один из основополагающих его признаков, значение которого не должно недооцениваться в настоящее время. Добровольная передача государством суверенных прав своим субъектам внутри страны (внутренний суверенитет) и международным организациям на условиях договора на мировой арене (международный суверенитет) не ведет к ограничению суверенитета государства. Особо подчеркивается позиция руководства России о неизблемости государственного суверенитета в современном мире, являющегося гарантией сохранения самоидентичности российского народа.

Ключевые слова: система государственных ценностей, суверенитет, суверенные права, глобализация, международное право, независимость государства.

The inviolability of state sovereignty as the basis for world order

Summary: relevance of article is caused by ambiguity of an assessment of researchers of consequences of globalization processes who lead to unequal conclusions about a state system in the modern world. In similar conditions there is an essential modification of representations, and the traditional understanding of the state, firmness of the state sovereignty is even more often called into question.

Article purpose — to analyse views of various scientists, politicians of a place and a role of the sovereignty in system of the state values in modern conditions. The goal was achieved by means of general scientific methods (dialectic, the analysis, synthesis) and the chastnonauchnykh of methods (comparative and legal, legallistic). In article the attention to traditional understanding of the sovereignty of the state as opportunities independently to solve the internal and external problems is paid, and also the points of view of certain scientists who suggest to consider the state sovereignty taking into account globalization processes are given, indicating weakening or restriction of the sovereignty of the certain states.

Authors draw a conclusion that the state sovereignty meaning independence of the state — one of fundamental signs which value shouldn't be underestimated now. Voluntary transfer of the sovereign rights by the state to the subjects within the country (the internal sovereignty) and to the international organizations on terms of the contract on the world scene (the international sovereignty) doesn't conduct to restriction of the sovereignty of the state. Authors highlight a position of the leadership of Russia about firmness of the state sovereignty in the modern world which is a guarantee of preservation of self-identity of the Russian people.

Keywords: system state values, sovereignty, sovereign rights, globalization, international law, independence of the state.

Каждое государство, независимо от уровня его развития, обладает непреходящей системой ценностей, которые выступают базовыми факторами повышения жизнеспособности страны. К таковым относятся: территория, народонаселение, государственная идея, государственная символика, выполняющая функцию коллективной идентификации, устоявшиеся обычаи и традиции в обществе и многие другие. Особое место среди них занимает суверенитет государства.

Если обратиться к истории развития научной мысли о государственном суверенитете, то можно понять, что изначально данная категория трактовалась как самостоятельность, неограниченная власть правителя в принятии государственных решений. В разработку политической концепции

государственного суверенитета важнейший вклад внес идеолог абсолютизма во Франции Жан Боден, определявший суверенную власть как абсолютную и постоянную власть государства [1].

Общепризнанным в настоящее время является понимание суверенитета, выдвинутое немецким ученым Г. Гегелем. Суверенитет делится на внутреннюю и внешнюю составляющие. Государство обладает единой волей на внутренней арене, что проявляется в установлении его законов — внутреннего государственного права. Концепция внешнего суверенитета заключается в том, что такая единая воля государства проявляется в его отношениях с другими государствами.

В настоящее время отсутствует единое определение суверенитета государства. Так, Н.Г. Александров представляет суверенитет как возможность решать самостоятельно внутренние, а также внешние дела с соблюдением общепризнанных норм международного права. Суверенное государство не подчиняется какой-либо другой власти как внутри, так и вне его границ [2, с. 38]. М.Н. Марченко рассматривает суверенитет как специфический признак государства, выражающий верховенство государственной власти по отношению ко всем иным организациям и лицам в стране и независимость ее в сфере взаимоотношений данного государства с другими государствами [3, с. 58].

Важнейшими принципами международного права считаются принципы суверенного равенства государств и невмешательства одного государства во внутренние дела другого, независимо от форм правления, внутренней политики, их размеров и уровня влияния на мировое сообщество [4, с. 57–59].

Вопросы, касающиеся суверенитета и независимости государств, находятся в сфере внимания не только ученых, но и политиков. Так, выступая с ежегодным посланием к Федеральному Собранию Российской Федерации, Президент России В.В. Путин обратил внимание на необходимость сохранения и незыблемость государственного суверенитета: «Каждый народ имеет неотъемлемое, суверенное право на собственный путь развития, на выбор союзников, формы политической организации общества, построения экономики и обеспечения своей безопасности. Россия всегда относится к этому и будет относиться с уважением... Если для ряда европейских стран национальная гордость — давно забытое понятие, а суверенитет — слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет — абсолютно необходимое условие ее существования... Хочу подчеркнуть: или мы будем суверенными — или растворимся, потеряем в мире» [5].

Для России проблема суверенитета в эпоху прогрессирующей глобализации связана с проблемой сохранения самоидентичности российского народа. Именно государственный суверенитет является гарантией возможности самостоятельного выбора российским народом своего будущего.

Процессы глобализации вносят свои коррективы в понимание сущности суверенитета государства и его значения. Так, ряд ученых полагают, что на фоне глобализационных процессов происходит ослабление суверени-

тета отдельных государств. Э.А. Калинина указывает, в частности, что приспособление права к технико-экономической глобализации должно учитывать изменившийся статус государства (сокращение его суверенитета, усиление относительности его территорий и границ) [6, с. 137]. Некоторыми учеными отрицается и сама необходимость существования категории «государственный суверенитет». Так, например, по мнению М. Хардта и А. Негри, государственный суверенитет в его классическом понимании не справляется с задачей усмирения глобального хаоса, а потому необходим новый суверенитет, отвечающий императиву демократии. Поэтому «первой и главной задачей является разрушение суверенитета ради утверждения демократии» [7, с. 426]. Другие авторы предлагают ограничить суверенитет (теории ограниченного суверенитета) либо сводят его на нет (теория не-суверенного государства) [8].

Процедура добровольной передачи суверенных прав (полномочий) государством своим субъектам внутри страны (ст. 72 и 73 Конституции РФ) и международным организациям во вне нередко представляется как ограничение пределов государственного суверенитета. На самом деле она не ведет к ограничению суверенитета государства. Процессы глобализации и интеграции не могут ограничить суверенитет государства, т. к. он является качественной, статичной категорией; ограничены или делегированы могут быть лишь права государства, причем, исключительно с его согласия на добровольной основе. Государство вправе в любое время, исходя из интересов своего народа, вновь перевести данные суверенные права в активное состояние, аннулировав ранее произошедшее делегирование отдельных полномочий.

Государственный суверенитет, как внутренний, так и внешний, должен обязательно сохраняться, укрепляться и поддерживаться государством и, несмотря на глобализационные процессы, которые сегодня стремительно распространяются, не должен «стесняться» другими странами.

Изучение понятия суверенитета, рассмотрение данного явления как традиционной и основной, неотъемлемой черты государства, которая не может быть изменена, несмотря на появление новых форм международного сотрудничества, государственных образований, принципиально важно в современном мире, когда от укрепления независимости государства напрямую зависят мирное развитие и безопасность цивилизации.

Список литературы:

1. Мачин, И.Ф. История политических и правовых учений : учеб. пособие / И.Ф. Мачин. — М.: Юрайт, 2014. — 412 с.
2. Теория государства и права / под ред. Н.Г. Александрова. — М. : Юрид. лит., 1968. — 640 с.
3. Марченко, М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби : Проспект, 2007. — 640 с.
4. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / М.М. Рассолов и др.; под ред. А.И. Бастрыкина. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. — 471 с.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.

-
6. Бирюков, П.Н. Международное право : учебник / П.Н. Бирюков. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — 821 с.
 7. Хардг, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардг, А. Негри. — М.: Культурная революция, 2006. — 559 с.
 8. Сорос, Дж. О глобализации / Дж. Сорос. — М.: Эксмо, 2004. — 224 с.

References:

1. Machin, I.F. Istorija politicheskikh i pravovykh uchenij : ucheb. posobie / I.F. Machin. — М.: Jurajt, 2014. — 412 s.
 2. Teorija gosudarstva i prava / pod red. N.G. Aleksandrova. — М. : Jurid. lit., 1968. — 640 s.
 3. Marchenko, M.N. Teorija gosudarstva i prava : uchebник / M.N. Marchenko. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Velbi: Prospekt, 2007. — 640 s.
 4. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava : ucheb. posobie / M.M. Rassolov i dr.; pod red. A.I. Bastyrykina. — М.: JuNITI-DANA, 2014. — 471 s.
 5. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju RF ot 4 dekabrja 2014 g. — URL: <http://www.kremlin.ru/news/47173>.
 6. Birjukov, P.N. Mezhdunarodnoe pravo : uchebник / P.N. Birjukov. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Jurajt, 2013. — 821 с.
 7. Hardg, M. Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii / M. Hardg, A. Negri. — М.: Kul'turnaja revoljucija, 2006. — 559 с.
 8. Soros, Dzh. O globalizacii / Dzh. Soros. — М.: Jeksmo, 2004. — 224 с.
-

• ПРЕДСТАВЛЯЕМ ЮРИДИЧЕСКИЕ ВУЗЫ РОССИИ – НОВОРОССИЙСКИЙ ФИЛИАЛ МОСКОВСКОГО ГУМАНИТАРНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

М.Ю. Пономарева,
доктор юридических наук, доцент,
кафедра государственных и
гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал Московского
гуманитарно-экономического
института

M.U. Ponomareva,
Doctor of law, Associate Professor,
Novorossiysk branch of Moscow Institute of
humanitarian and economic sciences

marina_nvr@mail.ru

Финансово-правовые основы реализации местного самоуправления

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена необходимостью дальнейшего совершенствования механизма обеспечения деятельности местного самоуправления в Российской Федерации посредством не только правовых, но и экономических (финансовых) способов и средств. Цель статьи — охарактеризовать важность и необходимость исследования многоуровневой системы управления, где каждый уровень имеет достаточные ресурсы для реализации своих функций и решения стоящих перед ним задач в полном объеме. Достижение поставленной цели стало возможным посредством использования общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Автор делает выводы о том, что проблемы финансового обеспечения реализации местного самоуправления в целом и функционирования муниципальных финансов в частности в той или иной степени исследуются в рамках различных научных школ (как экономических, так и правовых). Обращается внимание на то, что традиции различных зарубежных стран определяют доминирование тех или иных подходов. Например, в Германии преобладает юридический подход, а в Англии и США основной подход — это экономический анализ. В Российской Федерации нет явного преобладания ни первого ни второго подходов в исследовании вопросов финансового обеспечения деятельности местного самоуправления. В традициях нашей страны присутствует стремление комплексного соединения этих двух основополагающих начал — правового и экономического. Доминирование только юридического подхода обедняет сущностное содержание рассматриваемой категории. А преобладание экономического анализа в определении таких категорий, как «местные финансы», «финансы», в свою очередь, снижает значимость их правового закрепления и правового регулирования.*

***Ключевые слова:** правовая политика, финансово-правовая политика, механизм финансового обеспечения, местное самоуправление.*

Financial and legal basis of the implementation of local self-government

***Abstract:** relevance of article is caused by need of further improvement of the mechanism of ensuring activity of local government in the Russian Federation by means of not only legal, but also economic (financial) ways and means. The purpose of the article is to characterize importance and need of further research of a multilevel control system where each level has sufficient resources for realization of the functions and the decision facing tasks in full. Achievement of a goal became possible by means of use general scientific (dialectic, the analysis, synthesis) and the private research of methods (legallistic, comparative and legal). The author draws conclusions that problems of financial security of realization of local government in general and functioning of municipal finance, in particular, are in a varying degree investigated within various*

schools of sciences (both economic, and legal). The attention of readers that traditions of various foreign countries define domination of these or those approaches is paid. For example, in Germany legal approach prevails. And in England and the USA — the main approach — is the economic analysis. In the Russian Federation there is no obvious prevalence of the first or the second approaches in research of questions of financial security of local government activity. In traditions of our country there is complex connection of these two fundamental beginnings the legal and economic one. According to the author, it is necessary to recognize that domination only of legal approach impoverishes the intrinsic content of the considered category. And prevalence of the economic analysis in definition of such categories as “local finance”, “finance” is reduced in turn by the importance of their legal fixing and legal regulation.

Keywords: *legal policy; financial and legal policy; mechanism of financial security; local government regulations.*

Формирование муниципально-правовой политики неразрывно связано с вопросами финансово-экономического обеспечения реализации муниципального управления. Следует отметить, что любое государство стремится к тому, чтобы хозяйственная система страны в целом удовлетворяла потребности всего населения. Однако полностью решить данные задачи не всегда представляется возможным. Тому есть множество причин, одна из которых в том, что предпочтения потребителей могут (чаще всего так и происходит) меняться. То, что сегодня воспринимается в качестве определяющего и насущно необходимого, с течением времени может быть оттеснено на второй план. Это зависит от многих обстоятельств — изменений идеологического либо материального характера. В связи с этим наличие многоуровневой системы государственного устройства способствует более оперативному реагированию на подобного рода смену потребительских предпочтений.

Вместе с тем не следует игнорировать положение, согласно которому в условиях реального федерализма каждый из его уровней сталкивается с проблемой поиска новых путей удешевления предоставляемых общественных благ. В западных источниках принято говорить о «конкурентном федерализме», который, в свою очередь, рассматривается как один из вариантов «конкуренции как процесса познания», т. е. процесса инновации — совершенные способы производства общественных благ (в том числе и их новых видов) [1].

Задача любого государства, в целях сохранения социальной стабильности и обеспечения экономического развития и роста, — максимально учесть предпочтения потребителя общественных благ в процессе своей деятельности. Если расчеты произведены неверно, либо выбран не самый удобный в этом смысле путь, то потребители в итоге получают за свои деньги не самый оптимальный набор общественных благ при заданном уровне издержек. Поэтому важно наличие нескольких уровней в государственном устройстве страны. Относительно недавнее прошлое унитарного государственного устройства нашей страны при внимательном рассмотрении (лишенном политических составляющих) даст немало примеров подобного рода состояний. Одним из аргументов в пользу укрепления многоуровневой системы государственной власти является то, что наличие муниципалитетов в условиях реальной децентрализации власти позволяет более эффективно и рационально использовать имеющиеся ресурсы государства для оптимального удовлетворения потребностей населения.

Общепризнано, что интересы и предпочтения населения тех или иных административно-территориальных единиц порой существенным образом отличаются. Конечно, есть общий «набор» необходимых потребностей, но требования к их качеству и составу порой не совпадают по нескольким параметрам. Например, южные области, как правило, имеют предпочтения в сфере аграрного, рекреационного и других производств. «Север» же традиционно выступает в качестве сырьевого, промышленного, культурного производителя. Поэтому и предпочтения потребителей общественных благ в этих регионах различны. Предложение общественных благ должно в обязательном порядке учитывать объективный характер наличия подобных различий в предпочтениях.

На нашей памяти бурный промышленный рост в северных регионах — Крайний Север, Дальний Восток, Сибирь. Миллионы людей меняли место жительства, выбирая эти регионы, где создавались улучшенные условия для работы, быта, предлагались высокие заработки, дополнительные социальные гарантии и т. п. Южные же районы, за исключением санаторно-курортных зон, оставались менее предпочтительны для работы и проживания. После развала Советского Союза наблюдалось резкое ухудшение положения дел с производством и реализацией общественных благ в северных и дальневосточных регионах и, как следствие, массовый отток населения оттуда. На этом фоне южные регионы стали более предпочтительны для проживания, и не всегда за счет качества и объема предлагаемых услуг. По определенным параметрам стоимость жизни на юге ниже, поэтому и объем испрашиваемых общественных благ несколько меньше, чем на севере.

Такая ситуация может складываться в результате недоучета на местном и региональном уровнях предпочтений граждан в потреблении тех или иных общественных благ. Практика уравнивания всех территориальных подразделений огромной России не всегда оправданна. Разработка «общих стандартов» и «минимальных требований» порой приводит не к тем результатам, которые стремились получить при их подготовке [2, с. 83]. В связи с этим остро ставится вопрос об издержках, связанных с игнорированием предпочтений части потребителей общественного блага. Снижение данного рода издержек в некоторых случаях связывают с «правильной нарезкой» границ соответствующих регионов.

При этом следует сказать, что до сих пор имеют место высказывания в пользу централизации власти и нецелесообразности предоставления широкой хозяйственной автономии органам местного самоуправления. На это можно возразить следующее. Местное самоуправление по сути своей — в первую очередь «управление местными делами». А «местные дела» — это прежде всего обеспечение населению муниципального образования достойных условий жизни. Анализ инструментария для создания образовательной платформы в регионе как одного из видов общественных благ представлен в исследованиях Т.А. Куткович [3, с. 5118–5145]. Предоставление общественных благ — вот главная задача каждого органа местного самоуправления. Конечно же, это задача общегосударственная, но решить ее более правильным, эффективным и экономным способом возможно только на местном уровне.

В доказательство можно привести положения концепции издержек упущенных возможностей, согласно которым, если хозяйствующий субъект использует находящиеся в его распоряжении ресурсы для осуществления первого проекта, то он не может использовать указанные ресурсы для того, чтобы реализовать другой проект. Следовательно, участие государства всеми своими ресурсами в решении задач по предоставлению общественных благ населению, которые в состоянии более оперативно и эффективно решить местное самоуправление, представляется весьма нерациональным, т. к. это ведет к рассеиванию, распылению имеющихся в распоряжении государства ресурсов.

Рациональным распределение имеющихся ресурсов государства считается тогда, когда, во-первых, предложенные общественные блага соответствуют предпочтениям потребителей; во-вторых, реализация товаров и предоставление услуг осуществляются с минимальными затратами.

Рассматривая первое условие, следует отметить, что в масштабах централизованного государства велика вероятность несовпадения достигнутого результата и предпочтений определенного количества (как правило, достаточно большого) потребителей. Такая ситуация является крайне нежелательной для сохранения социальной стабильности в обществе. Неудовлетворенные потребности большого числа граждан могут спровоцировать и массовые волнения, и другие проявления подобного рода негативных последствий.

Необходимость наличия местного уровня власти, который по существу своему максимально приближен к населению, доказывается возможностью последнего удовлетворить при содействии первого возможно больший объем потребностей не только в политической сфере, но и в сфере экономической. Предпочтения потребителей в политической сфере при наличии местного уровня власти более полно реализуются благодаря наличию развитого института демократии. Поэтому очень важно в процессе проведения реформы местного самоуправления не забыть о главном содержании данного института — наличии у населения реальной возможности самостоятельно решать вопросы местного значения либо обладать правом на деле влиять на принимаемые властные решения по управлению местными делами.

Наряду с этим сторонниками развития эффективного муниципального управления доказывается положение, согласно которому в условиях функционирования централизованного (унитарного) государства полный учет предпочтений потребителей общественных благ, в принципе, возможен, но его реализация будет обходиться слишком дорого. Необходимо формирование и обеспечение функционирования ряда государственных институтов, осуществляющих сбор и обработку соответствующей информации, проводящих мониторинг предпочтений потребителей общественных благ и осуществляющих контроль за эффективной и полной реализацией соответствующих мероприятий государственных институтов. Местный уровень власти призван обеспечивать указанную деятельность, но гораздо более оперативно, эффективно и, что весьма существенно, экономично.

Кроме того, не следует забывать, что местный уровень власти является более близким к избирателям уровнем административно-территориальной организации государства. На этом уровне голос отдельного избирателя приобретает особый вес. Здесь избирателю проще проконтролировать реализацию своего волеизъявления на территории конкретного муниципального образования. Здесь избиратель, как правило, голосует более осознанно.

В заключение отметим, что проблемы финансового обеспечения реализации местного самоуправления в целом и функционирование муниципальных финансов в частности в той или иной степени исследуются в рамках различных научных школ (как экономических, так и правовых). Кроме того, традиции различных зарубежных стран определяют доминирование тех или иных подходов, например, в Германии — преобладание юридического подхода; в Англии и США основной подход — экономический анализ. В нашей стране нет явного преобладания ни первого, ни второго подходов. В нашей традиции — стремление комплексного соединения двух основополагающих начал. И действительно, доминирование юридического подхода обедняет сущностное содержание рассматриваемой категории; преобладание экономического анализа в определении категории «финансы», напротив, снижает значимость ее правового закрепления и регулирования.

В настоящее время наблюдается новый всплеск интереса научной общест-венности к данной проблематике, который обусловлен новыми реформами в административно-политической сфере, а также дальнейшей модернизацией российской экономики.

Список литературы:

1. Тимофеева, Р.А. Федерализм и инновационное развитие // Евразийский международный научно-аналитический журнал. — URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2053> (дата обращения: 15.02.2015).
2. Пономарев, В.В. Оптимизация федеративных отношений в условиях федеративного государства / В.В. Пономарев, И.Н. Исаков // Правовая политика и правовая жизнь. — 2014. — № 3. — С. 78–88.
3. Куткович, Т.А. Инструментарий для проведения анализа потенциальной платформы для реализации высшего образования в регионе на примере Новороссийска // В мире научных открытий. — 2014. — № 11/12. — С. 5118–5146.

References:

1. Timofeeva, R.A. Federalizm i innovacionnoe razvitie // Evrazijskij mezhdunarodnyj nauchno-analiticheskij zhurnal. — URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=2053> (data obrashhenija: 15.02.2015).
2. Ponomarev, V.V. Optimizacija federativnyh otnoshenij v uslovijah federativnogo gosudarstva / V.V. Ponomarev, I.N. Isakov // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. — 2014. — № 3. — S. 78–88.
3. Kutkovich, T.A. Instrumentarij dlja provedenija analiza potencial'noj platformy dlja realizacii vysshego obrazovanija v regione na primere Novorossijska // V mire nauchnyh otkrytij. — 2014. — № 11/12. — S. 5118–5146.

Т.А. Куткович,
кандидат экономических наук, доцент,
Новороссийский филиал Московского
гуманитарно-экономического
института

T.A. Kutkovich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Novorossiysk branch of the Moscow
Humanitarian-Economic Institute
nf_mgei@mail.ru

Проблемы правового регулирования приема в образовательные организации высшего образования в Российской Федерации

Аннотация: основные положения статьи поднимают актуальный в практическом правоприменении вопрос, касающийся нормативного обеспечения конституционно-гарантированного права на получение образования, в части высшего образования. Цель статьи заключается в демонстрации хронологических изменений положений в процедуре порядка приема в образовательные организации высшего образования, направленных на совершенствование нормативного обеспечения реализации права получения высшего образования в 2015 г. как одного из аспектов образования в России. Акцент сделан на анализ изменений, заложенных в порядке приема обучающихся на 2015/2016 учебный год. Реализация поставленных задач была достигнута с использованием общенаучных (анализа, сравнения, детализации, сопоставления, экспертной оценки, логическое умозаключение) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, нормативно-хронологический) методов. Автором обосновывается введение корректив в нормы, регулирующие вопросы поступления на обучение по программам высшего образования, продиктованных стремлением к формальному закреплению в порядке приема гарантий на соблюдение равных возможностей доступа к получению образования по образовательным программам высшего образования всех групп населения, позволяющим проследить государственный подход к подготовке профессиональных кадров как за счет средств бюджетов различных уровней, так и за счет средств юридических и физических лиц. Поднимается вопрос о затруднениях в реализации права на получение высшего образования, вызванных многочисленными изменениями, вносимыми в действующий процесс приема в образовательную организацию непосредственно на стадии действия приемной кампании.

Ключевые слова: правовое регулирование приемной кампании, реализация права на поступление в образовательную организацию высшего образования, нормативно-правовое обоснование поступления по результатам ЕГЭ и по внутренним испытаниям образовательной организации, поступление на программы бакалавриата и специалитета, нормативное регулирование поступления на места по договорам об оказании платных образовательных услуг.

Problems of legal regulation of admission to educational institutions of higher education in the Russian Federation

Abstract: the main provisions of the articles raise relevant in practical enforcement aspect of regulatory support to the constitutional guarantee of the right to education, in terms of higher education. The purpose of this article is to demonstrate the chronological changes of the provisions in the rules of admission to educational institutions of higher education aimed at improving regulatory support the realization of the right of receiving higher education in 2015 as one of the aspects present in the Russian Federation types of education. The emphasis is on the analysis of the changes incorporated in the procedure for admission of students on the 2015/2016 academic year. Implementation of the tasks was achieved using scientific analysis, logical reasoning, comparison, specification, comparison, expert evaluation) and private research methods (formal-legal, comparative legal, regulatory and chronological). The author justifies the initiation of changes in the rules governing admission to study programmes of higher education is dictated by the desire to formal consolidation in the order of reception of guarantees for the observance of equal opportunities of access to education on educational programs of higher education for all groups of the population, allowing to trace the state's approach to the preparation of professional personnel as for the budgets of different levels, and the expense of legal and physical persons. In addition, the author raises the question of embarrassment of

realization of the right to higher education, caused by the large number of corrective changes to the current process of admission to educational organization directly during the validity of the admission campaign.

Keywords: *legal regulation of the admission campaign, the realization of the right to an educational institution of higher education, normative-legal basis of the receipt of the results common state exam and in-house testing educational organization, admission to bachelor and specialist, regulation of admission to the place of contracts on rendering paid educational services.*

Неоспоримость актуальности вопроса, затрагивающего правовые аспекты регулирования процесса приема в образовательные организации высшего образования (далее — ОО ВО), подтверждается заинтересованностью поступающих, их родителей и приемных комиссий образовательных организаций, поскольку ежегодно происходит практически полное обновление категории лиц поступающих, т. е. проблема ежегодно затрагивает новые слои населения, ранее не сталкивавшиеся с вопросами поступления в ОО ВО и не владеющие опытом использования своих правовых приоритетов в силу незнания законодательства о поступлении в ОО ВО. Ранее нами исследовались вопросы правового регулирования порядка поступления в вузы в 2014 г. [1, с. 92–98; 2, с. 5118–5145]. Актуальность исследуемого вопроса усиливается тем фактом, что проведение приемной кампании, направленной на набор обучающихся в ОО ВО начиная с 2015/2016 учебного года, регулируется нормами, скорректированными относительно ранее действующих норм. Основная цель исследования, представленного в данной статье, состоит в обобщении действующих законодательных норм, регулирующих поступление в ОО ВО летом 2015 г., и попытке обоснования внесения корректив в процедуру порядка приема в ОО ВО на 2015/2016 учебный год на основе проведенного анализа внешних факторов и с учетом действующего в России правового поля.

Конституционное право каждого гражданина Российской Федерации на получение образования, гарантированное ст. 43, фактически в настоящий момент регулируется Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3] (далее — Закон «Об образовании»). Указанный Закон, вступивший в силу в полном объеме с 1 сентября 2014 г., в ст. 63–67 и 68–72 определяет уровни образования, реализуемые в нашей стране: общее образование и профессиональное образование. Последнее, в свою очередь разделяется на среднее профессиональное и высшее образование.

Формирование грамотного, высокопрофессионального работника связано с постоянным развитием его способностей и компетенций в процессе обучения и совершенствования. Образовательный потенциал государства зависит от наличия слаженной системы предоставления возможности получения образования от начального до завершающего уровня и обеспечения качественной реализации обучения на каждом уровне, наличия проникающих межуровневых образовательных связей и правовых гарантий их исполнения. Для обеспечения достижения высшего уровня профессионализации работника основополагающее значение имеет наличие возможности получения высшего образования и правового механизма осуществления отбора претендентов для получения высшего образования.

Отметим, что п. 3 ст. 43 Конституции России гласит: «Каждый вправе на конкурсной основе бесплатно получить высшее образование в государственном или муниципальном образовательном учреждении и на предприятии».

Кроме того, в Законе «Об образовании» в ст. 101 определяется право образовательной организации осуществлять свою образовательную деятельность «за счет средств физических и (или) юридических лиц по договорам об оказании платных образовательных услуг» [3].

Таким образом, лицам, желающим получить высшее образование, законодательно гарантировано право его получения, которое, в свою очередь, предполагает, с одной стороны, предоставление возможности получения образования гражданам за счет государственных средств (оплачиваемых из бюджетов различных уровней), с другой стороны, получение высшего образования за счет собственных средств юридических и физических лиц.

В настоящее время правовые нормы поступления в образовательные организации для получения высшего образования сосредоточены в отдельном самостоятельном документе. Важно отметить, что изменения в правила поступления в образовательные организации для получения высшего образования вносятся достаточно регулярно и с нарастающей динамикой. Так, с 2011 по 2013 гг. действовал общий порядок приема на протяжении всех трех лет [4]. Появление нового порядка приема в образовательные организации высшего образования в 2014 г. [5], реализующие образовательные программы высшего образования, вполне обосновано вступлением в полную силу нового Закона «Об образовании». Поскольку нормативное регулирование поступления в вузы в период с 2011 по 2013 гг. носило характер переходного документа от ранее действовавшего Закона РФ «Об образовании» [6] к новому Закону «Об образовании» [3], вполне обоснован тот факт, что произошло изменение норм регулирования порядка приема в вузы.

В приемной кампании 2014 г. в качестве регулирующего нормативного акта выступал Приказ Минобрнауки России от 9 января 2014 г. № 3 «Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2014/15 учебный год» (далее — Порядок приема 2014 г.). В указанный порядок приема в ходе приемной кампании 2014 г. четырежды вносились изменения Приказами Минобрнауки России (от 13 мая 2014 г. № 517, от 19 мая 2014 г. № 553, от 11 июня 2014 г. № 654, от 22 июля 2014 г. № 772), дан ряд письменных разъяснений к их применению. Изменения носили вполне объективный характер. Часть изменений, внесенных после присоединения Республики Крым к России, была направлена на обеспечение конституционного права на получение образования крымчанами — гражданами Российской Федерации. Еще одна часть изменений, внесенных в нормативное регулирование приемной кампании летом 2014 г., была обусловлена несовершенством в сфере среднего общего образования, проявившимся в несоответствии продемонстрированного выпускниками школ и других образовательных организаций качества знаний по математике при сдаче Единого государственного экзамена (ЕГЭ) ожидаемым пороговым значениям, установленным Рособнадзором [7]. 9 июня 2014 г. были измене-

ны пороговые значения баллов по математике при сдаче ЕГЭ для получения аттестата о полном общем образовании [8]. Первоначально установленные [7] минимальные баллы ЕГЭ по математике обязательны для лиц, поступающих на образовательные программы, в которых математика является профильным предметом. Поступление на другие образовательные программы высшего образования было возможно с более низким (измененным) минимальным баллом ЕГЭ при наличии у абитуриента аттестата.

Таким образом, коррективы, внесенные в нормы регулирования порядка приема, с одной стороны, сохранили возможность выпускникам школ 2014 г. получить документ установленного образца о полном общем образовании, что позволило части лиц использовать свое право на получение высшего образования; с другой стороны, вызвали некоторый ажиотаж и необоснованные надежды поступающих на изменение пороговых минимальных значений ЕГЭ для поступления в вуз.

Выделим еще одну часть изменений, цель которых состояла в необходимости корректировки формулировок Порядка приема 2014 г., для достижения единообразия с формулировками Закона «Об образовании».

Объективность внесения корректирующих изменений в Порядок приема 2014 г. вполне закономерна и представлена выше. В целом изменения направлены на поддержание равных возможностей в нормативных документах при регулировании процесса доступности получения высшего образования и соответствия действующим законодательным нормам. В то же время происходящие в ходе приемной кампании изменения не могут не сказываться отрицательно на поступающих, которые в начале приемной кампании были ознакомлены с одними условиями приема, а затем эти условия изменились, что вызывало недоверие к участникам обеспечения порядка приема на местах.

Важной частью обеспечения соблюдения требований Закона «Об образовании» и правового регулирования на этапе подачи документов при поступлении в ОО ВО начиная с 2013 г. стало введение в действие единого информационного поля данных по поступающим, содержащего информацию о результатах ЕГЭ в виде реестра аналитической программы Федеральной информационной системы о Едином государственном экзамене «ФИС ЕГЭ» (с 2015 г. и «ФИС ГИА»). Система позволяет осуществлять проверку достоверности поданных документов о предыдущем образовании у лиц, окончивших школу и сдававших ЕГЭ с 2010 г. С помощью данной системы обеспечивается соблюдение требований, заложенных в порядок приема о подаче документов на участие в конкурсе на поступление не более чем в пять вузов. Сложность состоит в том, что дисциплина исполнителей приемных комиссий на местах, требующая внесения в систему сведений о поступающих ежедневно, пока сложно контролируема, да и ресурсные возможности быстрой обработки внутри программы не совершенны. Однако в целом создание ФИС ГИА обеспечивает соблюдение правовых аспектов при проведении приемной кампании.

В 2015 г. нормативное регулирование поступления в вузы определено «Порядком приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год» [9] (далее — Порядок приема 2015 г.). В указанный порядок приема с момента его регистрации в Минюсте

России 25 августа 2014 г. уже внесен ряд изменений 11 ноября 2014 г. [10], которые касаются корректировки формулировок на соответствие действующим законам Российской Федерации, в том числе Закону «Об образовании».

Особенность порядка приема в вузы в 2015 г. состоит в следующем:

— с одной стороны, в вузы поступят наиболее одаренные, способные к освоению выпускники школ. Для лиц, имеющих полное общее образование, фильтром оценки качества знаний, автоматически допускающим к возможности претендовать на поступление в вуз, выступает система ЕГЭ;

— с другой стороны, поступят лица, которым получение высшего образования важно для профессионального совершенствования или изменения профессии. У данной категории поступающих имеется выбор; поступать по результатам ЕГЭ или (в случае не прохождения ЕГЭ в текущем году) поступать по внутренним испытаниям, проводимым вузом;

— третьей категорией для поступления в вузы является категория граждан, имеющих особые права. Данная категория лиц закреплена в части III Порядка приема 2015 г.

Для обеспечения равного права на получение образования по образовательным программам высшего образования конкурс на зачисление проводится отдельно как по каждой образовательной программе, так и для каждой категории поступающих: отдельно для поступающих на базе полного общего образования и на базе профессионального образования.

Отметим, что в 2015 г., в отличие от 2014 г., поступление лиц, получивших полное общее образование до 1 января 2009 г. и не имеющих профессионального образования, будет производиться только по результатам ЕГЭ.

Таким образом, в настоящее время обеспечение права на получение образования в отношении освоения образовательных программ высшего образования регулируется обновленным Порядком приема 2015 г. Порядок приема претерпевает ежегодные изменения, ежегодно вводится в действие новый нормативный акт. С одной стороны, система правового регулирования приемной кампании совершенствуется. С другой стороны, лица, желающие реализовать свое право на получение образования по образовательным программам высшего образования, сталкиваются с препятствием, заключающемся в отсутствии стабильности к требованиям к поступающим и необходимости адаптироваться к обновленным условиям приема текущего года. Иначе говоря, приступая к освоению образовательной программы в 10 классе, обучающийся не имеет четкого понимания реализации своего права для возможности использовать его через два года по окончании школы.

Список литературы:

1. Куткович, Т.А. Правовое регулирование вопросов поступления в образовательные организации высшего образования на места по договорам об оказании платных образовательных услуг // Правовая политика и правовая жизнь. — 2014. — № 3. — С. 92–98.

2. Куткович, Т.А. Инструментарий для проведения анализа потенциальной платформы для реализации высшего образования в регионе на примере Новороссийска // В мире научных открытий. — 2014. — № 11/12. — С. 5118–5145.

3. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон РФ от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2012. — № 53, ст. 7598; 2013. — № 48, ст. 6165.

4. Об утверждении Порядка приема граждан в образовательные учреждения высшего профессионального образования : приказ Минобрнауки России от 28 декабря 2011 г. № 2895 // Российская газета. — 2012. — 27 янв.

5. Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2014/15 учебный год : приказ Минобрнауки России от 9 января 2014 г. № 3 (в ред. от 22 июля 2014 г.) // Российская газета. — 2014. — 25 февр.

6. Об образовании : закон РФ от 10 июля 1992 г. № 3266-1 (в ред. от 12 ноября 2012 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 3, ст. 150.

7. Об установлении минимального количества баллов единого государственного экзамена по общеобразовательным предметам, подтверждающего освоение выпускником основных общеобразовательных программ среднего (полного) общего образования в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования : распоряжение Рособнадзора от 29 августа 2012 г. № 3499-10 // Вестник образования России. — 2012. — № 19/20.

8. О внесении изменений в распоряжение Рособнадзора от 29.08.2012 № 3499-10 «Об установлении минимального количества баллов единого государственного экзамена по общеобразовательным предметам, подтверждающего освоение выпускником основных общеобразовательных программ среднего (полного) общего образования в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования» : распоряжение Рособнадзора от 9 июня 2014 г. № 1120-10 // Вестник образования России. — 2014. — № 13.

9. Об утверждении Порядка приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год : приказ Минобрнауки России от 28 июля 2014 г. № 839 (в ред. от 11 ноября 2014 г.) // Российская газета. — 2014. — 3 сент.

10. О внесении изменений в Порядок приема на обучение по образовательным программам высшего образования — программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры на 2015/16 учебный год, утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 июля 2014 г. № 839 : приказ Минобрнауки России от 11 ноября 2014 г. № 1442 // Российская газета. — 2014. — 19 дек.

References:

1. Kutkovich, T.A. Pravovoe regulirovanie voprosov postuplenija v obrazovatel'nye organizacii vysshego obrazovanija na mesta po dogovoram ob okazanii platnyh obrazovatel'nyh uslug // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. — 2014. — № 3. — S. 92–98.

2. Kutkovich, T.A. Instrumentarij dlja provedenija analiza potencial'noj platformy dlja realizacii vysshego obrazovanija v regione na primere Novorossijska // V mire nauchnyh otkrytij. — 2014. — № 11/12. — S. 5118–5145.

3. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii : federal'nyj zakon RF ot 29 dekabrja 2012 g. № 273-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2012. — № 53, st. 7598; 2013. — № 48, st. 6165.

4. Ob utverzhenii Porjadka priema grazhdan v obrazovatel'nye uchrezhdenija vysshego professional'nogo obrazovanija : prikaz Minobrnauki Rossii ot 28 dekabrja 2011 g. № 2895 // Rossijskaja gazeta. — 2012. — 27 janv.

5. Ob utverzhdenii Porjadka priema na obuchenie po obrazovatel'nyh programmam vysshogo obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury na 2014/15 uchebnyj god : prikaz Minobrnauki Rossii ot 9 janvarja 2014 g. № 3 (v red. ot 22 ijulja 2014 g.) // Rossijskaja gazeta. — 2014. — 25 fevr.

6. Ob obrazovanii : zakon RF ot 10 ijulja 1992 g. № 3266-1 (v red. ot 12 nojabrja 2012 g.) // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. 1996. — № 3, st. 150.

7. Ob ustanovlenii minimal'nogo kolichestva ballov edinogo gosudarstvennogo jekzameny po obshheobrazovatel'nyh predmetam, podtverzhdajushhego osvoenie vypuschnikom osnovnyh obshheobrazovatel'nyh programm srednego (polnogo) obshhego obrazovaniya v sootvetstvii s trebovanijami federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego (polnogo) obshhego obrazovaniya : rasporyazhenie Rosobrnadzora ot 29 avgusta 2012 g. № 3499-10 // Vestnik obrazovaniya Rossii. — 2012. — № 19/20.

8. O vnesenii izmenenij v rasporyazhenie Rosobrnadzora ot 29.08.2012 № 3499-10 «Ob ustanovlenii minimal'nogo kolichestva ballov edinogo gosudarstvennogo jekzameny po obshheobrazovatel'nyh predmetam, podtverzhdajushhego osvoenie vypuschnikom osnovnyh obshheobrazovatel'nyh programm srednego (polnogo) obshhego obrazovaniya v sootvetstvii s trebovanijami federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta srednego (polnogo) obshhego obrazovaniya» : rasporyazhenie Rosobrnadzora ot 9 ijunja 2014 g. № 1120-10 // Vestnik obrazovaniya Rossii. — 2014. — № 13.

9. Ob utverzhdenii Porjadka priema na obuchenie po obrazovatel'nyh programmam vysshogo obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury na 2015/16 uchebnyj god : prikaz Minobrnauki Rossii ot 28 ijulja 2014 g. № 839 (v red. ot 11 nojabrja 2014 g.) // Rossijskaja gazeta. — 2014. — 3 sent.

10. O vnesenii izmenenij v Porjadok priema na obuchenie po obrazovatel'nyh programmam vysshogo obrazovaniya — programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury na 2015/16 uchebnyj god, utverzhdennyj prikazom Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossijskoj Federacii ot 28 ijulja 2014 g. № 839 : prikaz Minobrnauki Rossii ot 11 nojabrja 2014 g. № 1442 // Rossijskaja gazeta. — 2014. — 19 dek.

Е.И. Грузинская,
*кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин,
Новороссийский филиал Московского
гуманитарно-экономического
института*

А.О. Тахтенкова,
*общественный помощник прокурора
г. Новороссийска
sashenka2311@rambler.ru*

Е.И. Gryzinskaya,
*Candidate of Law,
the Department of State
and the Civil Law Disciplines
Novorossiysk branch of the Moscow
Humanitarian and Economic Institute
romirka@list.ru*

А.О. Tahtenkova,
*The public prosecutor's assistant
city of Novorossiysk
sashenka2311@rambler.ru*

Хищение имущества, находящегося при трупе: вопросы квалификации

Аннотация: актуальность статьи обусловлена учащением случаев хищения с мест захоронения, а также случаев хищения с тел захороненных. Точная квалификация подобных деяний составляет существенный пробел в законодательстве Российской Федерации, что не позволяет выработать единообразие правоприменения практики подобных случаев. Также одной из проблем совершения подобных деяний является низкая нравственная и моральная модели поведения, сложившиеся в

российском обществе. Цель статьи — изучить и проанализировать практику применения ст. 158 УК РФ и ст. 244 УК РФ и открыть новые возможности их правоприменения. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой) методов. Авторы заключают, что внесение изменений в Уголовный Кодекс РФ для правильной квалификации вышеуказанных деяний не даст ожидаемых результатов. Поэтому предлагается более расширительное толкование Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», что позволит разрешить вопрос с проблемой квалификации подобных деяний, внесет единообразие в судебную практику по данному вопросу. Одной из проблем совершения подобных деяний является низкий уровень нравственности и морали российского общества. Немаловажной остается и проблема низкого уровня правовой культуры нашего общества, отсутствия моральных и нравственных ценностей, особенно у подрастающих поколений. Выработка нравственных моделей поведения, а также повышение уровня правовой культуры должны искоренить мысли о совершении подобных деяний, особенно среди российской молодежи.

Ключевые слова: хищение, кража, надругательство над телами умерших, совокупность, постановление Пленума Верховного Суда РФ, квалификация, толкование.

Theft of property located at the corpse: qualification questions

Abstract: the relevance of the article due to the increasing incidence of theft from burial sites, as well as cases of theft from the bodies buried. The exact qualification of such acts is a significant gap in the legislation of the Russian Federation, which does not allow to develop uniformity of enforcement practice cases. Also one of the problems the commission of such acts is a low moral and ethical behavior patterns prevailing in Russian society. The purpose of the article — to study and analyze the practice of art. 158 of the Criminal Code and Art. 244 of the Criminal Code and the «open» new opportunities for their enforcement. Accomplish the task has been achieved with the help of general scientific (dialectical analysis, synthesis) and chastnonauchnogo methods (formal-legal, comparative law). The author concludes that changes to the Criminal Code of the Russian Federation for the proper application of the above articles do not give the expected results. It is therefore proposed a more expansive interpretation of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Law Enforcement Art. Art. 158, 244 of the Criminal Code of the Russian Federation, which will allow to resolve the issue with the problem of qualification of such acts, will uniformity in the jurisprudence on this issue. Also not unimportant is the problem of low legal culture prevailing in Russian society, the lack of moral and ethical values, especially among the younger generation. To solve the above problem, in turn develop moral behavior patterns, as well as increase the level of legal culture, which should eliminate the thought of such acts especially among young people of Russian society.

Keywords: embezzlement, theft, abuse of corpses, the set, the decision of the Supreme Court of the Russian Federation, qualification, interpretation.

В Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 г., за 18 лет внесены изменения 168 федеральными законами, осуществлено более 50 актов криминализации. В то же время уголовно-правовая политика нескольких последних лет характеризуется отсутствием какой-либо единой, четко сформулированной, закреплённой в нормативном акте и принятой на соответствующем уровне концепции. Об этом свидетельствуют поправки, которые, по словам профессора А.И. Коробеева «спорадически» вносятся в закон — в некоторые статьи изменения вносятся неоднократно, а в отдельные — по 5–6 раз. В одном из своих выступлений доктор юридических наук, профессор Н.А. Лопашенко заключила: «Если бы строители строили здания так же, как законодатели пишут Уголовный закон, первый залетевший дятел разрушил бы цивилизацию» [1].

За последние годы в Российской Федерации участились случаи хищения предметов с мест захоронения людей. По официальным статистическим данным за 2014 г. зафиксировано более 30 000 таких случаев. Причем, если раньше так называемое хищение совершалось только непосредственно с могилы, то теперь чужое имущество изымается и из могилы, и непосредственно с тела захороненного человека. Так, 17 марта 2014 г. в г. Санкт-Петербург двое подростков пришли на одно из кладбищ северной столицы. В ночь на 18 число они надругались над трупом погребенной 56 летней женщины, расчленив ее тело на части и засняв все это на камеру мобильного телефона, а также похитили золотой перстень, который находился в гробу. За это деяние пособники пообещали им вознаграждение в размере 500 рублей и «славу» в Интернете. В отношении 14 летнего и 16 летнего подростков ведется следствие [2].

За подобного рода деяния Уголовный кодекс РСФСР [3] вводил уголовную ответственность по ст. 229 — надругательство над могилой, а равно похищение находящихся в могиле или на могиле предметов наказывалось лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до двух лет. При этом похищением находящихся в могиле предметов являлось тайное, открытое или с помощью обманного способа изъятие из разрытой могилы находящихся на покойном предметом (одежды, наград, зубных протезов, ювелирных изделий) или предметов, погребенных вместе с ним.

Действующий УК РФ предусматривает в ст. 244 уголовную ответственность за надругательство над телами умерших либо уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминовением. В связи с тем, что в диспозиции статьи отсутствует признак «хищение» как один из альтернативных признаков состава преступления, предусмотренных настоящей статьей УК РФ, в теории уголовного права существует многообразие мнений по поводу точной квалификации хищения предметов, находящихся на теле захороненного человека или в месте его захоронения.

Анализ доктринальных источников позволил выявить три точки зрения относительно квалификации подобных деяний.

1. Тайное хищение предметов, находящихся на месте захоронения и непосредственно на захороненном, должно квалифицироваться как кража чужого имущества (ст. 158 УК РФ), поскольку данные предметы, по сути, являются собственностью тех лиц, которые передали их при погребении умершему. В обосновании своей позиции правоведы ссылаются на то, что предметы, находящиеся на теле покойного можно рассматривать как чью-то собственность. Согласно российскому законодательству, любые вещи, оставшиеся после смерти человека, наследуются его близкими, наследники становятся собственниками данного имущества и как собственники имеют преимущественное право распоряжаться им, в том числе и принять решение о захоронении данных вещей вместе с усопшим. В связи с этим предлагается внести в ч. 2 ст. 158 УК РФ пункт «д», который установит повышенную уголовную ответственность за хищение предметов, «находящихся на могиле, в могиле,

либо при трупе предметов» [4, с. 85]. При этом под трупом понимается как захороненное лицо, так и не захороненное, т. е. не имеет значения, совершена ли кража после непосредственного захоронения человека или с «лежащего неподалеку трупа». Под предметами в могиле и при трупе следует понимать все то, что имеет материальную стоимость.

2. Хищение предметов с места захоронения и с тела покойника не подлежит квалификации по ст. 158 УК РФ «Кража». Основным доводом является то, что захороненные в могиле предметы не являются ничьей собственностью, а считаются как бы «добровольно исключенными из гражданского оборота», т. к. те же наследники, собственники этих предметов сознательно от них отказались. Одним из главных признаков преступления является наличие вины. Исходя из этого, лицо посягает на предметы, находящиеся на теле усопшего, оно считает, что эти предметы уже никому не принадлежат. Данный факт исключает вменение статей по преступлениям, видовым объектом которых является собственность. Данная позиция также основана на правиле квалификации при конкуренции общей и специальной норм. Согласно положениям ч. 3. ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует, и уголовная ответственность наступает по специальной норме. Таким образом, совершение надругательства над телом умершего и хищение каких-либо предметов, составляющих материальную ценность, должно квалифицироваться по ст. 244 УК РФ, т. к. эти действия являются циничными и противоречащими моральным нормам уважительного отношения к усопшим.

3. Хищение предметов с места захоронения и с тела покойника должно квалифицироваться по совокупности преступлений, а именно по ст. 158 УК РФ «Кража» и ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших». Хищение предметов в данном случае расценивается как надругательство над телом умершего, т. к. подобное действие противоречит общепринятым моральным и нравственным нормам [5, 6, 7]. Тем не менее корыстные мотивы и способ надругательства не охватываются диспозицией ст. 244 УК РФ и соответственно подобная квалификация является необоснованной.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в правоприменительной практике актуальным является вопрос о единообразной квалификации хищения имущества, находящегося на месте и в месте захоронения, то есть непосредственно на теле умершего.

Как нам представляется, данное деяние охватывается ч. 1 ст. 158 УК РФ «Кража» при причинении ущерба менее, чем значительный, либо п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ при нанесении значительного ущерба. При этом содеянное не может быть квалифицировано по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам отметила, что установление Федеральным законом от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ [8] уголовной ответственности за кражу из одежды, сумки и другой ручной клади, находившихся при потерпевшем, связано с распространением карманных краж у живых лиц и не может влечь уголовную ответственность по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК за кражу имущества из одежды, находившейся при трупе [9, с. 31]. Излишним видится и степень

дополнения ст. 158 УК РФ, т. к. в основу дифференциации ответственности должна быть положена степень вреда, который причиняется непосредственному объекту уголовно-правовой охраны. Последним в данном случае выступает собственность, а место и обстановка совершения преступления не являются критериями, повышающими вредоносность содеянного. Они могут быть лишь учтены при назначении наказания.

По совокупности со ст. 244 УК РФ деяние надлежит квалифицировать в том случае, если объективная сторона содеянного помимо изъятия и (или) обращения в свою пользу имущества, находящегося при покойнике или в могиле, включает в себя и несанкционированную эксгумацию.

Таким образом, для разрешения обозначенной проблемы не предлагается вносить каких-либо изменений в УК РФ, который и без того «утолщается» с каждым месяцем. Более эффективным будет новое толкование уже имеющихся норм с учетом судебной практики, а именно дополнение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [10] указанием на то, что хищения, совершенные из мест и с мест захоронения, должны квалифицироваться по совокупности с ч. 1 либо п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ в зависимости от причиненного ущерба и, при наличии признака незаконной эксгумации — по соответствующей части ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших».

Подобный вариант правоприменения разрешит вопрос с проблемой квалификации подобных деяний, внесет единообразие в судебную практику по данному вопросу, а выработка нравственных моделей поведения будет способствовать искоренению мыслей о совершении подобных деяний.

Список литературы:

1. Лопашенко, Н.А. Уголовный закон, призванный бороться с преступностью, содержит нормы, ее порождающие // Независимая газета. — 2013. — 5 февр.
2. Главное Управление Министерства внутренних дел РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области : сайт. — URL: <https://78.mvd.ru/news> (дата обращения: 28.02.2015).
3. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. — 1960. — № 40, ст. 591.
4. Абдуллаев, А.С. Уголовно-правовой и криминологический анализ надругательства над телами умерших и местами их захоронений : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Абдуллаев. — Махачкала, 2002. — 168 с.
5. Лопашенко, Н.А. Посягательство на собственность / Н.А. Лопашенко. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — 393 с.
6. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. — СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. — 755 с.
7. Борзенков, Г.Н. Личная собственность под охраной государства / Г.Н. Борзенков. — М.: Знание, 1985. — 64 с.
8. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон РФ от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 44, ст. 4298.

9. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон РФ от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2009. — № 7.

10. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 23 декабря 2010 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2003. — № 2.

References:

1. Lopashenko, N.A. Ugolovnyj zakon, prizvannyj borot'sja s prestupnost'ju, sodержit normy, ee porozhdajushhie // Nezavisimaja gazeta. — 2013. — 5 fevr.

2. Glavnoe Upravlenie Ministerstva vnutrennih del RF po g. Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti : sajt. — URL: <https://78.mvd.ru/news> (data obrashhenija: 28.02.2015).

3. Ugolovnyj kodeks RSFSR ot 27 oktjabrja 1960 g. // Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1960. — № 40, st. 591.

4. Abdullaev, A.C. Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij analiz nadrugatel'stva nad telami umershih i mestami ih zahoroneni: dis. ... kand. jurid. nauk / A.S. Abdulaev. — Mahachkala, 2002. — 168 s.

5. Lopashenko, N.A. Posjagatel'stvo na sobstvennost' / N.A. Lopashenko. — M.: Norma: INFRA-M, 2012. — 393 s.

6. Bojcov, A.I. Prestuplenija protiv sobstvennosti / A.I. Bojcov. — SPb.: Jurid. centr Press, 2002. — 755 s.

7. Borzenkov, G.N. Lichnaja sobstvennost' pod ohranoj gosudarstva / G.N. Borzenkov. — M. : Znanie, 1985. — 64 s.

8. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah : federal'nyj zakon RF ot 31 oktjabrja 2002 g. № 133-FZ // Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii. — 2002. — № 44, st. 4298.

9. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii, Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah : federal'nyj zakon RF ot 31 oktjabrja 2002 g. № 133-FZ // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. — 2009. — № 7.

10. O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27 dekabrja 2002 g. № 29 (v red. ot 23 dekabrja 2010 g.) // Bjulleten' Verhovnogo Suda RF. — 2003. — № 2.

• ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО •

К.А. Минаев,
аспирант,
Саратовская государственная
юридическая академия

K.A. Minaev,
Post-graduate student
Saratov State Law Academy
K.A.Minaev@yandex.ru

Место и роль легализации ограничений прав и свобод человека и гражданина в правовой жизни общества

***Аннотация:** обеспечение и защита прав и свобод является прямой обязанностью государства. В то же время механизм правового регулирования должен содержать инструменты, направленные на обеспечение юридического равенства, сохранения баланса прав и свобод, а также обязанностей различных субъектов права. В связи с этим разработка и освещение вопросов, касающихся ограничений прав и свобод человека и гражданина, относится к наиболее значимым темам для отечественной юридической науки. Достаточно актуальными представляются вопросы рассмотрения обязательных критериев ограничения прав и свобод. Среди них стоит выделить легализацию, легитимацию и законность. При этом именно легализация ограничений является на сегодняшний день в наименьшей степени изученным фактором, что повышает теоретическую и эмпирическую ценность работы. Исходя из сказанного, в качестве предмета исследования стоит выделить легализацию ограничений прав и свобод человека и гражданина. Рассмотрение производится сквозь призму более широкой правовой категории «правовая жизнь», авторская оценка которой также представлена в работе. С учетом изложенного, данную статью можно рассматривать, с одной стороны, в качестве продолжения дискуссии относительно юридической природы правовой жизни, с другой стороны — как попытку методологически раскрыть сущность легализации ограничений прав и свобод человека и гражданина. Реализация поставленных задач была достигнута при помощи общенаучных (диалектический, анализа, синтеза и др.) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой и др.) методов исследования. Статья будет интересна широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современной юридической науки.*

***Ключевые слова:** правовая жизнь, ограничения прав и свобод человека и гражданина, правовые ограничения, юридическая легализация.*

Place and role of legalization of restrictions of the human rights and freedoms of in legal life of society

***Abstract:** providing and protection of the rights and freedoms is a direct obligation of the state. At the same time, the mechanism of legal regulation has to contain the tools aimed at providing legal equality, preservation of balance of the rights and freedoms, and also duties of various subject of law. In this connection, development and illumination of the questions concerning to the restrictions of the human rights and freedoms is one of the most significant subjects for domestic jurisprudence. Meanwhile, rather actual are seemed the questions of consideration of obligatory criteria of restriction of the rights and freedoms. Among them necessary to distinguish legalization, legitimization and legality. Thus legalization of restrictions is least studied factor that increases the theoretical and empirical value of work today. Proceeding from told, as a subject of the presented research it is worth allocating legalization of restrictions of the human rights and freedoms. The consideration is made through the prism of a broader legal category of «legal life», the author's evaluation which is also represented in the work. In view of the above, this article can be seen, on the one hand, as a continuation of the discussion on the nature of the «legal life», on the other hand — as an attempt to reveal the essence of the methodological limitations of the legalization of rights and freedoms*

of man and citizen. The implementation of the research objectives was achieved with the help of general scientific (dialectical method, analysis, synthesis and other) and special scientific methods (formal-legal and comparative-legal methods and other). Article will be interesting to a wide range of the readers who is interested in problems of modern jurisprudence.

Keywords: *legal life, restrictions of the rights and freedoms of the man and citizen, legal restrictions, juridical legalization.*

Специфика ограничения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина как правовой категории заключается в целевой направленности на изъятие определенных правомочий у объекта подобных ограничений, т. е. сужении меры возможного поведения лица в тех или иных правоотношениях. В условиях развития институтов правового государства, концепция которого до сих пор остается некой правовой целью, подобные ограничения должны отвечать определенным критериям, прежде всего, легитимности, легальности и законности. Для более подробного анализа значения категории легализации ограничений прав и свобод представляется необходимым ее рассмотрение сквозь призму более фундаментальных правовых категорий, в частности, правовой жизни общества.

Стоит отметить, что пальма первенства в разработке категории «правовая жизнь» принадлежит, прежде всего, представителям саратовской юридической школы: А.В. Малько, Н.И. Матузову, А.Е. Михайлову и др. Родоначальник концепции А.В. Малько дает следующую дефиницию понятия «правовая жизнь»: «Это форма социальной жизни общества, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [1, с. 92]. Правовая жизнь — некий аналог таких понятий, как культурная, политическая, экономическая и другие сферы жизнедеятельности общества, предельно широкая правовая реальность, включающая в себя и такое понятие, как «правовая система», т. е., по сути, объединяющая и господствующую правовую идеологию, и юридическую практику, и многое другое.

Однако, несмотря на сформулированное определение, отмечается, что правовая жизнь относится к разрабатываемым и уточняемым понятиям [2, с. 54], т. е. ее методологическое обоснование еще не завершено. Представляется возможной дискуссия по следующим вопросам: является ли понятие «правовая жизнь» поистине научной категорией; стоит ли включать в данное понятие противозаконность деяний тех или иных субъектов; как соотносится понятие правовой жизни с «правовой реальностью», «правовой действительностью», «правовой средой» и иными, схожими понятиями; является ли доказывание наличия категории правовой жизни подтверждением синергетических возможностей права к самоорганизации и т. д.

Не вдаваясь в научную полемику, хотелось бы отметить, что плюрализм мнений относительно категории правовой жизни еще раз подчеркивает интерпретационность юридической науки и ее зависимость от конкретного толкователя. В то же время можно согласиться с утверждением П. Рикёра: «Интерпретация — это работа мышления, которая состоит в расшифровке

смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [3, с. 18]. Так, в буквальном смысле жизнь — «одна из форм движения материи, возникшая в результате длительного развития природы» [4, с. 93]. Однако жизнь социальная — это нечто иное. Ее основой являются общественные отношения, возникающие между субъектами этого общества. Если человек не вступает в социальные отношения, то он не живет жизнью социальной, в собственном смысле этого слова. Примером может служить семья Лыковых, жившая отшельниками в тайге, обнаруженная советскими геологами в конце 70-х гг. XX в. Однако это совсем не означает, что социальная жизнь не включает в свое содержание асоциального поведения определенного индивида. Это совсем иной вопрос. Одно дело не жить в обществе и не поддерживать с ним никаких связей, но совсем другое — находиться с ним в определенных отношениях и совершать противные устоям и нормам этого общества поступки. На наш взгляд, стоит согласиться с мнением В.П. Козырькова относительно того, что частная жизнь человека, живущего в определенном обществе, находится в зависимом состоянии от жизни социальной [5, с.130, 136].

Таким образом, стоит признать, что совершение противоправных поступков все же является частью правовой жизни того общества, по отношению к которому они совершены, т. е. правовая жизнь включает в свое содержание как позитивные, так и негативные составляющие [6, с. 47–51].

Правовая жизнь теснейшим образом связана с ограничениями меры возможного поведения людей. Право, являясь регулятором общественных отношений, определяет меру свободы человека и гражданина. Ограничения прав и свобод призваны обеспечить сразу несколько задач: не допустить разрыва диалектической связи между субъективными правами и обязанностями; служить инструментом, направленным на установление равноправия; не допускать злоупотребления правами; воспитывать уважительное отношение к правам других лиц и не допускать их нарушения; охранять общественные отношения от противоправных посягательств и др.

Между тем ограничения прав и свобод человека и гражданина не могут быть произвольными. Предполагается, что их установление должно соответствовать строго определенным принципам, среди которых значится необходимость их законодательного регулирования [7].

Безусловно, правовая жизнь касается не только юридических норм, но и нематериальных аспектов — отношения к праву, правовой психологии, правовой культуры и т. п. И в этом смысле человек может сам для себя установить ряд определенных ограничений. Эти ограничения могут касаться его поступков, поведения и т. д. Однако эти «самоограничения» могут и не быть отражены в юридических нормах, не являясь в последнем случае правовыми. Из сказанного следует, что не все ограничения прав и свобод являются правовыми (т. е. установленными правом), равно как и не все правовые ограничения касаются только лишь прав и свобод человека и гражданина. Примером могут служить ограничения полномочий политической власти как один из основополагающих принципов правового государства.

Легализация правовых ограничений — не только принцип, но и одно из условий введения этих ограничений. Так, в п. 15 Сиракузских принципов о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном Пакте о гражданских и политических правах, сказано, что «никакие ограничения не накладываются на осуществление прав человека, за исключением тех случаев, когда это предусматривается национальным законом общего применения, который совместим с Пактом и находится в силе в момент применения ограничения» [7].

Легализация — это, по сути, отражение, характеристика процесса введения ограничений, их материализация. Примером легализации может служить правотворческий процесс по обсуждению, одобрению, подписанию и опубликованию юридической нормы, содержащей такие ограничения. При этом, учитывая специфику ограничений прав и свобод, необходимо, чтобы их легализация была сопряжена с легитимацией, т. е. общественным признанием необходимости введения этих ограничений. В противном случае государство может столкнуться с социальными конфликтами, вызванными элементарным непониманием людьми необходимости таких ограничений.

Нельзя не отметить того факта, что отсутствие легально закрепленных норм также может существенно ограничивать свободу человека. При этом отсутствие формализованной правовой нормы, которая могла бы закрепить то или иное правомочие лица, можно признать юридическим ограничением лишь в самом широком смысле этого слова. При этом семантическое значение слова «юридический» не будет собственно правовым, а отражает, скорее, социальную оценку отсутствия «необходимого» закона, юридической «проблемности».

Легализация в этом смысле служит связующим звеном между правовой жизнью и ограничениями прав и свобод человека и гражданина, отражая необходимость закрепления последних в юридической норме. Легальный характер ограничений призван служить их формальной четкости, не допускать применения незаконных (законодательно не закрепленных) ограничений прав и свобод. В свою очередь, содержательная четкость заключается в точности законодательных определений, призванных внести ясность для фактической реализации подобных ограничений, не допускать их двойственного толкования.

Таким образом, легализация ограничений прав и свобод человека и гражданина является одним из важнейших факторов качества правовой жизни. В то же время легализация ценна не сама по себе и если не в совокупности, то в тесной связи с легитимностью (общественным признанием) и законностью (требованием к соблюдению всеми субъектами правоотношений юридических норм), а также фактической реализацией тех ограничений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, которые легально закреплены.

Список литературы:

1. Краткий юридический словарь / отв. ред. А.В. Малько. — М.: Проспект, 2010. — 496 с.
2. Лебедева, Е.Н. Правовая политика как общетеоретическая категория // Вектор науки ТГУ. — 2011. — № 5. — С. 50–55.
3. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр; пер. И. Сергеевой — М.: Academia-Центр: Медиум, 1995. — 415 с.

4. Краткий словарь по философии / под общ. ред. И.В. Блауберга, И.К. Пантина. — 4-е изд. — М.: Политиздат, 1982. — 431 с.
5. Козырьков, В.П. Частная жизнь личности и приватизация культуры // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. — 2002. — № 1. — С. 125–138.
6. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. — Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2005. — 528 с.
7. Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах, 28 сентября 1984 г., E/CN.4/1985/4. — URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4933d0b22.html> (дата обращения: 07.05.2014).

References:

1. Kratkij juridicheskij slovar' / otv. red. A.V. Mal'ko. — M.: Prospekt, 2010. — 496 s.
2. Lebedeva, E.N. Pravovaja politika kak obshheteoreticheskaja kategorija // Vektor nauki TGU. — 2011. — № 5. — S. 50–55.
3. Rikjor, P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenевtike / P. Rikjor; per. I. Sergeevoj — M.: Academia-Centr: Medium, 1995. — 415 s.
4. Kratkij slovar' po filosofii / pod obshh. red. I.V. Blauberга, I.K. Pantina. — 4-е изд. — М.: Politizdat, 1982. — 431 с.
5. Kozyr'kov, V.P. Chastnaja zhizn' lichnosti i privatizacija kul'tury // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N.I. Lobachevskogo. Ser.: Social'nye nauki. — 2002. — № 1. — S. 125–138.
6. Pravovaja zhizn' v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt / pod red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko. — Saratov: Izd-vo GOU VPO «SGAP», 2005. — 528 s.
7. Sirakuzskie principy o polozhenijah, kasajushhihsja ogranichenija i umalenija prav v Mezhdunarodnom pakte o grazhdanskijih i politicheskijih pravah, 28 sentjabrja 1984 g., E/CN.4/1985/4. — URL: <http://www.refworld.org.ru/docid/4933d0b22.html> (data obrashhenija: 07.05.2014).

С.В. Агаренков,
аспирант,
Саратовская государственная
юридическая академия

S.V. Agarenkov,
Postgraduate of department of land and
environmental law
praevius@inbox.ru

Анализ развития отечественного лесного законодательства в эпоху индустриализации и коллективизации

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы развития лесного законодательства СССР в период проведения политики форсированного наращивания промышленного потенциала страны, а также в процессе массового возникновения коллективных крестьянских хозяйств 1925–1937 гг. Автор анализирует нормативно-правовую базу, регулирующую общественные отношения по охране и использованию лесных ресурсов страны в рассматриваемый период. Подчеркивается, что исследование юридических норм в данной сфере правоотношений невозможно без характеристики совокупности экономических и политических вопросов, связанных с лесопользованием. Анализируются основные направления охраны и использования лесов в советском государстве; средства достижения целей, которые ставились руководством страны в условиях претворения в жизнь идей плановой

административно-хозяйственной экономики, приводятся ее недостатки и освещаются последствия ее проведения для лесного хозяйства. Для более полного раскрытия темы используются архивные данные, периодические издания 20-х, 30-х гг., научная литература, свидетельства очевидцев, современные источники. Предлагаемый автором подход к изучению проблем лесосохраны и лесопользования в СССР может быть использован для проведения историко-правовых исследований в иных сферах природоресурсного и экологического права — охраны и использования земель, недр, вод, атмосферного воздуха, животного и растительного мира. Статья предназначена для специалистов в области природоресурсного и экологического права, историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами становления отечественного лесного права и законодательства.

Ключевые слова: лесное законодательство, лесное хозяйство, индустриализация, коллективизация, лесная промышленность, охрана и использование лесов.

The analysis of development of the domestic forest legislation during at the period of industrialization and collectivization

Abstract: the article deals with questions of development of the forest legislation of the USSR during policy of the forced accumulation of industrial capacity of the country, and also in the course of mass emergence of collective country farms of 1925–1937. The author analyzes legal basis regulating the public relations on protection and use of forest resources of the country during the considered period. It is emphasized that research of legal norms in the considered sphere of legal relationship is impossible without set of characteristic of the economic and political affairs connected with forest exploitation. The main directions of protection and use of the woods in the Soviet state are subject to consideration. The author carries out the analysis of means of achievement of the objectives which were put by the country leaders in the conditions of implementation of ideas of planned administrative economy, its shortcomings are given and consequences of its carrying out for forestry are lit. For fuller disclosure of a subject contemporary records, periodicals of 20th, 30th, scientific literature, attestations of eyewitnesses, modern sources are used. The approach to studying of problems of forest conservation and forest exploitation offered by the author in the USSR can be used for carrying out historical and legal researches in other spheres of the nature-resource and environmental law — protection and use of lands, a subsoil, waters, atmospheric air, an animal and flora. Article is intended for experts in the sphere of the nature-resource and ecological right, historians, and also for laymen, interested in questions of formation of the domestic forest legislation.

Keywords: forest legislation, forestry, industrialization, collectivization, forest industry, protection and use of the woods.

Период с 1925 по 1937 гг. имел для нашей страны особое значение. Государство, разрушенное гражданской войной, с дестабилизированной социально-политической обстановкой, отстающей от запада более чем на 50 лет в промышленном плане, нуждалось в проведении решительных восстановительных мер. В плачевном состоянии находились все сферы народного хозяйства, в том числе лесное. Руководство страны во главе с И.В. Сталиным на XIV съезде ВКП(б) 1925 г. провозгласило курс на индустриализацию. Законодательно начало новой промышленной политики было провозглашено на IV съезде Советов ССР в апреле 1927 г. Масштабной модернизации подлежали все сферы промышленности — тяжелая, легкая, текстильная, строительная, лесозаготовительная и т. д. Однако государство столкнулось со значительными проблемами в реализации столь амбициозной промышленной политики. В частности, одной из главных причин невыполнения программ лесосплава, а также выгрузки древесины явился острый недостаток рабочей силы.

Значительному реформированию подверглась сфера сельского хозяйства. Коллективизация, или «величайшая социальная революция» [1, с. 3], как ее называют в литературе прошлых лет, подразумевала под собой создание общественного земледелия, ликвидацию индивидуальных, кулацких фермерских хозяйств и, как следствие, образование коллективных хозяйств — колхозов.

Как отмечается в научной литературе, в рассматриваемый период лесное хозяйство, как и лесное законодательство находились на достаточно низком уровне [2, с. 11]. Законодательство 1920-х гг. регулировало, в основном, отношения, связанные с заготовкой древесины. Лесное хозяйство велось экстенсивным путем, в котором труд человека играл ничтожную роль, а предметом лесопользования являлась древесина, ее урожай созрел десятки лет, чаще всего без применения человеческого труда [3, с. 285].

Отличительной характеристикой рассматриваемого периода являлось полное несоответствие принимаемых нормативных актов фактическому положению дел в сфере лесного хозяйства. Законы, носившие экологический характер, призванные улучшить положение в лесном хозяйстве страны, на деле оказались лишь фикцией. Проводилась политика массовой вырубке лесных насаждений: цель лесного хозяйства состояла не в улучшении лесного фонда и, как следствие, увеличении его рентабельности, а в рубке как можно большего количества насаждений, по возможности, самыми дешевыми способами.

Более того, учитывая высочайшую доходность от лесозэкспорта, государство тратило минимальные средства на лесовосстановление. Так, в 1926 г. расходы бюджета на данную сферу составили 5 копеек на 1 га лесов: 3 копейки — содержание лесничеств, 1 копейка — содержание административного аппарата, 1 копейка — проведение лесохозяйственных работ. Доход же с 1 га составлял 34 копейки [4, с. 146].

Большое значение, на наш взгляд, имело Постановление СНК СССР «О мерах к упорядочению лесного хозяйства» [5], содержащее объективную критику и конкретные меры решения существовавших в лесном хозяйстве проблем. Среди прочего в постановлении указывалось на недостаточную обследованность лесов, техническое несовершенство проведения лесохозяйственных и лесозаготовительных работ, плохое финансирование лесного хозяйства, тяжелые условия труда лесничих и прочих лесных специалистов, которые приводили к массовому оттоку квалифицированных кадров. В числе положительных характеристик приводились следующие: улучшение порядка отпуска леса на корню и системы взимания лесных доходов, выделение лесов местного значения [6]. Выделение последних в отдельную категорию, как отмечается в литературе, имело важный политический и хозяйственный эффект, «приблизило лес к населению» и обеспечило население древесиной [7, с. 10].

На заседании Совета Совнаркома РСФСР 7 января 1926 г. была признана необходимость ведения лесного хозяйства на основе единого плана, призванного решать задачи индустриализации. Прогрессивная идея планового ведения лесного хозяйства, тем не менее, могла дать желаемый эффект только при безупречной структуре и бесперебойной работе центрального органа управления лесным фондом. Однако хорошей организации деятельности соответствующих структур не наблюдалось, руководство лесным хозяйством страны признавалось

неудовлетворительным. Более того, существовала острая нехватка квалифицированных лесоводов. Тем не менее подлежала массовому увольнению лесная стража вследствие невозможности ее материального обеспечения [8].

Постановлением СТО от 27 августа 1928 г. был утвержден перспективный план развития лесного хозяйства и лесной промышленности Союза ССР за пятилетие 1928–1933 гг. [9]. Государством ставилась задача создания новой системы лесного хозяйства, способной обеспечить население и зарубежных покупателей готовыми лесоматериалами.

Заслуживает внимания Постановление от 26 ноября 1929 г. «О состоянии и перспективах развития лесного хозяйства и лесной промышленности РСФСР» [10], в котором ЦИК констатирует, что лесное хозяйство является основной сырьевой базой для строительства и топливно-энергетического комплекса, служит одним из источников пополнения бюджета страны. Однако нигде в данном акте нельзя найти положений о важнейшем экологическом значении лесов, необходимости улучшения их качества, проведения охранно-защитных мероприятий, повышения продуктивности лесных насаждений. Признавалось, что продукция лесной промышленности и лесного хозяйства занимает первое место в экспортной политике СССР. Однако эти важнейшие отрасли находились в отсталом состоянии. Причина их неэффективности видится в их технической отсталости, отсутствии цикличности всего производственного процесса, недостаточности предприятий целлюлозно-бумажной, лесохимической, деревообрабатывающей промышленности в лесоизбыточных районах, а также недостатке квалифицированных кадров. В данный период выдвигались политические лозунги о вовлечении в хозяйственный оборот неосвоенных лесов, в то время как уже вовлеченные в эксплуатацию леса использовались крайне неэффективно.

Таким образом, исследовав источники лесного права эпохи индустриализации и коллективизации, политическую и социально-экономическую обстановку в государстве, можно сделать ряд выводов. Во-первых, законодательство, регулировавшее лесное хозяйство и лесную промышленность, было полностью подчинено реализации планов-пятилеток, выработанных советским правительством, а также интенсификации рубок, порой нарушающих выработанные веками правила лесоводства. Во-вторых, цели обеспечения населения и государства лесоматериалами, которые устанавливались законодательством, на деле воплощались в массовый экспорт леса-кругляка в связи с необходимостью пополнения золотовалютных запасов страны. В-третьих, нельзя не отметить положительные законодательные тенденции по проведению восстановительных, охранно-защитных мероприятий в лесах: достаточное внимание уделялось борьбе с засухой, пожарами, повсеместно проводились Дни леса. В-четвертых, с сожалением приходится констатировать тот факт, что большинство работ, особенно это касается северных регионов, проводились миллионами людей не по доброй воле. Лесное законодательство трансформировалось под воздействием потребностей социалистического государства, которое нередко забывало о потребностях миллионов граждан, его населявших. Стремление к реализации заведомо невыполнимых планов

наложило отпечаток на судьбы многих людей, коренным образом изменило обстановку в лесном хозяйстве и лесной промышленности.

Список литературы:

1. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения. Краткий очерк истории / М.А. Вылцан, В.П. Данилов, В.В. Кабанов, Ю.А. Мошков. — М.: Колос, 1982. — 399 с.
2. Крассов, О.И. Тенденции развития советского лесного законодательства // Правоведение. — 1987. — № 4. — С. 9–16.
3. Розенблюм, Д.С. Земельное право РСФСР / Д.С. Розенблюм. — М.; Л.: Изд-во Ком. акад., 1925. — 136 с.
4. Колданов, В.Я. Очерки истории советского лесного хозяйства / В.Я. Каданов. — М.: Экология, 1992. — 254 с.
5. О мерах к упорядочению лесного хозяйства : постановление СНК СССР от 2 февраля 1928 г. // Собр. законодательства СССР. — 1928. — № 21, ст. 189.
6. Об утверждении положения о лесах местного значения : постановление СНК от 30 декабря 1928 г. // СУ РСФСР. — 1928. — № 10, ст. 95.
7. Лесное хозяйство СССР 1917–1957. — М.; Л.: Гослесбумиздат, 1958. — 276 с.
8. ГАВО. Ф. 1615. Д. 46. Л. 38–40; ГАВО. Ф. 276. Д. 2508. Л. 15.
9. Об утверждении перспективного плана развития лесного хозяйства и лесной промышленности Союза ССР за пятилетие 1928–1933 гг. : постановление СТО от 27 августа 1928 г. // Собр. законодательства СССР. — 1928. — № 59, ст. 550.
10. О состоянии и перспективах развития лесного хозяйства и лесной промышленности РСФСР : постановление ВЦИК от 26 ноября 1929 г. // СУ РСФСР. — 1929. — № 87/88, ст. 848.

References:

1. Kollektivizacija sel'skogo hozjajstva v SSSR: puti, formy, dostizhenija. Kratkij ocherk istorii / M.A. Vylcan, V.P. Danilov, V.V. Kabanov, Ju.A. Moshkov. — M.: Kolos, 1982. — 399 s.
 2. Krassov, O.I. Tendencii razvitija sovetskogo lesnogo zakonodatel'stva // Pravovedenie. — 1987. — № 4. — S. 9–16.
 3. Rozenbljum, D.S. Zemel'noe pravo RSFSR / D.S. Rozenbljum. — M.; L.: Izd-vo Kom. akad., 1925. — 136 s.
 4. Koldanov, V.Ja. Oчерki istorii sovetskogo lesnogo hozjajstva / V.Ja. Kadanov. — M.: Jekologija, 1992. — 254 s.
 5. O merah k uporjadocheniju lesnogo hozjajstva : postanovlenie SNK SSSR ot 2 fevralja 1928 g. // Sobr. zakonodatel'stva SSSR. — 1928. — № 21, st. 189.
 6. Ob utverzhenii polozhenija o lesah mestnogo znachenija : postanovlenie SNK ot 30 dekabrja 1928 g. // SU RSFSR. — 1928. — № 10, st. 95.
 7. Lesnoe hozjajstvo SSSR 1917–1957. — M.; L.: Goslesbumizdat, 1958. — 276 s.
 8. GAVO. F. 1615. D. 46. L. 38–40; GAVO. F. 276. D. 2508. L. 15.
 9. Ob utverzhenii perspektivnogo plana razvitija lesnogo hozjajstva i lesnoj promyshlennosti Sojuza SSR za pjatiletie 1928-1933 gg. : postanovlenie STO ot 27 avgusta 1928 g. // Sobr. zakonodatel'stva SSSR. — 1928. — № 59, st. 550.
 10. O sostojanii i perspektivah razvitija lesnogo hozjajstva i lesnoj promyshlennosti RSFSR : postanovlenie VCIK ot 26 nojabrja 1929 g. // SU RSFSR. — 1929. — № 87/88, st. 848.
-

Д.Ю. Макаров,
аспирант,
Саратовская государственная
юридическая академия

D.Yu. Makarov,
the post-graduate student,
Saratov State Law Academy
makarov-proc.rf@mail.ru

Криминологическая обусловленность уголовно-правовой охраны прав граждан, связанных с получением вознаграждения за труд

***Аннотация:** актуальность статьи обусловлена значимостью криминологической характеристики преступления для обеспечения эффективности уголовно-правовой охраны объекта, на который оно посягает. Цель статьи — выявить социально-криминологические свойства невыплаты заработной платы, раскрыть их содержание и определить, указывают ли они на необходимость реализации именно уголовно-правовой охраны прав граждан, связанных с получением вознаграждения за труд. Достижение данной цели стало возможным благодаря применению всеобщего диалектического метода познания явлений и процессов окружающей действительности и базирующихся на нем общенаучных (анализа, синтеза, индукция, дедукция, системный, логический и др.) и частнонаучных (формально-юридический, социологический, статистический и др.) исследовательских методов. Автор делает выводы, что основанием выбора режима уголовно-правовой охраны выступает общественная опасность деяния, которая применительно к криминальной невыплате заработной платы определяется значимостью охраняемого объекта, степенью причиняемого ему деянием вреда и мотивами совершения такого деяния. Данные криминологической характеристики свидетельствуют о необходимости уголовно-правовой охраны прав граждан, связанных с получением вознаграждения за труд в связи со значительной распространенностью преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, и прогнозируемым ростом их количества в связи с продолжающейся экономической нестабильностью. Криминогенным фактором, порождающим совершение преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ, и обуславливающим их латентность, выступает отсутствие обязанности субъектов малого предпринимательства по представлению статистических сведений о просроченной задолженности по заработной плате.*

***Ключевые слова:** криминологическая характеристика, невыплата заработной платы, уголовно-правовая охрана, общественная опасность, право на вознаграждение за труд, латентность преступлений.*

Criminological characteristic of criminal legal protection of the rights of citizens connected with receiving salary for work

***Abstract:** relevance of article is caused by the importance of the criminological characteristic of a crime for ensuring efficiency of criminal legal protection of the object. Article purpose — to analyse criminological characteristic of nonpayment of a salary in aspect of conditionality of criminal legal protection of the right for salary for work. Realisation of the tasks was reached by means private scientific of a general dialectic method, general scientific methods of the analysis and synthesis and the methods — statistical, logical, sociological, legallistic. The author gets conclusions the basis of a choice of the mode of criminal legal protection is public danger of act which in relation to criminal nonpayment of a salary is defined by the protected object, by harm and motives of commission of the crime. These criminologic characteristics testify to necessary of criminal legal protection of the rights of the citizens connected with receiving remuneration for work in connection with considerable prevalence of the crimes provided by Art. 145.1 YK RF of the criminal code of the Russian Federation and the predicted growth of their quantity in connection with the proceeding economic instability. Criminogenic factor of the crimes provided by Art. 145.1 YK RF which stimulates their latence is an absence of the small business obligation to represent statistic of delinquent salary.*

***Keywords:** criminological characteristic, nonpayment of a salary, criminal legal protection, public danger, right for salary for work, latence of crimes.*

Обеспечение прав, связанных с получением вознаграждения за труд, осуществляется нормами нескольких отраслей права, в том числе

уголовного. Выбор режима правовой охраны тех или иных прав и свобод личности связан с характеристикой как самого охраняемого объекта, так и посягательств на него. Значительную роль в этом отношении играют социально-криминологические параметры отклоняющегося поведения.

Общеизвестно, что закрепление тех или иных противоправных деяний в качестве преступных обуславливается их общественной опасностью. По мнению Л.М. Прокументова, общественная опасность определяется объектом преступного посягательства и его объективной стороной — прежде всего, реальным ущербом или созданием возможности ущерба, в то время как субъект и субъективная сторона деяния не являются определяющими элементами общественной опасности преступления [1, с. 20]. В связи с этим очевидно, что режим уголовно-правовой охраны избирается при повышенной значимости объекта, которому она представляется. По справедливому замечанию А.Н. Сайгашкина, такие объекты имеют стратегическое значение для общества, и их совокупность образует тот необходимый минимум условий для его нормального существования и развития, при отсутствии которого обществу грозит гибель [2, с. 20–21].

Значимость объектов уголовно-правовой охраны общественных отношений, в рамках которых происходит реализация права на вознаграждение за труд, обусловлена тем, что данное право среди других трудовых прав и свобод работников играет важнейшую роль, и его реализация в условиях существующих экономических отношений, основанных на товарно-денежном обращении, выступает основной целью применения способностей к труду и направлена на обеспечение существования личности путем получения средств в качестве оплаты приложенного труда. Для большинства граждан заработная плата, а также пенсия, стипендия и иные социальные выплаты нередко являются единственным источником средств к существованию, и лишение граждан таких источников или существенная задержка в их выплате приводят к значительным негативным явлениям в обществе и государстве. Достижение критической массы таких невыплат чревато катастрофическими социальными катаклизмами, что и обуславливает необходимость правовой охраны соответствующих общественных отношений.

Критерием общественной опасности применительно к рассматриваемым преступлениям выступает также степень вреда, причиняемого объекту уголовно-правовой охраны. Ее выражением служат размер невыплаченной заработной платы и срок неисполнения обязанности по ее выплате.

Не соглашаясь с приведенной ранее точкой зрения Л.М. Прокументова, полагаем, что в ряде случаев в формировании общественной опасности деяния участвуют признаки его субъективной стороны, а именно мотивы и цели, и тогда законодатель указывает на них в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы. В ст. 145.1 УК РФ преступный характер невыплаты заработной платы и иных социальных выплат справедливо связывается с корыстной или иной личной заинтересованностью виновного субъекта. Тем самым подчеркивается, что невыплата приобретает черты общественно опасного поведения только в тех случаях, когда она обусловлена низменными побуждениями человека, и именно в этих случаях требуется уголовно-правовая охрана соответствующих отношений.

В то же время полагаем возможным согласиться с позицией названного автора в том, что субъект преступления не выражает его общественную опасность, т. к. признаки субъекта выступают только условием привлечения лица к уголовной ответственности.

По мнению П.А. Фефелова, общественная опасность преступления состоит в возможности его повторения, прецедентности [3, с. 27]. Повторяемость деяния позволяет выявить динамику, количественно-качественные характеристики соответствующего вида преступности, что, в свою очередь, должно способствовать выбору режима правовой охраны и наполнению его адекватным содержанием.

Говоря о динамике невыплаты заработной платы начиная с 2009 г., следует отметить, что, если после мирового финансового кризиса 2008 г., в период с 2009 г. по 2013 г., имело место снижение просроченной задолженности по заработной плате перед работниками, то в 2014 г. наблюдалось увеличение соответствующих показателей. В целом по стране на 1 января 2014 г. по сравнению с состоянием на 1 января 2013 г. увеличение составило почти 25 %. По состоянию на 1 июня 2014 г. сумма задолженности по заработной плате составила 2720 млн рублей, увеличившись по сравнению с 1 января 2014 г. на 39,5 %. Аналогичная динамика прослеживается и с численностью работников, перед которыми организация имеет задолженность по заработной плате. Увеличение соответствующего показателя на 1 января 2014 г. по сравнению с 1 января 2013 г. составило 2,2 %, при том, что в период с 2009 г. по 2013 г. этот показатель снижался. На 1 июня 2014 г. численность работников, перед которыми имелась задолженность по оплате труда, составила уже 82 тыс. человек, увеличившись по сравнению с 1 января 2014 г. более чем на 50 % [4].

Указанные негативные тенденции, выражающиеся в увеличении как размера задолженности по заработной плате, так и числа работников, перед которыми имеется такая задолженность, свидетельствуют об ухудшении социально-экономической ситуации в стране. Не секрет, что последнее является значимым криминогенным фактором, в том числе в отношении деяний, подпадающих под признаки ст. 145.1 УК РФ.

Следует также отметить источники образования просроченной задолженности по выплате заработной платы. Из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации просроченная задолженность в период с 1 января 2009 г. по 1 января 2014 г. сократилась с 260,5 до 2,5 млн рублей, т. е. более чем в 100 раз. В тот же период задолженность по оплате труда из-за отсутствия собственных средств работодателя также сократилась с 4413 до 1946,5 млн рублей, однако по сравнению с состоянием на 1 января 2013 г. этот показатель на аналогичную дату 2014 г. вырос почти на 25 %. На 1 июня 2014 г. задолженность из-за несвоевременного получения денежных средств из бюджетов всех уровней составила 82 млн рублей и составила 3 % от суммы общей задолженности, а 97 % образовалось из-за отсутствия собственных средств работодателя (2638 млн рублей, что более чем на 35 % выше аналогичного показателя на 1 января 2014 г.) [4]. Таким образом, основная причина наличия задолженности по заработной плате лежит не в недостаточности бюджетного финансирования, а в отсутствии собственных средств у самих работодателей.

В соответствии с этим складывается и судебная практика. Так, из числа 84 изученных уголовных дел, возбужденных по ст. 145.1 УК РФ и рассмотренных мировыми судьями в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах за период с 2008 г. по 2012 г., только по 6 делам обвиняемые являлись руководителями организаций, находящихся в государственной или муниципальной собственности, т. е. почти в 93 % случаев они были заняты в частном секторе экономики.

Необходимо отметить, что государственные органы статистики оперируют только сведениями, полученными от тех субъектов хозяйственной деятельности, которые в силу закона обязаны их представлять. Соответственно, за рамками таких статистических данных остались организации и индивидуальные предприниматели, относящиеся к субъектам малого предпринимательства, в соответствии с законом не несущие обязанности по представлению сведений о задолженности по зарплате. Упрощенный порядок представления субъектами малого и среднего предпринимательства первичных статистических данных субъектам официального статистического учета предполагает, что сведения о просроченной задолженности по заработной плате на первое число каждого месяца должны представлять только юридические лица, не относящиеся к числу субъектов малого предпринимательства, т. е. к числу тех, в которых количество работников не превышает ста человек [5].

По состоянию на 1 октября 2013 г. в России было зарегистрировано 234,5 тыс. малых предприятий, на которых трудились 6451,6 тыс. работников, данные о невыплате им заработной платы остались за рамками официальной статистики [6]. Результаты изучения уголовных дел показывают, что в 78 % случаев обвиняемые являлись индивидуальными предпринимателями или руководителями организаций, относящихся к субъектам малого предпринимательства и, соответственно, не несущих обязанности по представлению в органы Росстата сведений о задолженности по заработной плате. Это, в свою очередь, снижает эффективность контроля со стороны соответствующих государственных органов и, прежде всего, органов прокуратуры, по надзору за соблюдением трудового законодательства в части своевременной выплаты заработной платы. Кроме того, данное обстоятельство, по нашему мнению, выступает криминогенным фактором, порождающим совершение преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ.

Таким образом, официальная статистика отражает лишь верхушку айсберга в сфере невыплаты заработной платы, в то время как результаты проведенного исследования показывают нарушения в данной сфере именно со стороны работодателей, относящихся к субъектам малого предпринимательства. Так, в результате опроса, проведенного среди работающих граждан, было установлено, что в 72 % случаев задержки в выплате заработной платы имели место в хозяйствующих субъектах, относящихся к числу субъектов малого предпринимательства.

О значительной распространенности фактов несвоевременной выплаты заработной платы свидетельствуют результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в 2012 г., когда официальные статистические данные относительно размеров невыплаченной заработной платы и числа работников, перед которыми имеется такая задолженность, были достаточно оптимистичными. Опрос проводился в 138 населенных пунктах 46 субъектов Российской Федерации, в ходе его проведения было опрошено 1600 человек. 24 % из числа опрошенных заявили, что сталкивались с длительной невыплатой за-

рабочей платы. При этом невыплата в течение трех и более месяцев имела место в отношении 9 % самих опрошенных или их знакомых. Задержка с выплатой заработной платы менее трех месяцев имела место в отношении 11 %, а 4 % указали о невыплате им заработной платы на момент опроса. Интерес представляет также мнение опрошенных о формах защиты своих прав в случае задержки выплаты им заработной платы. Так, 25 % опрошенных обратились бы к своему работодателю, 19 % — просто написали бы заявление о расторжении трудового договора, 18 % — обратились бы с иском в суд, 12 % — пожаловались бы в прокуратуру, 9 % — в государственную инспекцию труда, а 4 % — готовы в таком случае на радикальные меры, в том числе на пикеты, забастовки, голодовки и т. п. [7]

Динамика направленных в суд уголовных дел, возбужденных по ст. 145.1 УК РФ, выглядит следующим образом. В 2009 г. в суд было направлено 426 таких дел, в 2010 г. — 495, в 2011 г. — 358, в 2012 г. — 400, в 2013 г. — 397 дел. За первый квартал 2014 г. по материалам прокурорских проверок в Следственном комитете Российской Федерации возбуждено 126 уголовных дел по фактам невыплаты заработной платы работникам [8]. Таким образом, с 2010 г. наблюдается некоторое снижение числа уголовных дел, возбужденных по ст. 145.1 УК РФ, однако, судя по результатам начала 2014 г., в связи с развитием негативных тенденций в экономике можно прогнозировать дальнейший рост нарушений прав граждан на получение заработной платы и социальных выплат, в том числе и увеличение числа преступлений, предусмотренных ст. 145.1 УК РФ.

Сформулированное Г.А. Злобиным правило гласит: «Криминализация деяния уместна тогда и только тогда, когда нет и не может быть нормы, достаточно эффективно регулирующей соответствующие отношения методами других отраслей права» [9, с. 108]. В любом случае криминализация того или иного деяния должна основываться на сформировавшемся в обществе мнении о социальной опасности такого деяния. Проведенный в ходе исследования опрос работающих граждан показал, что 83 % опрошенных признают уголовную ответственность за невыплату заработной платы наиболее эффективной мерой в плане предупреждения данных противоправных деяний.

Подводя итог изложенному, следует подчеркнуть, что по тому комплексу правовых способов и средств воздействия, который применяется для обеспечения прав, связанных с получением вознаграждения за труд, наиболее строгим и, надо полагать, наиболее эффективным является режим их уголовно-правовой охраны. Криминологические предпосылки для его реализации налицо.

Список литературы:

1. Прокументов, Л.М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния / Л.М. Прокументов // Вестник Воронежского института МВД России. — 2009. — № 4. — С. 18–24.
2. Сайгашкин, А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Сайгашкин. — Саратов, 2006. — 244 с.
3. Фефелов, П.А. Механизм уголовно-правовой охраны. Основные методологические проблемы / П.А. Фефелов. — М.: Наука, 1992. — 230 с.
4. О просроченной задолженности по заработной плате на 1 июня 2014 года // Федеральная служба государственной статистики. — URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWWexe/Stg/d03/122.htm (дата обращения: 21.08.2014).

5. Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за численностью, условиями и оплатой труда работников, деятельностью в сфере образования : приказ Росстата от 29 августа 2013 г. № 349 (в ред. от 1 апреля 2014 г.) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161671/?frame=53#p9452 (дата обращения: 22.09.2014).

6. Сайдуллаев, Ф.С. Динамика развития малого предпринимательства в регионах России в январе—сентябре 2013 года / Ф.С. Сайдуллаев // Национальный институт системных исследований проблем предпринимательства. — URL: http://www.nisse.ru/work/projects/monitorings/small-business/small-business_48.html (дата обращения: 28.08.2014).

7. Задержки зарплаты и как с ними бороться // Всероссийский центр изучения общественного мнения. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113105> (дата обращения: 14.09.2014).

8. Генеральная прокуратура Российской Федерации обобщила работу органов прокуратуры по надзору за исполнением законодательства в сфере оплаты труда в первом квартале 2014 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. — URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-161692/> (дата обращения: 11.09.2014 г.).

9. Злобин, Г.А. Некоторые теоретические вопросы криминализации общественно опасных деяний / Г.А. Злобин, С.Г. Келина // Проблемы правосудия и уголовного права. — М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1978. — С. 102—119.

References:

1. Prozumentov, L.M. Obshhestvennaja opasnost' kak osnovanie kriminalizacii (dekriminalizacii) dejanija / L.M. Prozumentov // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. — 2009. — № 4. — S. 18—24.

2. Sajgashkin, A.N. Ugolovno-pravovaja ohrana prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk / A.N. Sajgashkin. — Saratov, 2006. — 244 s.

3. Fefelov, P.A. Mehanizm ugolovno-pravovoj ohrany. Osnovnye metodologicheskie problemy / P.A. Fefelov. — М.: Nauka, 1992. — 230 s.

4. О просроченной задолженности по заработной плате на 1 июня 2014 года // Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki. — URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWWexe/Stg/d03/122.htm (дата обращения: 21.08.2014).

5. Ob utverzhenii statisticheskogo instrumentarija dlja organizacii federal'nogo statisticheskogo nabljudenija za chislennost'ju, uslovijami i oplatoj truda rabotnikov, dejatel'nost'ju v sfere obrazovanija : prikaz Rosstata ot 29 avgusta 2013 g. № 349 (v red. ot 1 aprilja 2014 g.) — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161671/?frame=53#p9452 (дата обращения: 22.09.2014).

6. Sajdullaev, F.S. Dinamika razvitija malogo predprinimatel'stva v regionah Rossii v janvare—sentjabre 2013 goda / F.S. Sajdullaev // Nacional'nyj institut sistemnyh issledovanij problem predprinimatel'stva. — URL: http://www.nisse.ru/work/projects/monitorings/small-business/small-business_48.html (дата обращения: 28.08.2014).

7. Zaderzhki zarplaty i kak s nimi borot'sja // Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mnenija. — URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113105> (дата обращения: 14.09.2014).

8. General'naja prokuratura Rossijskoj Federacii obobshhila rabotu organov prokuratury po nadzoru za ispolneniem zakonodatel'stva v sfere oplaty truda v pervom kvartale 2014 g. // General'naja prokuratura Rossijskoj Federacii : sajt. — URL: <http://www.genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-161692/> (дата обращения: 11.09.2014 г.).

9. Zlobin, G.A. Nekotorye teoreticheskie voprosy kriminalizacii obshhestvenno opasnyh dejanij / G.A. Zlobin, S.G. Kelina // Problemy pravosudija i ugolovnogo prava. — М.: Izd-vo IGiP AN SSSR, 1978. — S. 102—119.

• МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА •

Обзор методологического семинара в форме круглого стола, г. Саратов, 4 марта 2014 г.

А.Н. Шепелёв,
кандидат юридических наук, доцент,
кафедра гражданского права,
Тамбовский государственный
университет
им. Г.Р. Державина

A.N. Shepelyov,
Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Civil Law,
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin
arturtmb@mail.ru

Теория юридического языка

Аннотация: исследование юридического языка — явление во всем мире не новое. Во многих развитых странах проблемами юридического языка занимаются давно и безуспешно, в России же — сравнительно недавно, что определяет актуальность статьи. Акценты в изучении юридического языка различаются в зависимости от страны, в которой проводится исследование, что положительно сказывается на самом исследовании, поскольку различные научные школы практикуют различные подходы к изучению материала. Кроме того, среди исследователей есть как юристы, так и лингвисты. При исследовании юридического языка у ученых касательно его внешних компонентов вопросов не возникает (язык и право), чего нельзя сказать относительно структуры его внутренних элементов. Цель статьи — определить внутреннюю структуру юридического языка, которая определяется посредством соотношения сфер его функционирования в юридической жизни общества и задействованных в них языковых ресурсов. На основе анализа особенностей юридического языка в работе дается его понятие и акцентируется внимание на необходимости создания комплексной теории юридического языка.

Ключевые слова: юридический язык, язык, право, юридическая жизнь общества, структура юридического языка, ресурсы языка.

The theory of legal language

Abstract: the study of legal language is not novel experience all over the world. In many developed countries the problems of legal language have been dealt with for a long time and rather successfully, while in Russia it is quite a new issue. This defines the urgency of the article. The emphases put during the study of legal language differ depending on the country in which the research is carried out. This has a beneficial effect on the research, since different scientific schools take different approaches to the study of the material. Besides, there are both legal experts and linguists among the researchers. While studying legal language scholars are unanimous concerning its external components (language and law) and have a number of disagreements over the structure of its inner elements. The purpose of the article is to define the inner structure of legal language, which is determined by means of correlation between the spheres of its functioning in the legal life of the society and the language resources involved. On the basis of the analysis of the peculiarities of legal language, the author presents the notion of the latter and draws special attention to the necessity of elaborating an integral theory of legal language.

Keywords: legal language, language, law, legal life of the society, the structure of legal language, language resources.

Феномен языка давно тревожит умы ученых, однако лингвистика в том виде, в котором ее знаем мы, начала развиваться в начале XX в. Это дало возможность исследовать юридический язык сквозь призму лингвистики.

В то же время серьезные успехи в области науки и технологий XX в. создали необходимость изучать различные языки, обслуживающие разные специальности, сравнивая их между собой и прослеживая связь с языком повседневного общения. Не стоит забывать и о расцвете философии языка в XX в., что также повлияло на ход и состояние современных исследований юридического языка.

Многие исследования юридического языка проводятся в рамках предмета юридической лингвистики. Например, в своей работе «Наука и методика в позитивном частном праве» («Science et technique en droit privé positif», 1921) знаменитый французский юрист Франсуа Гене предлагает вниманию читателя главу под названием «Общие наблюдения, нацеленные на развитие юридического языка» («Observations generales, tendant à preparer l'élaboration de la linguistique juridique»). Термин «linguistique juridique» (юридическая лингвистика) — это французское изобретение. Во франкоговорящем мире данный термин означает исследование юридического языка, основанное на обширных знаниях в области современной юриспруденции и лингвистики [1]. Схожий термин, «rechtslinguistik», существует в немецком языке, однако он не так распространен, как во франкоговорящих странах. Более того, «rechtslinguistik» порой ассоциируется скорее с исследованиями в области философии языка, чем лингвистики или юриспруденции как таковых. В Польше юридическая лингвистика известна как «juryslingwistyka». Напротив, в англо-саксонских странах термины «legal linguistics» (юридическая лингвистика) либо «jurilinguistics» почти неизвестны. В испаноговорящем мире он также не используется, во всяком случае, подобный термин не встречается в научных работах, посвященных юридическому языку.

Акценты в изучении юридического языка различаются в зависимости от страны, в которой проводится исследование. Например, довольно часто изучение юридического языка носит синхронный характер, т. е. сфокусировано на современном языке. В частности, в Канаде подобные исследования сводятся к контрастному анализу двух юридических языков (французского и английского), и, как результат, канадская юридическая лингвистика тесно связана с теорией перевода. Данный тип юридической лингвистики распространился из Канады в другие страны, например, в Польшу.

Взаимодействие между различными школами, исследующими юридический язык, далеко не всегда тесное. Следует помнить о том, что большинство областей в лингвистике — в некоторой степени замкнутые и самодостаточные системы. По понятным причинам советские и российские исследователи юридического языка были до недавнего времени изолированы от научных школ Западной Европы.

В настоящее время в России существует определенное количество работ, посвященных различным аспектам юридического языка [2, 3, 4, 5, 6 и др.] и поднимающих все более острые вопросы его функционирования, но тем не менее российская наука в своих исследованиях в данной области стоит в стороне от мирового опыта, основываясь на сугубо российских тенденциях в юриспруденции и лингвистике. Ярким тому примером является монография Н.А. Власенко «Язык права» (1997). Данная работа практически полностью основана на юридических и лингвистических исследованиях, опубликован-

ных в советское время и в 1990-х гг. Во вступительной части автор отмечает, что значительное влияние на него оказали М.М. Бахтин, И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина, Д.Е. Розенталь и др. Речь об иностранных ученых заходит лишь единожды. Во второй главе говорится об исторической школе права, сыгравшей важную роль в XIX в. в Германии. Основным источником данной главы являются исследования Георга Фредерика Пухты — классика немецкой юридической мысли. В одной из ссылок отмечен Жан Карбонье — французский социолог, специалист в области гражданского права, чья работа по правовой социологии доступна на русском языке [7]. Однако, несмотря на «внешнюю изоляцию», исследование Н.А. Власенко выполнено на высоком уровне и отвечает мировым тенденциям в данной области.

Положительным во всем этом многообразии исследований юридического языка является тот факт, что различные научные школы практикуют различные подходы к изучению материала. Кроме того, среди исследователей есть как юристы, так и лингвисты. Они часто специализируются в обоих направлениях, либо публикуемая работа — результат сотрудничества между юристами и лингвистами. Естественно, что лингвист рассматривает юридический язык с большей, так сказать, дистанции, чем юрист, однако, благодаря этому, он может быть объективнее.

Сегодня лингвисты, занимающиеся анализом юридического языка, в своих исследованиях применяют количественный метод, в том числе прибегают к помощи компьютерных технологий. Типичный предмет изучения составляет повторяемость терминов, других лексических единиц либо других языковых элементов (например, префиксов, суффиксов) в юридических текстах. Внимание лингвистов может также быть заострено на юридических документах, представляющих собой сугубо текстовый материал, без особого акцента на их лексический состав. Другой темой разработок юридического языка лингвистами может стать, например, понятность и читаемость этих текстов с точки зрения обывателя.

Юристы, напротив, видят язык своей профессии изнутри. Их анализ носит чаще всего диахронический характер и во многом опирается на историю права. Крайне редко юристы, исследующие юридический язык, занимаются количественным подсчетом повторяемости слов либо других языковых элементов. Их целью является попытка убедить читателя в том, что природа и лексический состав юридического языка понятны неспециалистам. В результате это может привести к преувеличенному оправданию традиционного юридического языка, но параллельно с конструктивной критикой. Типичным контекстом, в рамках которого юристы рассматривают природу и сущность юридического языка, является правотворчество. Происходит это, по-видимому, потому, что правотворчество всегда подразумевает наличие раздела, посвященного терминологии предложенного нормативного правового акта.

Чтобы понять особенности и специфику юридического языка, следует рассмотреть его внешние и внутренние компоненты (структурные элементы). В качестве внешних взаимодействующих компонентов юридического языка выступают язык и право, привнося в него свой колорит и свою специфику.

Относительно языка укажем, что это набор передаваемых через культуру образцов, моделей поведения, одинаковых для малых и больших групп населения, для общества в целом. При помощи языка фиксируются символы,

нормы, обычаи, весь достигнутый ценой подчас колоссальных потерь опыт человечества. Язык — самая прочная, хотя и невидимая связь всех поколений землян, пролетающая от человека к человеку, от родителей к детям, от старших к младшим, от властителей и начальников к подвластным и управляемым. При этом у каждой общественной группы складывается свой язык [8, с. 141]. Язык, выступая средством общения, организован как целостное явление, обладает известной структурой и образует единство своих элементов как система.

Касательно права приведем мнение известного французского ученого Жана-Луи Берজেя, в соответствии с которым право — это одновременно моральная и социальная система, а также позитивные юридические правила. Правовая норма, посредством которой находит внешнее выражение юридический порядок и которая, следовательно, выступает всего лишь элементом формы, не может быть отделена от глубинной правовой основы, т. е. от оснований и целей юридической системы [9, с. 37].

Отметим, что право как внешний компонент юридического языка — это определенная форма взглядов и, как результат, определенная, не похожая ни на какую другую, форма выражения, в идеале вырабатывающая привычки ума. Это своего рода культурная компетенция, подразумевающая умение читать специальную юридическую литературу и способность говорить и писать на юридическом языке. В данном случае право рассматривается как искусство, как способ создания чего-то нового из уже существующих материалов — искусство письма и говорения.

Если относительно внешних компонентов (язык и право) юридического языка у исследователей вопросов не возникает, то по поводу его внутренних элементов такого единодушия нет. В связи с этим вначале укажем взгляды некоторых исследователей по данному вопросу и далее представим собственное видение системы внутренних элементов юридического языка.

В.Ю. Туранин подразделяет юридический язык на язык юридической науки; язык юридической практики (включает в себя: язык нормативных правовых актов (язык законов, акты подзаконных актов) и язык актов применения; юридический разговорный язык [10, с. 9].

М.Л. Давыдова выделяет четыре элемента юридического языка: 1) язык нормативных правовых актов; 2) язык правоприменительных и иных индивидуальных актов; 3) профессиональная речь юристов; 4) язык правовой доктрины [11, с. 131–132].

В.Б. Исаков определяет следующие элементы юридического языка: 1) язык законодательства; 2) язык подзаконных правовых актов; 3) язык правоприменительной практики; 4) язык юридической науки; 5) язык юридического образования; 6) язык юридической журналистики [12, с. 65].

М.М. Мушнина в работе «О правовой лингвистике в Германии и Австрии» [13, с. 23] указывает внутреннюю структуру юридического языка, предложенную немецким ученым В. Отто: 1) язык законов; 2) язык судебных решений; 3) язык юридической науки и экспертиз; 4) язык ведомственного письменного общения; 5) административный жаргон.

Из приведенных взглядов исследователей на структуру юридического языка видно, что обозначаемые ими элементы в большинстве своем совпадают.

Но в некоторых случаях они либо чересчур детализированы (В.Б. Исаков), либо довольно широки (В.Ю. Туранин).

В основе внутренней структуры юридического языка лежат такие сферы его функционирования, как правотворчество, правовая наука, профессиональная деятельность юристов-практиков, общение в правовой и иных сферах и т. п. Это объясняется тем, что юридический язык «обслуживает» своими ресурсами всю юридическую жизнь общества, вследствие чего является ее своеобразным отражением. Соответственно, определяя компоненты юридического языка, необходимо соотнести сферы его функционирования в юридической жизни общества и задействованные в них языковые ресурсы. Такими элементами юридического языка являются: 1) язык закона; 2) язык правовой доктрины; 3) профессиональная речь юристов; 4) язык процессуальных актов; 5) язык договоров; 6) нотариальный язык; 7) язык общения в правовой и смежной с ней сферах.

Кратко изложим нашу позицию относительно каждого из обозначенных элементов.

Язык закона обслуживает сферу правотворчества. Точнее было бы обозначить данный элемент как «язык нормативных правовых актов», но «язык закона» является устоявшимся понятием, признаваемым большинством исследователей.

Язык правовой доктрины обслуживает сферу правовых научных произведений. Несомненно, в основе любой правовой доктрины лежат научные разработки, но использование в данном случае понятия «правовая доктрина», а не «юридическая наука», как предлагают некоторые исследователи (В.Ю. Туранин, В.Б. Исаков, В. Отто), уместнее, поскольку доктрина все же более авторитетна по сравнению с научными разработками и концепциями.

Профессиональная речь юристов обслуживает разговорную сферу профессиональной деятельности юристов (судебные заседания, общение с клиентами и т. п.). Понятие «профессиональная речь юристов» реальнее отражает данную сферу применения языка, чем, например, предлагаемое понятие «юридический разговорный язык» (В.Ю. Туранин), поскольку профессиональная деятельность юристов нередко предполагает использование ими обиходной разговорной лексики (опрос свидетелей, потерпевших и т. п.), где юридическая терминология, как правило, отсутствует полностью.

Язык процессуальных актов обслуживает сферу правовых процессуальных действий путем их фиксации. Для данной сферы исследователи предлагают такие элементы, как язык актов применения (В.Ю. Туранин), язык правоприменительных и иных индивидуальных актов (М.Л. Давыдова), язык судебных решений (В. Отто). Мы считаем, что в данном случае следует говорить только о процессуальных актах, т. к. отнесение их к иным категориям, таким как правоприменительные акты, приведет к неправильному восприятию правовой индивидуальности процессуальных актов, проявляющейся в их целевой направленности (фиксация процессуальных действий и решений) и предопределяющей их характерные языковые особенности. Это, в свою очередь, позволяет нам отдельно говорить о языке процессуальных актов в рамках внутренней структуры юридического языка.

Язык договоров обслуживает сферу договорных отношений. Речь идет, в первую очередь, о гражданско-правовой сфере, в которой договор как письменный документ занимает центральное место и имеет свой специфический язык. Существует большое количество гражданско-правовых и иных документов, не являющихся договорами, таких как устав, доверенность, завещание, акт приемки, расписка, правила внутреннего трудового распорядка и т. п., но все они составляются с использованием ресурсов языка договоров.

Что касается нотариального языка, то процесс выделения его в качестве отдельного элемента юридического языка исторически происходил в странах континентальной Европы, в частности, тех, население которых говорит на романских языках. Частноправовая документация на протяжении более тысячи лет составлялась отдельным органом: нотариатом. Нотариус — это юрист, частично выступающий в роли официального лица, частично же он консультирует клиента, т. е. является своего рода помощником и советником. Многовековые традиции нотариальной коллегии объясняют факт наличия специфических особенностей их языка. В России же существование нотариального языка можно считать лишь условным, поскольку языковые нужды нотариата с успехом обслуживают иные обозначенные нами внутренние компоненты юридического языка.

Язык общения в правовой и смежной с ней сферах включает в себя абсолютно любое общение, так или иначе связанное с правовой действительностью. Субъектами данного общения выступают как не юристы, так и юристы, использующие этот язык вне сферы своей профессиональной деятельности. В качестве примера можно привести общение заключенных на тюремном сленге (язык заключенных) или общение обычного гражданина в рамках получения им статуса предпринимателя в инспекции Федеральной налоговой службы.

Предложенная нами внутренняя структура юридического языка не является бесспорной. Например, такие элементы юридического языка, как язык процессуальных актов и язык договоров, по своим языковым ресурсам и конструкциям обслуживаемых ими документов в большинстве своем сходны, что может позволить объединить их в такой новый элемент юридического языка, как язык правовых документов. Однако для детального исследования юридического языка данного объединения производить не следует.

Отдельно отметим, что юридическая жизнь общества в силу своего многообразия помимо позитивных составляющих (права и свободы человека, механизм правового регулирования, правомерные юридические поступки и т. п.) имеет и негативные (правонарушения, деформация правосознания, криминалистические структуры и т. п.). Юридический язык, как было указано, является отражением юридической жизни в целом, а значит, применяется и в ее негативных сферах. При этом интересно отметить, что негативных составляющих юридический язык в себе не несет. Ресурсы юридического языка изначально имеют позитивную целевую направленность (донести мысль до адресата), и в зависимости от сферы функционирования меняется лишь их набор, но не направленность.

Исходя из вышеизложенного, юридический язык можно определить как уникальное правовое явление (взаимосвязь языка и права), представляющее собой

социально и исторически обусловленную систему способов и правил словесного выражения понятий и категорий, выработанных и применяемых в целях регулирования взаимоотношений субъектов в юридической жизни общества. Иными словами, юридический язык — это система, в которой язык является средством реализации правовой и иных смежных с ней сфер жизнедеятельности общества.

Как видим, актуальность создания комплексной теории юридического языка очевидна, поскольку данный язык является динамически развивающейся системой, которая отражает в себе большинство изменений, происходящих как в правовой, так и в иных сферах. Кроме того, юридический язык достоин особого внимания в связи с тем фактом, что он очень распространен: он связан со всеми областями общественной жизни и может посредством интертекстуальности комбинироваться с языками любой другой сферы. Более того, юридический язык довольно древний, чего нельзя сказать о большинстве других языков, служащих специальным целям.

Список литературы:

1. Geny, F. *Science and Technics in Positive Private Law*. Vol. III. — Yale: Yale University Press, 1921.
2. Язык закона / под ред. А.С. Пиголкина. — М.: Юридическая литература. 1990. — 200 с.
3. Власенко, Н.И. Язык права / Н.И. Власенко. — Иркутск: Восточно-сибирское книжное издательство, 1997. — 174 с.
4. Губаева, Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. — М.: Норма, 2003. — 158 с.
5. Ушаков, А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык / А.А. Ушаков. — М.: РАП, 2008. — 314 с.
6. Ивакина, Н.Н. Профессиональная речь юриста / Н.Н. Ивакина. — М.: Норма, 2010. — 448 с.
7. Карбонье, Ж. Юридическая социология / Ж. Карбонье. — М.: Прогресс, 1986. — 350 с.
8. Темнов, Е.И. Звучащая юриспруденция / Е.И. Темнов. — М.: Волтерс Клувер, 2011. — 560 с.
9. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / Ж.-Л. Бержель; под общ. ред. В.И. Даниленко; пер. с фр. — М.: Nota bene, 2000. — 575 с.
10. Туранин, В.Ю. К вопросу о феномене юридического языка // Современное право. — 2010. — № 7. — С. 7–10.
11. Давыдова, М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии / М.Л. Давыдова. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. — 318 с.
12. Исаков, В.Б. Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии / под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. — С. 64–80.
13. Мушнина, М.М. О правовой лингвистике в Германии и Австрии // Юрислингвистика-5: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н.Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2004. — С. 18–30.

References:

1. Geny, F. *Science and Technics in Positive Private Law*. Vol. III. — Yale: Yale University Press, 1921.
 2. *Jazyk zakona* / pod red. A.S. Pigolkina. — М.: Juridicheskaja literatura. 1990. — 200 s.
-

3. Vlasenko, N.I. Jazyk prava / N.I. Vlasenko. — Irkutsk: Vostochno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1997. — 174 s.
4. Gubaeva, T.V. Jazyk i pravo. Iskustvo vladeniya slovom v professional'noj juridicheskoj dejatel'nosti / T.V. Gubaeva. — M.: Norma, 2003. — 158 s.
5. Ushakov, A.A. Ocherki sovetsoj zakonodatel'noj stilistiki. Pravo i jazyk / A.A. Ushakov. — M.: RAP, 2008. — 314 s.
6. Ivakina, N.N. Professional'naja rech' jurista / N.N. Ivakina. — M.: Norma, 2010. — 448 s.
7. Karbon'e, Zh. Juridicheskaja sociologija / Zh. Karbon'e. — M.: Progress, 1986. — 350 s.
8. Temnov, E.I. Zvuchashhaja jurisprudencija / E.I. Temnov. — M.: Volters Kluver, 2011. — 560 s.
9. Berzhel' Zh.-L. Obshhaja teorija prava / Zh.-L. Berzhel'; pod obshh. red. V.I. Danilenko; per. s fr. — M.: Nota bene, 2000. — 575 s.
10. Turanin, V.Ju. K voprosu o fenomene juridicheskogo jazyka // Sovremennoe pravo. — 2010. — № 7. — S. 7–10.
11. Davydova, M.L. Juridicheskaja tehnika: problemy teorii i metodologii / M.L. Davydova. — Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009. — 318 s.
12. Isakov, V.B. Jazyk prava // Jurislingvistika-2: russkij jazyk v ego estestvennom i juridicheskom bytii / pod red. N.D. Goleva. — Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta, 2000. — S. 64–80.
13. Mushhinina, M.M. O pravovoj lingvistike v Germanii i Avstrii // Jurislingvistika-5: juridicheskie aspekty jazyka i lingvisticheskie aspekty prava / pod red. N.D. Goleva. — Barnaul: Izd-vo Altajskogo un-ta, 2004. — S. 18–30.

Выступления

<p>Д.В. Ирошников,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой теории и
истории государства и права,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина</p> | <p>D.V. Iroshnikov,
<i>Candidate of Law,</i>
<i>Head of the Department of Theory and</i>
<i>History of State and Law</i>
<i>Ryazan State University SA Esenina</i>
<i>tgp.ryazan@gmail.com</i></p> |
|---|---|

К вопросу о проблемах теории юридического языка On the question of the legal problems of the theory of language

Актуальность создания комплексной теории юридического языка не вызывает сомнений ввиду его особой роли в правовом регулировании тех или иных общественных отношений. Посредством юридического языка право приобретает одну из главных характеристик — формальную определенность.

Нельзя не оценить заслугу А.Н. Шепелева, выражающуюся, во-первых, в научном обосновании необходимости разработки теории юридического языка и, во-вторых, в конкретных шагах к непосредственной разработке такой теории.

При этом следующие аспекты в работе докладчика представляются пока еще не исследованными или дискуссионными.

1. Представляется необходимым рассмотреть юридический язык с точки зрения системного подхода как элемента системы во взаимодействии

с другими ее элементами. Хотелось бы получить ответ на следующие вопросы. Частью чего является юридический язык? Какие существуют иные специальные языки? Каково место юридического языка в этой системе и его взаимодействие с иными языками?

2. В рамках разработки теории юридического языка видится целесообразным исследовать его функции, поскольку функция — это роль, значение чего-либо (С.И. Ожегов). Посредством анализа функций, как правило, раскрывается сущность рассматриваемого явления. В процессе изучения функций юридического языка предлагается отталкиваться не столько от функций языка как такового (коммуникативная и пр.), а сколько от функций права и правового регулирования, с целью выявления их важной взаимосвязи, которая и позволит уяснить сущность юридического языка именно как уникального правового явления.

3. Нам представляется, что выработанное А.Н. Шепелевым определение понятия юридического языка как «системы способов словесного выражения понятий и категорий» несколько сужает рассматриваемое явление, поскольку «выражение понятий и категорий» — это, безусловно, значимая составная часть языка, но помимо этого язык включает еще ряд компонентов.

4. Возникает вопрос: возможно ли говорить об определенной качественной составляющей юридического языка (о некой категории «грамотность юридического языка»). В качестве аналогии можно назвать юридическую технику как совокупность определенных способов, приемов и правил правотворчества. В рамках теории юридического языка логично напрашивается необходимость предпринять попытку выработать «языковую юридическую технику» как общий свод правил юридического языка.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что разработка комплексной теории юридического языка не только имеет право на существование, но и отражает исключительный интерес к ней современной теоретико-правовой науки.

Н.И. Уздимаева,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
Мордовский государственный
университет*

N.I. Uzdimaeva,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Theory and
History of State and Law,
Mordovia State University
nyzdimaeva@mail.ru*

Язык права и особенности правовых текстов Language rights and especially the legal texts

Правовой текст является основным источником передачи юридически значимой информации. Поэтому язык права в своих характеристиках напрямую связан с особенностями юридических текстов, к которым можно отнести следующие:

- являются элементом речевой коммуникации;
 - выражают государственную волю, адресованную различным участникам правового общения;
-

-
- содержат юридически значимую информацию, передаваемую специфическим способом (формализация, сопряженная с использованием правовых понятий и категорий, специальных средств юридической техники);
 - насыщены специальной юридической и неюридической профессиональной терминологией, особыми фразеологическими оборотами, обычно не употребляемыми в литературном языке;
 - связаны с юридическими процедурами и процессами;
 - выполняют функцию юридического факта;
 - будучи облеченными в письменную форму, всегда выступают как своеобразная семиотическая система;
 - метафоричны.

В правовой системе язык выполняет, в первую очередь, прагматическую функцию. При его помощи осуществляется управление обществом. Правовые тексты определяют траекторию поведения субъектов, выполняя функцию ориентира (путеводителя). Опираясь на них, адресат выбирает конкретный вариант поведения, которому и следует. Именно в правовых текстах содержится первичная информация о статусных позициях субъектов правового общения. Через них обеспечивается правовая коммуникация. В связи с этим актуализируется вопрос об эффективности таких текстов, поскольку их смысл должен однозначно восприниматься как авторами, так и адресатами.

Проблема эффективности правовой коммуникации именно на уровне правовых текстов является предметом внимания особой науки — юрислингвистики, выясняющей правокоммуникационные потенциалы конкретных правовых текстов на этапе передачи информации от правоустановителя к правоприменителю (в широком смысле слова). Лингвисты не ограничиваются простым анализом содержания текста и степени корректности / некорректности его написания, но и активно используют функционально-деятельностный подход.

Большое значение имеет символичность правового языка. Язык как символ называет что-либо (сигматика), выражает некий смысл (семантика), внутренне организован (синтаксис). Соответственно правовые тексты в разрезе семиотического их анализа трактуются как некие знаковые системы-ассоциации. Каждый элемент такой системы (код) подвергается специальному толкованию, которое, как известно, может быть неоднозначным.

Выстраивание правовых текстов (кодирование правовой информации) предполагает такое их конструирование, когда те или иные знаки в различных законах совершенно по-разному сочетаются с другими. Соответственно, меняется и их смысловое наполнение. Процесс выстраивания правовых текстов — разновидность правового моделирования, позволяющего при необходимости упростить или усложнить сам текст.

Структура правового языка должна быть напрямую связана со структурой используемых в текстах правовых актов языковых знаков. Последние обеспечивают интертекстуальную связь, позволяющую отследить механизм трансформации текстов одних правовых актов в другие.

Главное требование к системно организованному правовому тексту — ясность. Но когда его можно считать ясным? И до какой степени ясными должны быть правовые тексты? Ключевой посылкой в поиске ответа на поставленный

вопрос является определение категориального статуса юридического языка, а именно — утверждения его как самостоятельного компонента правовой реальности, не сопоставимого с литературным языком, либо признания его разновидностью (а может даже и особым стилем) литературного языка.

В отечественной доктрине язык закона многими авторами характеризуется именно как литературный, прежде всего законодательный, стиль (С.С. Алексеев, А.С. Пиголкин, А.А. Ушаков, Н.И. Хабибуллин), особой целью которого является выражение мыслей законодателя и законодательных категорий.

Ясность такого текста — его абсолютное, ни с кем и ни с чем не связанное качество. Право — социальный феномен. Выражающий его язык — тоже. При этом феномен права не ограничивается рамками некоей локальности (даже масштабами целого государства или правовой семьи). Оно — явление культуры в самом широком смысле слова. Последняя — основа права, его отправной пункт и конечная точка. В этом общекультурном смысле к языку права и правовым текстам предъявляется также и требование универсальности.

Лингвисты в условиях межкультурной коммуникации практически проблемы перевода юридических текстов связывают не только с особенностями исключительно языковой культуры, знанием / незнанием специальной юридической терминологии, правоохранительной и судебной систем, но и с личностными качествами переводчиков таких текстов. Они должны чувствовать культурологические особенности переводимых правовых текстов, поскольку «перевод — это не только замена языка, но и функциональная замена элементов культуры».

Б.Б. Сулейманов,

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
государства и права,
Северо-Кавказский (г. Махачкала) филиал
Российской правовой академии
Министерства юстиции РФ*

B.B. Suleymanov,

*Candidate of Historical sciences, Associate Professor,
Head of Department of Theory State and Law,
North Caucasus (Makhachkala) branch
of Russian Legal Academy of the Ministry
of Justice of the Russian Federation
doctorb@yandex.ru*

Теория юридического языка (некоторые размышления) The theory of legal language (some thoughts)

В последнее время интерес к юридическому языку (языку права) значительно возрос. Очевидно, представленный доклад и последующее его обсуждение могут быть признаны подтверждением такого вывода.

В докладе справедливо указывается, что «отсутствие единства относительно его терминологического определения не способствует полноте исследования этого языка, поскольку термин (терминологическое словосочетание) всегда должен быть однозначен и ясен». При этом терминологическое многообразие в какой-то степени связано, как пишет автор, с отсутствием единства в правопонимании. Определенный выход из такой ситуации докладчик видит во всеобъемлющей трактовке права, которую предложил В.С. Нерсисянц. В соответствии с этим подходом к правопониманию данный язык должен быть определен как

юридический язык. Само по себе предложение называть указанный язык «юридическим языком», не вызывает каких-либо возражений. Между тем вывод о том, что либертарная теория совмещает такие типы правопонимания, как позитивный и естественно-правовой, представляется преувеличением.

В докладе достаточно подробно говорится о внешних и внутренних элементах юридического языка. Справедливо отмечено, что вопрос о внутренних компонентах относится к числу спорных. Автор справедливо отмечает условность «языка закона». На наш взгляд, в дополнительном обосновании нуждается такой элемент, как «язык процессуальных актов», который «обслуживает сферу правовых процессуальных действий путем их фиксации».

Однако, на наш взгляд, ситуация неоднозначна. Если критерии выделения элементов — это сферы использования юридического языка, то в данном случае (при обосновании языка процессуальных актов) предложен иной критерий — правильное восприятие правовой индивидуальности процессуальных актов, о чем пишет докладчик, что несколько снижает логическую выдержанность классификации.

Представляется важным обсуждение и такого элемента юридического языка, как нотариальный язык. Выделение указанного элемента языка видится несколько условным, т. к. значительная часть деятельности нотариуса касается удостоверения договоров и иных сделок. Нуждается в уточнении и такой элемент, как «язык общения в правовой и смежной с ней сферах». По мнению автора, «субъектами данного общения выступают как не юристы, так и юристы, использующие этот язык вне сферы своей профессиональной деятельности». По нашему мнению, целесообразно обозначать его как элемент общения юристов, а также иных лиц, осуществляющих юридическую профессиональную деятельность.

Важным представляется и следующий аспект. Доклад называется «теория юридического языка». На наш взгляд, автору следовало бы уделить внимание и самой теории. Но, как известно, теория является высшей формой теоретического знания, имеющей базовые термины, принципы единства, идеализированный объект, программу исследования. Думается, теория юридического языка еще не сложилась.

В.А. Пономаренков,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского и
арбитражного процесса,
Институт права Самарского
государственного экономического
университета*

V.A. Ponomarenkov,
*Candidate of Law, Associate Professor,
assistant professor of civil and arbitration
process,
Institute of Law of the Samara State
Economic University
2770402@mail.ru*

Социально-факторная основа исследования «юридического языка» Socio-factor research base «legal language»

Современный язык представляет собой исторически сложившуюся форму национальной культуры определенной социально-культурной общности — народа. Именно национальный язык выступает фундаментом

формирования языка юридического, в который включаются различные иноязычные включения и заимствования. И все же «юридический язык» остается элементом национальной культуры и языка.

Право на пользование национальным языком является неотъемлемой частью прав человека и закреплено во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), в Декларации прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации (1991 г.); Конституции РФ (ст. 26; ч. 2 ст. 19; ст. 68); Законе Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 г. № 1807-1 и др.

Отечественное процессуальное законодательство (ч. 2 ст. 18 УПК РФ) четко указывает на то, что если лицо не владеет или недостаточно владеет языком, на котором ведется процессуальная деятельность, ему должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами дела, выступать в суде на родном или другом языке, которым оно владеет.

Таким образом, «национальный языка», с которого и на который необходимо произвести перевод, по сути, переплетается с «юридическим языком», используемым в процессуально-правовой сфере.

Две формы реализации правовых стандартов языка процессуальной деятельности, письменного и устного перевода — могут порождать известные трудности, связанные с возможными неточностями и даже искажениями перевода. При этом возникает вопрос о полноте производимого перевода, об обязательности перевода всех документов и доказательств, содержащихся в деле, и т. д. Ответ на эти вопросы кроется в социально-факторных особенностях языка, с которого и на который должен быть произведен перевод.

Языки народов существенно различаются по своему лексическому наполнению, поэтому произвести дословный перевод часто просто невозможно. А с учетом того, что, например, из 42 языков народов Сибири треть не имеет письменности, а в Дагестане 20 языков народов не имеют письменности, то письменный перевод на данные языки невозможен. Кроме того, из-за существующих традиционно-обычных представлений о должном поведении у некоторых народов (как, например, у цыган) найти переводчика порой просто невозможно.

Таким образом, реализация правовых стандартов «языка процессуальной деятельности» весьма затруднительна. Однако ст. 12 Конвенции Международной организации труда № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» (1989 г.) обращает внимание на то, что лица, осуществляющие юридическое производство, должны принимать меры к тому, чтобы лица из числа малых народов «понимали юридические процедуры и были поняты в ходе таковых, при необходимости — с помощью устного перевода или иных эффективных средств».

В качестве «иных эффективных средств» коммуникации могут применяться средства вещественно-знаковой коммуникации: художественно-изобразительной коммуникации (пиктограммы, рисунки и др.); перформансной (передача информации с помощью создания смыслового образа посредством пластики человеческого тела, жестов, мимики или игры, без использования слов), анимационной и др.

Конечно, данные средства не являются панацеей от всех проблем, поскольку коммуникационные барьеры могут возникнуть по причине несовпадения

«социально-культурной организации» художника (пиктографа) и реципиента, различия их ценностных ориентаций, жизненного опыта, уровня культуры, интеллекта и пр. Поэтому для применения указанных средств коммуникации должны привлекаться соответствующие специалисты, подготовка которых ведется на художественно-педагогических, художественно-графических, актерских и других факультетах профессионально-образовательных учреждений.

Таким образом, сегодня **юридический язык** представляет собой социально-правовую систему языковых и не языковых средств коммуникации субъектов правовой жизни общества.

Данная коммуникативная система служит средством передачи информации языковыми средствами; средством передачи информации при сочетании лингвосомиотической системы, жестовых и мимических знаков; средством передачи информации лингвосомиотическими средствами в сочетании с социальным поведением и социальными отношениями людей.

Таким образом, только социально-факторная основа исследования «юридического языка» позволяет раскрыть адаптивные характеристики и механизмы устойчивости языковых и не языковых систем коммуникации субъектов правовой жизни общества, раскрыть особенности правогенеза той или иной социально-культурной общности в современный период и совершенствовать процессуальные механизмы реализации стандартов юридического языка. При этом предметом изучения «юридического языка» должно стать не изолированное (вербальное) высказывание, рассматриваемое на фоне коммуникативного акта, а комплексное изучение языковых и неязыковых средств коммуникации субъектов правовой жизни общества.

В.В. Елистратова,
*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра немецкого и французского
языков,
Саратовская государственная
юридическая академия*

V.V. Elistratova,
*Candidate of Law, Associate Professor,
Department of German and French,
Saratov State Academy of Law
kdf@sgap.ru*

К вопросу о специфике юридического языка To a question of specifics of legal language

В правовой сфере используется специфичный юридический язык, представляющий своеобразную систему лексических и грамматических средств выражения, которая выполняет коммуникативную функцию в данной среде общения. Он обслуживает все сферы существования права.

Поскольку право является регулятором общественных отношений, юридический язык также приобретает черты социального регулятора. Развитие права обычно опережает развитие языка, тем не менее, эти процессы имеют ярко выраженный взаимосвязанный характер.

Юридический язык теснейшим образом связан с общелитературным языком. Он — продукт развития естественного языка. Основу юридического языка составляет специальная терминология. Правовые термины достаточно

часто формируются в результате переосмысления общелитературной лексики на основе системы юридических знаний. Взаимодействие юридической и общепотребительной лексики проявляется в их взаимном передвижении.

Язык и право выступают в качестве внешних взаимопроникающих компонентов юридического языка. Не случайно его изучение интересно как для юристов, так и для лингвистов. Именно в языке заложена способность нормативно структурировать социальный мир. Но одновременно действие юридических норм социального мира предполагает и включает в себя признание норм языка в качестве общеобязательных. Таким образом, феномен юридического языка отражает связь лингвистического и юридического аспектов.

Актуальность теоретического исследования юридического языка объясняется тем, что он связан практически со всеми областями общественной жизни. Многие исследования юридического языка осуществляются в рамках юридической лингвистики. Эта прикладная наука имеет междисциплинарный характер. Если историческая лингвистика изучает проблемы становления и развития языка права, то задачи синхронической юридической лингвистики связаны с современным использованием языка в юридической сфере. Одной из важнейших проблем юридической лингвистики является изучение функционирования терминов в различных типах юридических текстов, например, в научном тексте, тексте закона, договора, завещания, искового заявления.

Юридический язык рассматривается как уникальное языковое и правовое явление, основанное на взаимосвязи языка и права. На его становление большое влияние оказывают многие факторы.

Специфика юридического языка определяется его функциональной направленностью, стилистическими особенностями, отличительными признаками в зависимости от текстовых жанров, письменной или устной формы речи.

Юридический язык, оперируя специфичной терминологией, отличается точностью в использовании языковых средств. Тем не менее всегда имеет место проблема неоднозначного понимания терминов, связанная с субъективным фактором неверного юридического, логического или грамматического толкования. Эта проблема приводит к определенным затруднениям в профессиональной коммуникации.

Е.Н. Лебедева,

*кандидат юридических наук, доцент,
кафедра теории государства и права,
Саратовская государственная
юридическая академия*

E.N. Lebedeva,

*Candidate of Law, Associate Professor,
Department of Theory of State and Law,
Saratov State Academy of Law
sergeleennik@yandex.ru*

Юридический язык в системе категорий стимулирования Legal language in the categories of incentives

В настоящее время важно определиться с точно оформленным юридическим языком в системе категорий стимулирования. Дело в том, что стимулирование прочно заняло свои позиции в правовом регулировании

наряду с запретами, ограничениями. Оно повсеместно распространяется в правотворчестве, реализации, толковании права. Общепризнанным фактом является то, что это «тонкая» правовая материя, т. к. в основном зависит от объективных и субъективных факторов и, соответственно, требует материального и идеального выражения. Изначально стимулирование выделялось как метод регулирования, воздействия, показывающий средства для решения вопросов в процессе осуществления жизнедеятельности. К регулированию чаще относили коллегиальные, единоначальные, научно-технические, математического моделирования, логического построения, сетевого планирования и другие методы, к воздействию — убеждение, стимулирование, а также неюридические способы — экономические, политические, социальные, психологические и т. д. По целям и средствам воздействия метод стимулирования связан с применением материального и морального поощрения, льготирования, дозволения и др.

Категориальный аппарат стимулирования может и должен носить последовательный продуманный характер. Стимулирование может выступать методом, средством, функцией, политикой и другими категориями, в основе которых лежат конкретные стимулы. В пределах стимулирования субъектов можно разделять на стимулирующих и стимулируемых. Например, стимулирование называем методом осуществления правостимулирующей политики. В данном случае обоснованно говорить о методе стимулирования как подходе, способе решения вопросов для реализации функций, задач. Будучи составной частью процесса осуществления правостимулирующей политики метод показывает, каким образом реализуются полномочия стимулирующего субъекта, его влияние и воздействие на социальные общности для достижения гармонии, удовлетворение интересов в достижении целей. Суть метода как элемента осуществления правостимулирующей политики отражают два взаимосвязанных момента: во-первых, когда характер и формы социальных взаимосвязей между стимулирующими и стимулируемыми субъектами совпадают, если стимулирующий субъект стремится к максимально выраженной активности личности; во-вторых, средства, используемые стимулирующим субъектом в качестве орудия стимулирующего воздействия на стимулируемых, являются вторичными по отношению к формам, и применяется набор юридических и неюридических инструментов.

Понятие и содержание методов не сводится к характеристике используемых конкретных средств как орудий его осуществления. Так, существующие многочисленные и разнообразные системы оплаты труда (окладная, прогрессивно-премиальная, аккордная и др.) служат орудием (организационно-экономическим средством) осуществления метода стимулирования. Выделенных и оформленных методов меньше, чем средств (организационно-экономических, социально-психологических, правовых) их осуществления. Отсутствие результата в применении средства воздействия еще не говорит о неприемлемости или неэффективности метода и формально не служит достаточным основанием для отказа от его дальнейшего использования. Следует разнообразить и индивидуализировать средства осуществления метода.

Юридический язык в системе категорий стимулирования должен иметь последовательность и взвешенность выражения. Изначально дело за наукой в интерпретации категориального аппарата, а далее юридический язык имеет решающее значение для юридической техники в ее разнообразных проявлениях.
